

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНУИЛА КАНТА»

На правах рукописи

Шепель Яков Геннадьевич

**ВОСТОЧНАЯ ПРУССИЯ В СИСТЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
ЦЕНТРА И ПЕРИФЕРИИ ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
(1918–1923 ГОДЫ)**

Специальность 5.6.2 — «Всеобщая история»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Костяшов Юрий Владимирович

Калининград

2026

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Восточнопрусская проблема в контексте внутренней политики Германии	37
1.1. Политический ландшафт провинции после Первой мировой войны	37
1.2. Партикуляризм провинциальных элит и проект «Восточного государства»	71
1.3. Капповский путч в Восточной Пруссии и его политические последствия для взаимоотношений с Берлином	85
1.4. Кёнигсберг и Берлин: поиски формулы бюрократического взаимодействия	99
Глава 2. Восточнопрусский эксклав и центральные власти: социально-экономические аспекты взаимодействия	122
2.1. Последствия войны для региональной промышленности и транспортной системы. Первые правительственные программы помощи.....	122
2.2. Сельское хозяйство провинции и государственная миграционная политика	137
2.3. Восточная немецкая ярмарка как площадка для диалога между центром и периферией	153
Глава 3. Восточнопрусский фактор во внешней политике Германии	169
3.1. Восточнопрусский транзит через «польский коридор»: между большой дипломатией и региональными интересами.....	169
3.2. Плебисцит 1920 г. в Вармии и Мазурах как общегерманская проблема.....	188
3.3. Мемельский вопрос в контексте внутренней и внешней политики Веймарской республики	203
Заключение	222
Список источников и литературы	225
Приложение	242

Введение

Актуальность темы исследования. Настоящее диссертационное исследование посвящено отношениям центральных властных ведомств Германии и провинциальных органов власти Восточной Пруссии в период становления Веймарской республики — от Ноябрьской революции 1918 г. до завершения кризисного периода и начала относительной политической и социально-экономической стабилизации в 1923 г.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, специфика германской государственности определялась незавершенностью унификации страны, в силу чего региональный фактор неизменно играл существенную роль в политической жизни. В Веймарской республике споры о соотношении федеративных и унитарных принципов начались при обсуждении первых проектов конституции и так и не закончились вплоть до 1933 г. По конституции 1919 г. Германия являлась федеративным государством, однако федеративная форма сочеталась с сильными унитаристскими тенденциями: органы власти рейха заметно расширили свои полномочия, при этом земли сохранили собственные правительства и парламенты. Положение Восточной Пруссии в данном контексте характеризовалось двойным подчинением. Исследование взаимоотношений Кёнигсберга и Берлина позволяет на конкретном материале понять механизмы функционирования Веймарской республики как сложноустроенного политического образования, в котором взаимодействовали разные уровни публичной власти.

Во-вторых, Восточная Пруссия в исследуемый период представляет собой уникальный пример для изучения взаимодействия центра и периферии. Провинция последовательно прошла через несколько кризисов: в 1914–1915 гг. она пострадала от боевых действий в Первой мировой войне, столкнулась с ее последствиями, в частности с разрывом хозяйственных связей с Российской империей и появлением на ее границах новых государств. После завершения

войны Восточная Пруссия была встроена в новые геополитические реалии, оказавшись эксклавом, отделенным от основной территории Германии «польским коридором». Эти изменения сопровождались к тому же территориальными спорами с Польшей и Литвой, появлением страха перед «большевистской угрозой» с востока. Такое плотное наложение кризисов превращает провинцию в своего рода лабораторию, на примере которой можно проследить, как молодая республика пыталась выработать инструменты управления периферийной территорией в условиях ограниченных ресурсов и целого ряда кризисов, параллельно развивавшихся в других частях страны.

Степень изученности проблемы. Историография, посвященная взаимоотношениям Восточной Пруссии с центральной властью в период Веймарской республики, характеризуется фрагментарностью. Если отдельные аспекты — политический ландшафт провинции, институциональное оформление рейхскомиссариата, проведение плебисцита — получили достаточно обстоятельное освещение в научной литературе, то иные сюжеты, прежде всего конкретные механизмы взаимодействия провинциальных властей с центральным правительством, специфика согласования экономических интересов, а также роль неформальных каналов коммуникации между Кёнигсбергом и Берлином, разработаны слабее или не разработаны вовсе. Подобная диспропорция во многом обусловлена как состоянием источниковой базы, так и характерной для всей историографии поляризацией исследовательской оптики: внимание авторов было сосредоточено либо на деятельности центральных органов власти, либо на провинциальных проблемах. Механизмы взаимодействия этих двух уровней часто оставались вне поля зрения исследователей.

Разработка исследуемой проблематики велась прежде всего в рамках западногерманской историографии, что закономерно, учитывая, что после Второй мировой войны большая часть материалов из Государственного архива Кёнигсберга оказалась в ФРГ.

В 1958 г. была опубликована монография Рудольфа Клатта «Восточная

Пруссия под властью рейхскомиссариата»¹. Ценность работы заключается прежде всего в том, что в ней впервые были введены в научный оборот многочисленные архивные материалы из фондов восточнопрусского обер-президиума, а также Гумбинненского и Алленштайнского правительственных округов. Помимо этого, Клатт имел возможность опереться на свидетельства непосредственных участников событий: в частности, он взял интервью у обер-президента Августа Виннига, а также у ряда других провинциальных чиновников, участвовавших в событиях 1918–1923 гг.

Вместе с тем у исследования есть и существенные ограничения. Сосредоточившись преимущественно на событиях, разворачивавшихся внутри провинции, автор в недостаточной степени реконструирует общегосударственный контекст, связанный со взаимодействием Кёнигсберга и Берлина. За рамками остается внутренняя логика принятия решений в центральных ведомствах. Автор также не уделяет должного внимания истокам института рейхскомиссариата, возникшего в ходе Первой мировой войны, что не позволяет в полной мере оценить своеобразие этой бюрократической структуры.

В конце 1960-х гг. западногерманских историков прежде всего интересовал сюжет, связанный с сепаратистским проектом «Восточного государства». Обширную статью этому сюжету посвятил Хаген Шульце², он подробно реконструировал политическую конфигурацию, сложившуюся в рамках данного проекта, и пришел к выводу, что на его провал повлияла разобщенность сторонников этой идеи. Шульце при этом довольно мало внимания уделил восточнопрусскому политическому контексту. Он отметил, что попытка реализации плана Восточного государства ознаменовала первый раскол между германским правительством и консервативными военно-политическими кругами³, не обратив внимания на то, что в самой провинции

¹ Klatt R. Ostpreussen unter dem Reichskommissariat 1919/1920. Heidelberg, 1958.

² Schulze H. Der Oststaat-Plan 1919 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1970. H. 2. S. 123–163; также см.: Schulze H. Freikorps und Republik 1918–1920. Boppard am Rhein, 1969.

³ Schulze H. Der Oststaat-Plan... S. 163.

существовало различное отношение к сепаратистским идеям. Энно Аймерс изучал проект в контексте взаимоотношений между Пруссией и федеральным центром в начальный период существования Веймарской республики⁴.

В этот же период в свет вышла монография Дитера Хертц-Айхенроде «Политика и сельское хозяйство в Восточной Пруссии. Исследование структурной проблемы Веймарской республики»⁵. Монография основывалась на диссертации, подготовленной в Свободном университете Берлина под руководством Герхарда Шульца⁶, и была выстроена вокруг тезиса о структурном характере «восточнопрусской проблемы». Автор подробно реконструирует истоки социально-экономических проблем провинции, прослеживая их вплоть до 1891 г., когда рейхсканцлер Лео фон Каприви впервые сформулировал перед правительством проблему отставания восточных провинций Пруссии от индустриализованного запада⁷. Хертц-Айхенроде показывает, что меры государственной поддержки Восточной Пруссии, предпринимавшиеся еще в кайзеровский период, не затрагивали глубинных структур аграрной экономики и были нацелены преимущественно на «паллиативное» смягчение симптомов кризиса, а не на реформирование сложившейся хозяйственной системы⁸.

С точки зрения проблематики, исследуемой в настоящей диссертации, особую ценность представляет часть монографии, посвященная

⁴ Eimers E. Das Verhältnis von Preußen und Reich in den ersten Jahren der Weimarer Republik (1918–1923). Berlin, 1969.

⁵ Hertz-Eichenrode D. Politik und Landwirtschaft in Ostpreußen 1919–1930. Untersuchung eines Strukturproblems in der Weimarer Republik. Wiesbaden, 1969.

⁶ Для понимания идейной преемственности важно, что в концепции Г. Шульца Веймарская республика рассматривается как система с рядом структурных конфликтов, которые не были разрешены при основании и подтачивали ее устойчивость вплоть до краха в 1933 г. Г. Шульц характеризует Веймарскую конституцию как конституцию компромисса, который был необходим для консолидации и «преодоления революции», а не решения базовых противоречий, ключевым из которых был дуализм рейха и Пруссии. См. подробнее: Schulz G. Zwischen Demokratie und Diktatur. Verfassungspolitik und Reichsreform in der Weimarer Republik. Bd. 1: Die Periode der Konsolidierung und der Revision des Bismarckschen Reichsaufbaus 1919–1930. Berlin, 1963. S. 606–609.

⁷ Hertz-Eichenrode D. Op. cit. S. 160.

⁸ Ibid. S. 161.

политическому ландшафту провинции после Первой мировой войны⁹. Автор на основе архивных материалов детально характеризует расстановку политических сил в провинции, прослеживая доминирующее влияние крупных землевладельцев, опиравшихся на Немецкую национальную народную партию и другие политические организации. Он детально описывает влияние обер-президентов (Адольф фон Батоцки, Август Винниг, Эрнст Зир) на взаимоотношения с центром, анализирует автономистские планы и обращается к проекту «Восточного государства», не упуская, в отличие от Шульце и Аймерса, региональный контекст. Хертц-Айхенроде также пишет не только о стремлении к политической автономии, но и о требованиях экономической автономии, выдвинутых кёнигсбергскими экономическими объединениями — Торгово-промышленной и Сельскохозяйственной палатами.

Принципиально важно, что автор прослеживает, как восточнопрусские инициативы воспринимались и трансформировались в берлинских ведомствах. Это позволяет ему сформулировать тезис, что попытки институционализировать особый статус провинции последовательно блокировались центральными ведомствами не столько по бюрократическим соображениям, сколько из опасения, что любые уступки одному региону создадут прецедент для аналогичных требований со стороны других и все это приведет к разрушению экономического и политического единства рейха¹⁰. В условиях невозможности открытой декларации особого статуса появилось компромиссное решение: в 1920 г. было создано Восточнопрусское представительство в Берлине. Хертц-Айхенроде убедительно демонстрирует, что именно этот институт, поначалу казавшийся скромной канцелярской структурой, постепенно стал важным каналом коммуникации между Кёнигсбергом и Берлином и компенсировал отсутствие более радикальных автономистских преобразований.

⁹ Ibid. S. 57–99.

¹⁰ Ibid. S. 24.

Вместе с тем в монографии Д. Хертц-Айхенроде можно отметить и ряд упущений. Во-первых, несмотря на системный характер «восточнопрусской проблемы», фокус внимания сосредоточен на аграрном секторе, тогда как другие аспекты взаимоотношений центра и периферии затрагиваются лишь в той мере, в какой они связаны с главным сюжетом. Во-вторых, реконструируя политический ландшафт провинции, автор фокусируется на бюрократических структурах, крупных партиях и экономических организациях, тогда как в стороне остаются малые партии, союзы, городское самоуправление, национальные меньшинства. Провинция предстает как объект политики центра, а не как многослойное политическое пространство со множеством внутренних противоречий. Это не позволяет оценить то, как политика центра воспринималась в различных социальных слоях провинции. В-третьих, стоит отметить, что в монографии почти не представлен международный контекст. Несмотря на эти ограничения, монография по сей день сохраняет статус классического исследования по теме и цитируется исследователями.

Существенное место в историографии взаимоотношений Восточной Пруссии с центром занимает диссертация Райнера Шумахера, защищенная в 1985 г. в Кёльнском университете¹¹. Хронологические рамки исследования довольно узки и ограничиваются периодом от заключения Компьенского перемирия до подписания Версальского мирного договора. Однако это дало возможность исследователю существенно расширить географические рамки: Шумахер реконструирует взаимоотношения между центральными властями рейха и восточными провинциями — Восточной Пруссией, Западной Пруссией, Позеном и Силезией. Автор расширил и круг источников, впервые задействовав материалы из Политического архива МИД Германии. Им также были использованы личные фонды (Рудольфа Надольны, Адольфа фон Батоцки) и материалы из Федерального военного архива (Фрайбург), что

¹¹ *Schumacher R. Die Preußischen Ostprovinzen und die Politik des Deutschen Reiches 1918–1919. Die Geschichte der östlichen Gebietsverluste Deutschlands im politischen Spannungsfeld zwischen Nationalstaatsprinzip und Machtanspruch: Inaugural-Dissertation ... eines Doktors der Philosophie. Köln, 1985.*

позволило реконструировать военно-стратегический контекст взаимоотношений между центром и периферией.

Шумахер руководствуется следующей концептуальной рамкой: германская восточная политика в 1918–1919 гг. характеризуется конфликтом двух противоречивших друг другу линий. Согласно первой линии, Германия должна была признать новые национальные государства в Восточной Европе в соответствии с «14 пунктами» Вудро Вильсона. Согласно второй линии, Германия должна была сохранять и удерживать восточные территории в составе рейха¹². Автор показывает, что центральные власти, провинциальные администрации и военное командование на востоке выстраивали свою позицию в лавировании между этими двумя курсами, что создавало постоянные поводы для конфликтов. Подобный подход позволяет рассмотреть восточнопрусскую проблему не только как внутривосточную, но и как внешнеполитическую.

Современная историография по исследуемой теме за последние два десятилетия пережила заметную трансформацию. В новейших исследованиях пересматриваются старые подходы, на передний план выдвигается не внутривосточная, а внешнеполитическая проблематика. Современные исследователи обратили внимание и на те группы политических акторов, которые ранее оставались в тени.

Особое место в этом ряду занимает опубликованная на немецком языке монография исследовательницы Рикако Шиндо «Восточная Пруссия, Литва и Советский Союз в период Веймарской республики. Экономика и политика на германском Востоке»¹³, вышедшая в 2013 г. в престижной серии Прусской исторической комиссии. Книга представляет собой переработанную версию диссертации, защищенной в 2008 г. в Берлинском университете имени Гумбольдта под руководством Йорга Баберовски.

¹² Ibid. S. 6.

¹³ *Shindo R. Ostpreußen, Litauen und die Sowjetunion in der Zeit der Weimarer Republik. Wirtschaft und Politik im deutschen Osten. Berlin, 2013.*

Объемное (почти 900 страниц) исследование охватывает весь веймарский период. По мнению Шиндо, господствующий в современной германской историографии подход, ставящий на первое место внутреннюю политику, ведет к недооценке внешнеполитических и экономических факторов: ограничений Версальского мирного договора, эксклавного статуса провинции¹⁴. Автор спорит со сторонниками теории «особого пути» (*Sonderwegstheorie*), которые отождествляли все «заэльбское» с антидемократическим и консервативным, что привело к «стигматизации Восточной Пруссии межвоенного периода» и помешало понять сложную социально-политическую структуру населения провинции, в особенности противоречия между городскими кругами и крупным аграрным землевладением¹⁵.

В контексте периода 1918–1923 гг. автор фокусируется на двойственном положении обер-президента: он должен был, с одной стороны, играть роль проводника политики центральных властей, с другой — представлять региональные интересы¹⁶. Именно эта двойственность, восходящая к реформам Штейна — Гарденберга, по мнению Шиндо, и составляет ключ к пониманию отношений Кёнигсберга и Берлина на начальном этапе Веймарской республики. Автор последовательно разбирает политику трех обер-президентов и показывает, как каждый из них пытался разрешить конфликт между лояльностью центру и обязательствами перед жителями провинции.

В отличие от Д. Хертц-Айхенроде, исследовательница не фокусируется на аграрном секторе, а смещает оптику в сторону городских торгово-промышленных кругов — Кёнигсбергской торгово-промышленной палаты и обер-бургомистра Г. Ломайера — чьи интересы, по убеждению Шиндо, в историографии до сих пор оставались в тени доминирования помещичьих

¹⁴ Ibid. S. 27.

¹⁵ Ibid. S. 29–30.

¹⁶ Ibid. S. 40–41.

элит¹⁷. Вместо внутренней политики Шиндо также выводит на первый план внешнеполитические и внешнеэкономические условия Версальской системы — разрыв торговых транзитных связей с Россией, остановку лесосплава по Неману. Вместе с тем подобная оптика иногда приводит к чрезмерному расширению проблематики и создает впечатление нескольких книг под одной обложкой. Из-за широты охвата теряется глубина. Например, описывается процесс разработки в 1922 г. первой «Восточнопрусской программы», однако ее проведение и итоги остаются за рамками исследования, повествование переходит к 1926 г.

В 2016 г. Андреас Курт Борм защитил в Грайфсвальдском университете диссертацию (научный руководитель Йорг Хакман) с основным фокусом на развитии Кёнигсберга в Веймарской республике¹⁸. Центральный тезис Борма состоит в том, что после Первой мировой войны провинциальная столица впервые перестала быть периферийным «просителем» („Bittsteller“) и превратилась (или пыталась себя так представить) в активного проводника политики центра в Прибалтике и Восточной Европе¹⁹. Ценность исследования состоит в том, что Борм, подробно освещая деятельность кёнигсбергских бургомистров Ганса Ломайера и Карла Гёрделера, вводит новый уровень взаимоотношений центра и периферии — коммунальный. Недостаток работы проявляется в заикливании на различных инфраструктурных проектах (Кёнигсбергский порт, новое здание Главного вокзала, аэропорт «Девау»): институциональная и административная сторона отношений Берлина и Кёнигсберга реконструируются довольно фрагментарно, через призму отдельных проектов. В изложении политической истории провинции автор во многом следует за предшественниками.

¹⁷ Ibid. S. 23.

¹⁸ *Borm A.* Die Entwicklung Königsbergs i. Pr. zu einer modernen Stadt in der Weimarer Republik. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie der Philosophischen Fakultät der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Greifswald, 2016.

¹⁹ Ibid. S. 380.

Активная разработка исследуемой проблематики велась в *польской историографии*, что объясняется как заинтересованностью Польши в различных аспектах восточнопрусского вопроса в межвоенный период, так и тем, что после 1945 г. в составе Польской Народной Республики оказалась бóльшая часть бывшей Восточной Пруссии. Для настоящего исследования важны три тематических узла: Варминьско-Мазурский плебисцит 1920 г., германская национальная политика в Восточной Пруссии и проблема восточнопрусского транзита через «польский коридор».

Систематическое научное освоение темы началось с работ Войцеха Вжесиньского, фактически основавшего польскую школу исследований межвоенной Восточной Пруссии. Хотя Вжесиньский прежде всего исходил из национальной исследовательской перспективы, фокусировался на судьбах польского национального движения, польско-германском противостоянии, его наблюдения и выводы позволяют глубже понять специфику Восточной Пруссии как особого региона.

В 1974 г. была издана монография Вжесиньского, посвященная плебисциту в Вармии, Мазурах и Повислье²⁰. Исследование основано на богатом источниковом материале, охватывается как дипломатический контекст плебисцита, так и механизмы подготовки к нему. Вжесиньский показывает, что оглушительный успех Германии на плебисците был обеспечен прежде всего сохранением в плебисцитарных районах прежних немецких административных институций²¹. Германские власти опирались на сеть местных патриотических организаций, а их пропагандистский, финансовый и силовой ресурс значительно превосходил польский²².

Многие выводы автора были опубликованы в различных статьях. В статье 1966 г. Вжесиньский фиксирует, что сразу после Первой мировой войны в Восточной Пруссии столкнулись три ключевые концепции выхода из

²⁰ *Wrzesiński W.* Plebiscyty na Warmii i Mazurach oraz na Powiślu w roku 1920. Olsztyn, 1974.

²¹ *Ibid.* S. 287.

²² *Ibid.* S. 286–288.

кризиса: вооруженное восстание, создание новых условий для провинции внутри рейха и отделение провинции от рейха²³. Автор показывает, что центральные власти последовательно стремились ослабить сепаратистские настроения провинциальных элит и подчинить их логике общегерманской политики²⁴. Вместе с тем рейх долгое время уклонялся от конкретных мер помощи Восточной Пруссии, ограничиваясь лишь декларативной поддержкой, что усиливало недовольство местных элит²⁵.

В опубликованной в 1969 г. статье²⁶ автор писал, что в некоторых кругах в Германии известия о проведении плебисцита способствовали усилению центробежных тенденций: со стороны провинциальных элит выдвигались предложения ослабить зависимость Восточной Пруссии от властей рейха и препятствовать проведению плебисцита, неблагоприятного исхода которого многие опасались²⁷. Польская сторона осознавала наличие напряженности между провинциальными элитами и центром и связывала с этим большие надежды на усиление влияния в регионе и территориальные приобретения²⁸.

Однако общая рамка автора остается ограниченной: Восточная Пруссия понимается прежде всего как проблема польской политики, а не как самостоятельный субъект центр-периферийных отношений. Вжесиньский не ставил задачи анализировать взаимоотношения между Кёнигсбергом и Берлином.

В *советской историографии* проблема взаимоотношений между центром и восточными провинциями в годы Веймарской республики не была предметом исследования, региональная история редко выходила на первый план в трудах историков, которые по большей части фокусировались на

²³ *Wrzesiński W.* Między II Rzeczpospolitą a Republiką Weimarską: (z badań nad dziejami Prus Wschodnich w latach 1919–1932) // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1966. №2. S. 257.

²⁴ *Ibid.* S. 257–259.

²⁵ *Ibid.* S. 260.

²⁶ *Wrzesiński W.* Odrodzenie państwa polskiego w 1918 roku a problem Prus Wschodnich // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1969. №3. S. 347–384.

²⁷ *Ibid.* S. 373.

²⁸ *Ibid.* S. 379.

общегерманских событиях²⁹. Во многом это было предопределено оптикой советской историографии, предполагавшей сосредоточение на изучении Ноябрьской революции, классовой борьбы, рабочего движения. Институциональная и административно-территориальная проблематика (федеративное устройство, статус провинций, механизмы согласования интересов между центром и регионами) оставалась в большинстве случаев вне поля зрения исследователей. Соответствующие сюжеты возникали лишь попутно, как фон основного повествования. Известный советский историк Яков Самойлович Драбкин, реконструируя процесс разработки Веймарской конституции, писал о планах Гуго Пройсса по разделу Пруссии, среди сторонников этих планов упоминался А. фон Батоцки³⁰. Похожим образом, характеризуя политический кризис, связанный с подписанием Версальского мирного договора, Я.С. Драбкин затронул и сюжет «Восточного государства»³¹. В результате Восточная Пруссия межвоенного периода рассматривалась в советской историографии в двух контекстах: как площадка революционного движения в 1918–1919 гг. в общем нарративе Ноябрьской революции, а также как оплот фашистской агрессии накануне Второй мировой войны.

В *постсоветской историографии* изначально «маятник качнулся вправо»: интерес историков вызывали праворадикальные силы — фрайкоры, идеология «консервативной революции и так далее»³². Затем подходы к изучению Веймарской республики заметно расширились, историки отошли от прежних идеологических трактовок³³. Появились обобщающие работы по новейшей истории Германии. Среди них можно выделить книгу А.Ю. Ватлина

²⁹ Ватлин А.Ю. Веймарская республика: история неудавшейся демократии // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 3 (27). С. 268–269; Попов И.Д. Региональная политика Германии периода Веймарской республики (1918–1933) в советской и постсоветской историографии // Научный диалог. 2019. № 8. С. 309.

³⁰ Драбкин Я.С. Становление Веймарской республики. М., 1978. С. 32.

³¹ Там же. С. 270–271.

³² Ватлин А.Ю. Веймарская республика... С. 268–269.

³³ Там же. С. 269.

«Германия в XX веке»³⁴. Автор рассматривает Германию в 1918–1933 гг. как «республику без республиканцев», к краху которой привело не обилие врагов, а отсутствие друзей и «рыхлая политическая культура»³⁵. Он также подчеркивает, что территориальные приращения Польши за счет прусских земель «запрограммировали» латентный польско-германский конфликт³⁶.

В постсоветский период появились и специальные работы по темам, связанным с предметом настоящей диссертации. Прежде всего это исследования, связанные с проблемами федеративного устройства, международной политики и трансформацией правящих элит.

Крупнейшим на постсоветском пространстве специалистом по веймарскому федерализму является белорусский историк О.Г. Субботин. В 2000 г. он защитил кандидатскую диссертацию, посвященную становлению основ федерализма в Веймарской республике в 1919–1923 гг.³⁷ Историк исследовал дискуссии о государственном устройстве в период подготовки конституции, саму итоговую модель, выраженную в Веймарской конституции, и различные кейсы, отражающие отношения между рейхом и землями (конфликт рейха с Баварией, рейнский сепаратизм). Концептуальный вклад О.Г. Субботина состоит в раскрытии противоречивой, дуалистической природы веймарского федерализма. С одной стороны, историк показал, что, несмотря на усиление центра, земли сохранили достаточно высокую степень самостоятельности в сферах регионального законодательства, управления и юстиции и продолжали влиять на политику рейха через рейхсрат — орган парламентского представительства земель³⁸. С другой стороны, он пришел к выводу, что нерешенность проблемы территориального устройства и форсированная централизация основных сфер жизнедеятельности государства не позволили веймарской модели федерализма стать фактором политической и

³⁴ Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. М., 2002.

³⁵ Там же. С. 62.

³⁶ Там же. С. 64.

³⁷ Субботин О.Г. Становление основ федерализма в Веймарской республике (1919–1923 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2000.

³⁸ Там же. С. 25.

социально-экономической стабильности первой германской демократии. Исследование было расширено в ряде статей³⁹.

История Восточной Пруссии в исследуемый период во многом определялась столкновением двух систем международных отношений: Брестской, установленной в Восточной Европе в 1918 г. после выхода Советской России из войны, и Версальской — навязанной Германией странами-победительницами в июне 1919 г. Для осмысления этого процесса были привлечены исследования Л.В. Ланника, предложившего рассматривать порядок, установленный в 1918 г. на постимперском пространстве в Восточной Европе, не как набор разрозненных мирных договоров, а как целостную систему, державшуюся на военно-административном аппарате германского гегемона⁴⁰. При этом ни денонсация Брестского мира, ни Компьенское перемирие не означали немедленного демонтажа установленной ранее системы: германское военное присутствие на территориях бывшей Российской империи сохранялось на протяжении многих месяцев, что имело особое значение для приграничных территорий⁴¹. В таком контексте можно рассматривать Восточную Пруссию как пограничный регион, положение которого сильно зависело от процесса смены систем международных отношений.

Проблемам истории веймарской элиты посвящены исследования Т.В. Евдокимовой. Автор комплексно проанализировала процесс трансформации правящей политической элиты Веймарской республики на

³⁹ Субботин О.Г. Проекты «имперской реформы» в годы Веймарской республики // Весті БДПУ. 2014. № 4. Серія 2. С. 58–62; Субботин О.Г. К вопросу о государственно-территориальном устройстве Веймарской Германии // Научные труды республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2020. №20 (2). С. 214–221; Субботин О.Г. Место и роль рейхсрата в системе высших органов государственной власти Германии (1919–1934 гг.) // Образование и наука в XXI веке. Ежегодный сборник научных трудов БГПУ. Минск, 2019. С. 161–165.

⁴⁰ Ланник Л.В. Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе в 1918 г.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2021. С. 51.

⁴¹ Ланник Л.В. Судьба наследия Брестской системы между Компьеном и Версалем // Чичеринские чтения. «Революционный 1917 год»: поиск парадигм общественно-политического развития мира. Материалы международной научной конференции. Тамбов, 2018. С. 157.

уровне рейхсканцлеров и состава их кабинетов, помимо этого она опубликовала ряд статей по отдельным рейхсканцлерам и экономической политике⁴². Т.В. Евдокимова показала разнородность высшего политического класса и «противостояние старой, традиционной элиты, исповедовавшей культ нации, и новой, ориентированной на идею демократии»⁴³. Этот тезис подтверждается и на примере восточнопрусской элиты, которая в 1918–1923 гг. была внутренне расколота.

В постсоветский период у калининградских историков появилась возможность исследовать историю Восточной Пруссии, однако первые опубликованные по этой тематике работы носили научно-популярный, краеведческий характер, сложная проблематика взаимоотношений Кёнигсберга и Берлина не затрагивалась. Полноценное научное освоение темы началось во второй половине 1990-х — начале 2000-х гг., когда появились первые общие исследования⁴⁴ и были защищены первые диссертации.

Защищенная в 2003 г. в Санкт-Петербургском государственном университете диссертация М.В. Виноградова⁴⁵ была первой в отечественной историографии попыткой представить целостную картину развития Восточной Пруссии в межвоенный период. Для реконструкции положения провинции автор обратился к категории «анклава» как ключевой характеристике послевоенного положения провинции. Автор показал, что изоляция Восточной Пруссии оказала определяющее влияние на ее политическое и экономическое развитие, а также на взаимоотношения с

⁴² *Евдокимова Т.В.* Правящая политическая элита Веймарской Германии: Вильгельм Куно // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2005. №3 (15). С. 89–92; *Евдокимова Т.В.* О специфике рекрутирования элит на пост рейхсминистра иностранных дел в период Веймарской республики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2. № 3 (63). С. 110–114.

⁴³ *Евдокимова Т.В.* Трансформация правящей политической элиты Веймарской Германии (на примере рейхсканцлеров и состава их кабинетов): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2012. С. 36.

⁴⁴ Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны. Калининград, 1996. С. 388–396; Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Кретинин, В.Н. Брюшинкин, В.И. Гальцов и др. Калининград, 2002. С. 346–375.

⁴⁵ *Виноградов М.В.* Восточнопрусский анклав в межвоенный период (1918–1939): дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2003.

центральными властями. Помимо этого, было установлено, что экономическое развитие провинции в межвоенный период носило ограниченный и во многом искусственно поддерживаемый характер, что усиливало зависимость региона от государственных субсидий и внешнеэкономических связей. Источниковая база исследования, однако, была ограничена опубликованными документами и периодикой. Ввиду широты хронологических рамок раннему веймарскому периоду было уделено довольно мало внимания.

В 2022 г. калининградский исследователь А.С. Макарычев защитил в Балтийском федеральном университете им. И. Канта диссертацию под названием «Ноябрьская революция в Восточной Пруссии: демократия и реакция на периферии Германии»⁴⁶. Опираясь на широкий круг материалов из Тайного архива Прусского культурного наследия в Берлине и восточнопрусскую периодику, автор подробно реконструирует развитие и сворачивание революционной ситуации в провинции. Многие источники впервые вводятся в научный оборот. Автор убедительно показывает, как берлинскому правительству удалось обуздать революционный кризис, направив в Кёнигсберг А. Виннига в качестве рейхскомиссара (с июля 1919 г. — обер-президента), на которого была возложена задача сдерживания революционной активности в провинции. Несомненной заслугой исследователя является то, что в диссертации впервые в отечественной историографии комплексно проанализированы такие сюжеты, как деятельность местных рабочих и солдатских Советов, роль «Восточнопрусской отечественной службы» в стабилизации политической ситуации в провинции. При этом есть и существенное ограничение — исследователь сосредоточился на внутривнутриполитических провинциальных событиях. В исследовании не всегда учитывается внешнеполитический и общегерманский контекст, влиявший на положение дел в провинции.

⁴⁶ Макарычев А.С. Ноябрьская революция 1918 г. в Восточной Пруссии: демократия и реакция на периферии Германии: дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2022.

Подводя итог историографическому обзору, можно констатировать, что взаимоотношения Восточной Пруссии с центральными властями в веймарский период получили в научной литературе многостороннее, но при этом неравномерное освещение. В германской историографии восточнопрусская проблема рассматривалась как структурное явление (Д. Хертц-Айхенроде), немецкие авторы также разрабатывали конкретные сюжеты — период рейхскомиссариата (Р. Клатт) и «Восточное государство» (Х. Шульце, Э. Аймерс) и обратились к внешнеполитическому контексту проблемы (Р. Шумахер). В новейшей германской историографии акценты сместились — большее внимание было уделено внешнеэкономическому взаимодействию провинции с СССР и Литвой. От фокуса на интересах крупных аграриев историки перешли к реконструкции интересов торгово-промышленных городских элит (Р. Шиндо, А. К. Борм). Польские исследователи рассматривали историю Восточной Пруссии в данный период через призму германо-польского противостояния, что привело к игнорированию проблематики центр-периферийных отношений. В постсоветской историографии, после длительного периода закрытости темы, в последние десятилетия появились значимые диссертационные исследования, однако тематика взаимоотношений Кёнигсберга и Берлина не получила должного освещения.

Объект исследования — взаимоотношения центральных ведомств рейха и Пруссии с административными органами и региональными элитами Восточной Пруссии в период становления Веймарской республики (1918–1923 гг.).

Предмет исследования — политические и административные практики, посредством которых центральные власти Германии осуществляли управление Восточной Пруссией, а также стратегии региональных акторов и способы их взаимодействия с центром.

Цель работы — раскрыть содержание, механизмы и результаты взаимодействия центральных властей Веймарской республики с

бюрократическим аппаратом, политической элитой и общественными институтами Восточной Пруссии в 1918–1923 гг.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские **задачи**:

- охарактеризовать политический ландшафт Восточной Пруссии в первые годы Веймарской республики и определить влияние основных политических сил провинции на взаимоотношения с центром;
- реконструировать сепаратистские и автономистские проекты провинциальных элит, проанализировать их содержание, причины возникновения и провала;
- выявить формы и каналы институционального и неформального взаимодействия центральных и провинциальных властей;
- проанализировать первые экономические меры поддержки центральных властей по отношению к сельскому хозяйству и промышленности Восточной Пруссии;
- раскрыть особенности взаимодействия центра и периферии в контексте проблемы восточнопрусского транзита через «польский коридор»;
- проанализировать ход и итоги Варминьско-Мазурского плебисцита и определить его значение для взаимоотношений центра и Восточной Пруссии;
- раскрыть содержание Мемельского вопроса и определить его место в рамках взаимодействия Берлина и Кёнигсберга.

Методологической и теоретической базой исследования, помимо общенаучных методов, стали специальные исторические методы, дополненные концепциями смежных социально-гуманитарных дисциплин.

Историко-генетический метод применялся для реконструкции происхождения и развития тех условий и процессов, которые определили положение Восточной Пруссии в 1918–1923 гг. С помощью этого метода можно проследить эволюцию статуса провинции от кризиса конца Первой мировой войны до относительной политической и социально-экономической стабилизации в 1923 г.

Историко-системный метод дал возможность рассмотреть Восточную Пруссию как сложную систему. В рамках этого подхода провинция была проанализирована не изолированно, а во взаимосвязи ее внутренних элементов — административных, политических и экономических — с общегерманскими и международными процессами.

Историко-сравнительный метод применялся в трех направлениях. Во-первых, он позволил отделить политические и социально-экономические явления и процессы, специфические для Восточной Пруссии, от тех, что были общими для всей Веймарской республики. Во-вторых, сопоставление политики центральных властей в отношении Восточной Пруссии и Рейнской области, двух кризисных периферий республики, помогло установить, от чего зависело внимание Берлина к региональным проблемам. В-третьих, сравнение политики республиканских властей в отношении Восточной Пруссии с практикой кайзеровского периода позволило оценить, насколько изменились принципы государственной поддержки проблемной провинции.

Биографический и просопографический методы помогли показать, как личные и групповые характеристики участников событий влияли на отношения Кёнигсберга и Берлина. Биографический метод применялся при характеристике ключевых фигур провинциальной администрации: А. фон Батоцки, А. Виннига и Э. Зира, обер-бургомистров Г. Ломайера и К. Гёрделера, а также регирунгспрезидентов и представителей провинции в Берлине. Происхождение, образование, партийная принадлежность и карьера этих деятелей во многом объясняют, какие стратегии они выбирали во взаимоотношениях с центром и с местными элитами. *Просопографический метод* позволил изучить группы чиновников и политиков по единым критериям. Анализ состава восточнопруссских ландратов на март 1920 г. (происхождение, возраст, партийность, время назначения) позволил проверить, насколько демократизировался местный бюрократический аппарат после Ноябрьской революции и объяснить, почему в разных правительственных округах чиновники по-разному вели себя во время

Капповского путча. Анализ состава Совета народных уполномоченных и правительств рейха в 1918–1923 гг. по месту рождения и происхождению их членов подтвердил мнение современников о том, что восточные провинции были слабо представлены в высших органах власти, а сами члены правительства, происходившие из других частей страны, были далеки от проблем этих регионов.

Особое внимание следует уделить специфическому **понятийному аппарату**. В рамках диссертации используется понятие *«восточнопрусская проблема»*. Это комплексное понятие, обозначающее совокупность взаимосвязанных вызовов, с которыми столкнулись провинция и центральные власти после окончания Первой мировой войны и подписания Версальского мирного договора. Это понятие активно использовалось современниками, в немецкой публицистике в изучаемый период использовалась также такая формулировка, как *«восточнопруссский вопрос»*. Содержательно восточнопрусская проблема включает в себя несколько измерений.

Внутриполитическое измерение, связанное с революционными событиями 1918–1919 гг., политической поляризацией провинциального общества, влиявшей на выстраивание взаимоотношений с центральными властями.

Экономическое измерение, связанное с отделением провинции от основной территории рейха, аграрным характером восточнопрусской экономики, зависимостью от импорта промышленных товаров и усугублением всех этих факторов вследствие послевоенной разрухи и инфляции.

Геополитическое (или внешнеполитическое) измерение. После завершения Первой мировой войны провинция оказалась в центре сразу нескольких международных конфликтов и неурегулированных вопросов. Вследствие создания «польского коридора» она стала эксклавом, а связь с рейхом через территорию другого государства была осложнена, что порождало озабоченность среди населения. Вторым узлом напряженности стал плебисцит 1920 г. в Вармии и Мазурах, проводившийся под международным контролем и

сопровождавшийся острым польско-германским противостоянием. Третий вопрос был связан с Мемельской областью, статус которой оставался неясен.

Понятие «*центр*» в исследовании используется для обозначения органов власти и политических элит уровня рейха и Пруссии, определявших политику в отношении провинции. «Периферия» понимается как совокупность провинциальных органов управления и региональных элит Восточной Пруссии. Двухуровневый характер центра обусловлен сложным устройством Германии — Восточная Пруссия была провинцией в составе Свободного государства Пруссия — крупнейшей земли Веймарской республики.

Периферийное положение Восточной Пруссии определялось не только ее административной подчиненностью центру, но и территориальной обособленностью. Это обстоятельство требует отдельного уточнения. В исследовательской литературе не существует единого мнения относительно терминологического определения территорий, отделенных от основной части государства по суше, но сохранивших выход к морю. В классическом понимании, восходящем к Г. Робинсону, эксклав — это «часть территории одной страны, полностью окруженная территорией другой страны»⁴⁷. О. Катудаль полагал, что при наличии собственного морского сообщения с метрополией такую территорию вообще не следует относить к эксклавам⁴⁸. В отечественной историографии применительно к Восточной Пруссии межвоенного периода закрепились конкурирующие обозначения. С одной стороны, Е.Ю. Винокуров рассматривал межвоенную Восточную Пруссию как «эксклав Германии»⁴⁹. С другой стороны, в названной выше диссертации М.В. Виноградов последовательно использует понятие анклага⁵⁰, что отражает восприятие провинции извне — со стороны окружающих государств. В рамках настоящей диссертации Восточная Пруссия рассматривается с внутренней

⁴⁷ *Robinson G. W. S. Exclaves // Annals of the Association of American Geographers. 1959. Vol. 49. №3. P. 283.*

⁴⁸ *Catudal H.M. The Exclave Problem of Western Europe. Tuscaloosa, 1979. P. 5.*

⁴⁹ *Винокуров Е.Ю. Теория анклавов. Калининград, 2007. С. 175–178.*

⁵⁰ *Виноградов М.В. Указ. соч.*

точки зрения — как часть Германии, отделенная от ее основной территории. Поэтому используется предложенное А.П. Клемешевым и Я.А. Ворожейиной понятие «приморского эксклава»⁵¹, что отражает как сухопутную отделенность провинции, так и сохранение ею морского сообщения с метрополией.

Понятие «рейх» в историографии отличается многозначностью⁵². Применительно к задачам настоящего исследования «рейх» рассматривается в узком, институциональном смысле, как совокупность органов власти общегерманского уровня, взаимодействовавших с восточнопрусской периферией: рейхсканцлер и правительство рейха, профильные министерства. Такое понимание опирается на устройство Веймарской республики, закрепленное в конституции, которая разграничивала компетенции рейха и земель. Этот подход позволяет лучше понять взаимоотношения Восточной Пруссии с центром, поскольку провинция входила в состав Свободного государства Пруссия, а потому взаимодействие восточнопрусских акторов с общегерманскими властями было опосредовано прусскими органами власти. Это порождало уже упоминавшийся германо-прусский дуализм, при котором «центр» выступал не как единый субъект, а как два уровня власти, которые хотя и были тесно переплетены, но не были тождественны. Разведение рейха и Пруссии позволяет более четко реконструировать многоуровневые взаимоотношения Кёнигсберга и Берлина.

В рамках диссертации используется понятие «элиты». Под элитами вслед за Дж. Хигли понимаются «личности и небольшие группы людей, которые, благодаря преимуществу своего стратегического положения, занимаемого ими в крупных организациях, могущих считаться ведущими на основании каких-либо иных признаков, способны оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты»⁵³. Применительно к

⁵¹ Клемешев А.П., Ворожейина Я.А. Эксклавность Калининградской области: опыт экспликации // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 2. С. 6.

⁵² См. подробнее: Aretin K.O. von, Conze W., Fehrenbach E., Hammerstein N., Moraw P. Reich // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 5. Stuttgart, 1984. S. 423–508.

⁵³ Хигли Дж. Элиты, вне-элитные группы и пределы политики: теоретический ракурс //

германскому материалу это определение уточняется за счет предложенного В. Цапфом функционального понимания элит, в рамках которого они рассматриваются не как единый привилегированный слой, а как группы, состав и положение которых определяется функцией, выполняемой ими в политическом процессе⁵⁴. Это понимание позволяет описывать провинциальные элиты как совокупность конкурирующих функциональных групп — административной (обер-президиум, регирунгспрезиденты, ландраты), аграрной (крупные землевладельцы, Сельскохозяйственная палата), торгово-промышленной (Торгово-промышленная палата Кёнигсберга) и военной (командование 1-го корпусного округа (Wehrkreis I)).

Источниковая база исследования. В настоящем диссертационном исследовании автор использовал различные исторические источники, которые можно разделить на несколько групп в зависимости от их происхождения.

Первую группу составили источники, формирующие общую правовую и политическую рамку исследования: конституции Веймарской республики и Пруссии⁵⁵, материалы органов законодательной власти всех уровней (Национального собрания (1919–1920), рейхстага (1920–1923)). Изучение конституций и законодательных актов позволило понять общий строй государственно-правовых отношений Веймарской республики, определить объем полномочий рейха и федеральных земель, а также установить конституционно-правовой статус Пруссии и ее провинций. При работе с материалами Национального собрания и рейхстага внимание было уделено не только стенограммам парламентских заседаний, но и депутатским интерpellациям. Это позволило узнать, каким образом провинциальная проблематика артикулировалась на общегерманском уровне. Для

Элиты и общество в сравнительном измерении. М., 2011. С. 35.

⁵⁴ Zapf W. Wandlungen der deutschen Elite: Ein Zirkulationsmodell deutscher Führungsgruppen 1919–1961. München, 1966. S. 18, 35.

⁵⁵ Die Verfassung des Deutschen Reiches („Weimarer Reichsverfassung“). URL: <https://www.verfassungen.de/de19-33/verf19-i.htm> (дата обращения: 20.04.2026); Verfassung des Freistaats Preußen vom 30. November 1920. URL: <https://www.verfassungen.de/preussen/preussen20-index.htm> (дата обращения: 20.04.2026).

реконструкции политического ландшафта была задействована электоральная статистика выборов в Национальное собрание, рейхстаг, прусский ландтаг, восточнопрусское провинциальное собрание⁵⁶. Статистика отражает динамику избирательной активности, распределение голосов и особенности политических предпочтений населения Восточной Пруссии, что дает возможность реконструировать политический ландшафт провинции и выявить тенденции развития политических процессов.

Вторую группу составили документы центральных исполнительных органов власти рейха и Пруссии, отражающие выработку и реализацию политики в отношении Восточной Пруссии. Центральное место среди опубликованных материалов занимают акты рейхсканцелярии Веймарской республики, размещенные на специализированном электронном ресурсе и включающие протоколы заседаний правительства рейха и межведомственную переписку⁵⁷.

Эти материалы были существенно дополнены архивными источниками из Федерального архива Германии, где в фондах рейхсканцелярии, рейхспрезидента и ряда отраслевых ведомств аккумулировались материалы, связанные с проблемами Восточной Пруссии в изучаемый период. Проанализированный корпус документов неоднороден и включает несколько подгрупп. Самую обширную подгруппу составляет служебная переписка между ведомствами рейха, Пруссии, восточнопрусским обер-президиумом и различными провинциальными политическими и экономическими объединениями⁵⁸. К ней также относятся отчеты восточнопрусских властей о социально-экономической и политической ситуации в провинции,

⁵⁶ Электоральная статистика размещена на портале „Wahlen in Deutschland“. URL: <https://www.wahlen-in-deutschland.de/wlupOstpreussen.htm> (дата обращения: 20.04.2026).

⁵⁷ Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. URL: <https://apps.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0000/index.html?jsessionid=59A8F7503A3D820F980AC3D1929046F6> (дата обращения: 11.12.2025).

⁵⁸ Фонды Федерального архива Германии: Bundesarchiv (далее — BArch). R 43-I/1847–1851 (Ostpreußen, insbes. Hilfsmaßnahmen); BArch. R 601/601 (Erhaltung und Förderung des Deutschtums in den abgetretenen Ostprovinzen).

многочисленные циркулярные письма, прошения, жалобы, докладные записки, отражающие сложность взаимодействия между Берлином и Кёнигсбергом. Значительное место в обозначенных фондах занимают материалы специальных межведомственных совещаний по проблемам Восточной Пруссии, а также стенограммы «Восточнопруссских конференций» — заседаний в широком составе, объединявших представителей властей разного уровня. Таким образом, привлечение указанных фондов позволило реконструировать официальные механизмы выработки решений в высших эшелонах власти и проследить характер взаимодействия между центральными властями и восточнопруссскими акторами.

К материалам центральных ведомств примыкает экономическая и демографическая статистика, публиковавшаяся в «Статистических ежегодниках германского статистического ведомства» и содержащая данные о миграциях населения, развитии восточнопрусского сельского хозяйства и промышленности⁵⁹.

Отдельно следует выделить документы внешнеполитического ведомства и материалы международно-правового характера, без анализа которых невозможно понять особенности взаимодействия Восточной Пруссии с центральными органами власти, так как после заключения Версальского мирного договора провинция превратилась в важный узел внешней политики. Основу этой группы составили опубликованные документы из серии сборников по истории германской внешней политики, изданных в 1980-е гг. Была задействована дипломатическая, а также внутриведомственная переписка МИД, касающаяся Восточной Пруссии. Здесь можно выделить материалы, связанные с польско-германскими переговорами об урегулировании «Восточнопруссского транзита», переписку между германскими ведомствами относительно подготовки к Варминьско-Мазурскому плебисциту, а также почти не введенные в научный оборот отчеты

⁵⁹ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgänge 35–44. 1914–1925. Berlin, 1914–1925.

рейхскомиссара по Мемельской области. Эти материалы дополнялись и сопоставлялись с неопубликованными источниками из Политического архива германского МИД⁶⁰. Существенное значение имеют также опубликованные тексты международных договоров (Версальский мирный договор) и конвенций (соглашение о восточнопрусском транзите, Мемельский статут). Здесь же следует назвать составленный польскими историками сборник документов по истории плебисцита в Вармии и Мазурах, позволяющий на основе польских и германских источников реконструировать ход и итоги плебисцитарной кампании 1920 г.⁶¹

Комплексный анализ указанных источников позволил проследить, как внешнеполитические условия, в которых оказалась Германия после Первой мировой войны, отражались на взаимодействии представителей провинции с чиновниками из берлинских ведомств на уровне рейха и Пруссии.

Следующую группу образуют документы местных органов власти и организаций — провинциального обер-президиума, магистрата Кёнигсберга, провинциальных экономических объединений. Их поиск оказался трудоемкой задачей в связи со сложной судьбой Государственного архива Кёнигсберга, фонды которого после Второй мировой войны были в значительной мере утрачены, а сохранившиеся части были разделены между несколькими архивными хранилищами Германии, Польши и России. Несмотря на это, данные источники были необходимы для реконструкции того, как управленческие решения вырабатывались на местном уровне, как формулировались провинциальные интересы и требования к центру. С другой стороны, местные материалы были важны для понимания реакции местных элит на политику Берлина. Этот пробел удалось в некоторой мере компенсировать за счет того, что копии документов местного происхождения отложились в названных выше фондах Федерального архива Германии. В

⁶⁰ Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (далее — PAAA). RZ 201 (Abteilung IA); PAAA. RZ 208 (Länderabteilung IV).

⁶¹ Plebiscyty na Warmii i Mazurach i Powiślu w 1920 roku. Wybór źródeł. Olsztyn, 1986.

частности, в фонде рейхсканцелярии сохранилась переписка между обер-президентом и ландратами, а также отчеты и обращения провинциальных экономических объединений. При изучении местного уровня были задействованы неопубликованные стенограммы заседаний Восточнопрусского провинциального ландтага — важного пространства борьбы региональных элит. Стенограммы и делопроизводственная документация провинциального собрания хранятся в Государственном архиве г. Ольштына⁶².

Важно также, что недостаток источников, связанных с провинциальным уровнем, удалось в некоторой степени компенсировать за счет «трофейных» фондов Российского государственного военного архива, в котором отложилась, например, переписка между обер-президиумом и чиновниками плебисцитарных районов⁶³.

Существенную роль в реконструкции отношений между Кёнигсбергом и Берлином сыграли материалы периодической печати. Восточнопрусские и общегерманские газеты освещали как текущие события политической и социально-экономической жизни, так и ключевые аспекты взаимодействия провинциальных и центральных властей, отражая широкий спектр оценок и интерпретаций происходящих процессов. Помимо этого, периодическая печать выступала инструментом формирования общественного мнения, транслируя пропагандистские установки и отражая интересы различных политических групп, что позволяет рассматривать ее не только как транслятора информации, но и как участника политического процесса. В этом контексте принципиально важно, что в исследовании были привлечены издания различной политической ориентации. Наряду с либеральной («Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг», «Берлинер Тагеблатт», «Фоссише

⁶² Archiwum Państwowe w Olsztynie (далее — АРО). Zespół 1088, sygn. 938. Verhandlungen des 46. Provinziallandtages, 1920.

⁶³ Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 1503к. Оп. 1. Д. 3. Переписка с регирунгспрезидентом в Мариенвердере, межсоюзнической комиссией по проведению плебисцита в Западной Пруссии и МВД Пруссии о реорганизации полиции безопасности, о подчинении ее межсоюзнической комиссии, об оплате служащих полиции и др.

Цайтунг» и др.) и социал-демократической («Кёнигсбергер Фольксцайтунг», «Фрайхайд») прессой, использовались газеты, транслировавшие позиции партий консервативного политического спектра («Остпрройсшише Цайтунг», «Дойче Алльгемайне Цайтунг» и др.)⁶⁴. Такой подход позволил избежать односторонней интерпретации рассматриваемых событий.

Последнюю группу составили источники личного происхождения (как опубликованные, так и неопубликованные). Данный тип источников обладает значительным потенциалом для раскрытия проблематики исследования, так как позволяет проникнуть «за кулисы» официальной политики и реконструировать субъективное восприятие политических процессов, мотивацию тех или иных действий и выявить особенности принятия решений на различных уровнях власти. Помимо этого, воспоминания участников событий позволяют приблизиться к микрополитическому уровню взаимодействия центра и периферии: установить влияние личных связей, конфликтов, неформальных коалиций, не находящих отражения в официальных документах. В первую очередь были привлечены воспоминания восточнопрусских чиновников, непосредственно вовлеченных в управление провинцией: рейхскомиссара и обер-президента Августа Виннига⁶⁵, обер-президента Эрнста Зира⁶⁶, обер-бургомистра Кёнигсберга Ганса Ломайера⁶⁷, рейхскомиссара плебисцитарного округа Вильгельма фон Гайля⁶⁸. Кроме того, были использованы воспоминания общегерманских деятелей: военных —

⁶⁴ Использованы цифровые коллекции: Zeitungsinformationssystem der Staatsbibliothek zu Berlin. URL: <https://zefys.staatsbibliothek-berlin.de/list/> (дата обращения: 20.04.2026); Deutsche Zeitungsportal. URL: <https://www.deutsche-digitale-bibliothek.de/newspaper> (дата обращения: 20.04.2026). При цитировании и ссылках в диссертации на публикации прессы использовался (если специально не оговаривается) основной *утренний* выпуск газет.

⁶⁵ Winnig A. 400 Tage Ostpreussen. Dresden, 1928; Winnig A. Heimkehr. Hamburg, 1935.

⁶⁶ Машинопись воспоминаний находится в собственности потомков Эрнста Зира. Автору диссертации была любезно предоставлена электронная копия данной машинописи.

⁶⁷ Lohmeyer H. Rückblick auf meine Amtszeit // Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg/Pr. 1957. Bd. 7. S. 250–265.

⁶⁸ Gayl W., von. Ostpreußen unter fremden Flaggen. Ein Erinnerungsbuch an die ostpreußische Volksabstimmung vom 11. Juli 1920. Königsberg, 1940. Помимо этого, были использованы неопубликованные воспоминания, хранящиеся в личном фонде В. фон Гайля в Федеральном архиве Германии (Берлин): BArch. N 1031/2; N 1031/4; N 1031/10.

первого генерал-квартирмейстера Вильгельма Грёнера⁶⁹, полковника Вильгельма Хайе⁷⁰; правительственных чиновников, например, шефа бюро рейхспрезидента Рудольфа Надольны⁷¹. В исследовании учитывался субъективный характер мемуарной литературы, поэтому данные источники сопоставлялись с архивными материалами и периодической печатью.

Хронологические рамки исследования охватывают период с конца 1918 г. по конец 1923 г. Начальной точкой исследования выступает завершение Первой мировой войны и события Ноябрьской революции, приведшие к крушению монархии в Германии и трансформации государственного строя. Именно в этот момент формировались новые политические институты, складывались взаимоотношения центра и регионов, а также проявились специфические черты положения Восточной Пруссии как эксклавного региона. Верхняя граница исследования определяется концом 1923 г., что связано с завершением острого этапа внутренней и внешнеполитической нестабильности. К этому времени произошла стабилизация внутриполитической ситуации, выражавшаяся в прекращении серии кризисов и путчей, а также наметилась относительная нормализация внешнеполитического положения провинции.

Географические рамки исследования ограничиваются фактическими границами Восточной Пруссии по административному делению 1905 г., согласно которому провинция была поделена на три правительственных округа (Regierungsbezirk): Кёнигсбергский, Гумбинненский и Алленштайнский. Эти правительственные округа делились на множество районов (Kreis). Помимо этого, учитываются территориальные изменения, произошедшие после подписания Версальского мирного договора, в результате которого к Польше отошла большая часть Западной Пруссии. Районы, сохранившиеся под контролем Германии после плебисцита 1920 г.,

⁶⁹ BArch. N 46/2.

⁷⁰ BArch. N 18/5.

⁷¹ *Nadolny R. Mein Beitrag. Köln, 1985.*

были включены в состав Восточной Пруссии, в частности, 10 января 1920 г. к провинции был присоединен город Эльбинг и прилегающий к нему район, а с 1 июля 1922 г. официально включены территории восточнее Вислы. Поскольку в центре диссертации находится проблема взаимоотношения столичных властей и провинции, география исследования распространяется также на Берлин и в каком-то смысле на всю Германию.

Структура диссертации обусловлена поставленными задачами и построена в соответствии с проблемным подходом. Основная часть состоит из трех глав, включающих десять параграфов. Первая глава посвящена внутриполитическому измерению взаимоотношений Берлина и Кёнигсберга, вторая — экономической проблематике, третья — внешнеполитическим аспектам восточнопрусского вопроса.

Научная новизна исследования заключается в применении комплексного подхода к анализу взаимоотношений Восточной Пруссии с центральными властями в 1918–1923 гг. В отличие от предшествующих работ, где отдельные аспекты восточнопрусской проблемы рассматривались изолированно, в настоящем исследовании предпринята попытка реконструировать взаимодействие Кёнигсберга и Берлина как многоуровневую систему, в которой внутриполитические, социально-экономические и внешнеполитические аспекты оказывали влияние друг на друга. Подобный подход позволяет преодолеть характерную для историографии поляризацию исследовательской оптики, в рамках которой внимание авторов было сосредоточено либо на деятельности центральных органов власти, либо на внутренних вопросах провинции. В то же время сами механизмы взаимодействия оставались на периферии научного интереса.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что на примере взаимоотношений между Кёнигсбергом и Берлином выявляются закономерности и особенности взаимоотношений центра и периферии в условиях политической трансформации, территориальной дезинтеграции и экономической

нестабильности, последовавших за Первой мировой войной. Проведенное исследование позволяет уточнить роль регионального фактора во внутренней и внешней политике Германии, а также раскрыть механизмы адаптации эксклавных территорий к новым геополитическим условиям. Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее результатов при разработке общих и специальных курсов по новейшей истории Германии, истории стран Балтийского региона и проблемам международных отношений в Центральной и Восточной Европе, а также при дальнейшем изучении вопросов региональной политики, пограничных территорий и исторического опыта взаимодействия центра и периферии в XX в.

Положения, выносимые на защиту:

1. В 1918–1923 гг. ни центральные ведомства рейха и Пруссии, ни восточнопруссский провинциальный истеблишмент не выступали как внутренне консолидированные акторы. Расхождения внутри каждой из сторон были не менее значимыми, чем противоречия между ними. Вследствие этого взаимоотношения Кёнигсберга и Берлина имели полисубъектный характер. В этих условиях формировались ситуативные коалиции, объединявшие представителей различных центральных ведомств и провинциальных группировок, выходившие за рамки традиционного деления на центр и периферию.

2. Различным ведомствам рейха, Пруссии и провинциальной бюрократии не удалось выработать устойчивые механизмы кризисного взаимодействия. В рамках изучаемого периода прослеживается определенная эволюция форм и способов обеспечения самостоятельности провинции: обер-президент А. фон Батоцки выступал за проект масштабного территориально-административного переустройства Германии, его преемник на этом посту А. Винниг стремился к расширению полномочий обер-президента, при Э. Зире возникла компромиссная конструкция Восточнопруссского представительства в Берлине. Эти изменения отражают снижение масштаба выдвигавшихся от лица провинции требований по мере институционализации Веймарской

республики и утраты надежд на радикальное переустройство взаимоотношений с центром.

3. Восприятие экономического положения Восточной Пруссии после Первой мировой войны существенно различалось у представителей центра и провинции. В Восточной Пруссии считали, что провинция переживает структурный кризис, требующий системного государственного вмешательства и централизованных инвестиций. В Берлине, напротив, исходили из представления о хозяйственной самодостаточности провинции. Это расхождение отражало более глубокий сдвиг: новые республиканские власти стремились выстроить отношения с провинцией на рационально-экономических основаниях и не были склонны к практике постоянного субсидирования проблемной периферии. Этим во многом объясняется рассогласованность экономической политики центра и ожиданий населения провинции.

4. Опыт реализации первой «Восточнопрусской программы» продемонстрировал: когда представители центральных властей все-таки решались на системную поддержку, они не располагали институциональными и финансовыми ресурсами, которые были бы адекватны этой задаче. В 1922–1923 гг. программа фактически не была реализована вследствие сочетания различных причин: конфликта между ведомствами на уровне рейха и Пруссии относительно финансирования, ограничений Версальского мирного договора и гиперинфляции. В этих условиях особое значение в отношениях центра и Восточной Пруссии приобрели символические формы взаимодействия, в том числе посредством проведения в Кёнигсберге международной Восточной немецкой ярмарки (Остмессе). В отличие от программ системной поддержки, требовавших сложного межведомственного согласования и крупных дотаций, ярмарка давала центральным властям возможность публично продемонстрировать свою поддержку провинции.

5. Внешнеполитические угрозы, связанные с уязвимым положением Восточной Пруссии, последовательно использовались провинциальными

акторами как инструмент давления на центр и аргумент в пользу требований от него соответствующей поддержки. Однако результативность этой стратегии оставалась ограниченной. Восточнопрусский фактор в германской внешней политике исследуемого периода имел подчиненное значение: внешнеполитический аргумент срабатывал тогда, когда провинциальные требования совпадали с приоритетами центральной власти, например, в случае подготовки к плебисциту в 1920 г.

Основные результаты исследования и выносимые на защиту положения диссертации были опубликованы в 6 научных работах, в т. ч. в 4 статьях, напечатанных в изданиях, входящих в Перечень, утвержденный ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, и в изданиях международных реферативных баз данных и систем цитирования⁷².

Результаты и выводы данного диссертационного исследования были представлены в виде докладов и обсуждены на шести международных и всероссийских научных конференциях:

- XIX Всероссийской (с международным участием) научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Миры прошлого и настоящего на переломе эпох: исследовательские подходы и практики», Томский государственный университет (Томск, 2024 г.);
- Международной научной конференция «“Фантомные боли“: перипетии международных отношений на постимперском пространстве в период между двумя мировыми войнами», МГУ имени М.В. Ломоносова

⁷² Шепель Я.Г. Дневниковые записи кёнигсбергского священника Пауля Томашки за ноябрь 1918 г. // Калининградские архивы. Калининград, 2022. Вып. 19. С. 5–39; Шепель Я.Г. Троцкисты в Восточной Пруссии: «история в осколках» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 3. С. 72–84; Шепель Я.Г. Капповский путч в Восточной Пруссии: политические последствия // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №3. С. 70–80; Шепель Я.Г. Ноябрьская революция в Кёнигсберге в воспоминаниях социалиста Ойгена Шейера // Калининградские архивы. Калининград, 2024. Вып. 21. С. 53–72; Шепель Я.Г. Германский восток на перепутье: план создания «Восточного государства» в 1918–1919 годах // Новая и новейшая история. 2026. Т. 70. № 3. С. 111–124; Шепель Я.Г. От кризиса к нормализации: деятельность Восточногерманской отечественной службы в 1919–1920 годах // Новый исторический вестник. 2026. №2(88). С. 344–370.

(Москва, 2024 г.);

– Всероссийской (с международным участием) конференции «Историческая наука и современный мир: к юбилею университетского исторического образования в Калининграде», БФУ имени И. Канта (Калининград, 2024 г.);

– Международной научно-практической конференции «Дискуссионные вопросы истории международных отношений и дипломатии: современные взгляды и подходы», Институт истории Национальной академии наук Беларуси (Минск, 2025 г.);

– Международной научной конференции «Первая мировая война: события, люди, память», БФУ имени И. Канта (Калининград, 2025 г.);

– Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы изучения и преподавания всеобщей истории и международных отношений», Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина (Рязань, 2026 г.).

Глава 1. Восточнопрусская проблема в контексте внутренней политики Германии

1.1. Политический ландшафт провинции после Первой мировой войны

Исследователи, занимавшиеся историей Восточной Пруссии в межвоенный период, зачастую сводили всю политическую жизнь провинции исключительно к борьбе политических партий. Однако в рассматриваемый период партии, хотя и являлись важнейшим интегративным элементом политики, все же не исчерпывали собой всю структуру политического ландшафта. Наряду с ними значимую роль играли общественно-политические объединения, бюрократические институты, военные элиты, экономические объединения, организации национальных меньшинств. В данном параграфе будут последовательно охарактеризованы основные элементы политического ландшафта Восточной Пруссии.

Первая мировая война и Ноябрьская революция привели к существенным изменениям в партийном ландшафте Восточной Пруссии. В январе 1919 г. на выборах в Национальное собрание почти половина провинциальных избирателей (419 тыс., 46,1 %) проголосовала за Социал-демократическую партию Германии (СДПГ), второе место (171 тыс., 18,8 %) заняла леволиберальная Немецкая демократическая партия (НДП), третье место (108 тыс., 11,9 %) досталось консерваторам из Немецкой национальной народной партии (НННП)⁷³.

Результаты этих выборов демонстрируют трансформацию партийного ландшафта провинции. Во-первых, явно заметен революционный сдвиг влево: СДПГ в 1919–1920 гг. стала ведущей политической силой провинции, увеличив поддержку в три раза по сравнению с выборами 1912 г. Параллельно

⁷³ Wahlen in Deutschland. Weimarer Republik. Reichstagswahlen. Provinz Ostpreußen. URL: <https://www.wahlen-in-deutschland.de/wuupostpreussen.htm> (дата обращения: 20.08.2025). О поражении НННП на этих выборах см.: Ritter G. Arbeiterbewegung, Parteien und Parlamentarismus. Göttingen, 1976. S. 134–135.

наблюдался крах консерваторов: НННП — наследница Немецкой консервативной партии, господствовавшей в провинции ранее — потеряла две трети электората⁷⁴. В то же время умеренные силы (НДП и партия Центра) хотя и укрепили свои позиции, но оказались неспособны на равных конкурировать с СДПГ. Схожие результаты были и на выборах в прусский ландтаг⁷⁵.

Важно дать характеристику СДПГ, учитывая новую роль партии. Первые социалистические организации появились в Восточной Пруссии еще в 1870-е гг.⁷⁶, однако до Ноябрьской революции социал-демократы не имели в провинции серьезной электоральной поддержки. Возможно, именно этим можно объяснить то, что уже на следующих выборах в рейхстаг в феврале 1921 г. СДПГ утратит свое превосходство⁷⁷. Восточная Пруссия принадлежала к заэльбским прусским провинциям. Специфическая экономическая структура этих провинций (прежде всего преобладание сельского хозяйства и отсутствие крупных индустриальных центров) обусловила складывание и особой политической структуры. Ее главной чертой было сильное влияние аристократии и крупной буржуазии⁷⁸ и, соответственно, консервативных партий. Влияние СДПГ в провинции до 1918 г. было ограничено и тем, что введенное при основании империи деление на избирательные округа не учитывало позднейших изменений в распределении населения и благоприятствовало малонаселенным аграрным районам⁷⁹.

В ходе Первой мировой войны в рядах социал-демократов произошел раскол, связанный с вопросом о голосовании за военные кредиты. Из фракции СДПГ в рейхстаге выделилась группа «Трудовое содружество», которая

⁷⁴ В 1912 г. на выборах в рейхстаг за НКП проголосовало 36,2% избирателей (138 тыс., общая явка составила 348 тыс.), а в 1919 г. на выборах в Национальное собрание за НННП — 11,9 % (108 тыс., общая явка составила 909 тыс.)

⁷⁵ Wahlen in Deutschland. Weimarer Republik. Landtagswahlen. Provinz Ostpreußen. URL: <https://www.wahlen-in-deutschland.de/wuupostpreussen.htm> (дата обращения: 20.08.2025).

⁷⁶ Matull W. Ostpreussens Arbeiterbewegung. Geschichte und Leistung im Überblick. Würzburg, 1970. S. 19–20.

⁷⁷ Wahlen in Deutschland. Weimarer Republik. Reichstagswahlen. Provinz Ostpreußen. URL: <https://www.wahlen-in-deutschland.de/wuupostpreussen.htm> (дата обращения: 20.08.2025).

⁷⁸ Kossert A. Ostpreußen: Geschichte und Mythos. München, 2005. S. 147.

⁷⁹ Поттхоф Х., Миллер С. Краткая история СДПГ. 1848–2002. М., 2003. С. 63.

объединила левых оппозиционеров под руководством Гуго Гаазе, Георга Ледебур и Вильгельма Дитмана. В Кёнигсберге и провинции эта организация нашла заметную поддержку: социал-демократическое объединение Кёнигсберга, а также ряд сельских районов встали на сторону Гаазе, однако правое крыло партии сохранило контроль над большинством провинциальных отделений и профсоюзов⁸⁰. Окончательное размежевание произошло на собрании в Кёнигсберге в феврале 1917 г., где сторонники оппозиции получили явное большинство. Вскоре в Восточной Пруссии были созданы новые партийные структуры Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ). Однако в условиях строгой военной цензуры сторонники НСДПГ ограничивались распространением листовок и брошюр⁸¹.

Рост числа сторонников социал-демократов обеих фракций в традиционно консервативной Восточной Пруссии после Первой мировой войны можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, разочарованием в прежних элитах, которые ассоциировались с военным поражением и социально-экономическим кризисом. Во-вторых, социал-демократы умело использовали военную ситуацию для привлечения новых сторонников в свои ряды, критиковали власти за продовольственный кризис, выступали с требованиями о поддержке пострадавших от войны групп населения — жен военнослужащих и ветеранов войны⁸².

Важной особенностью провинциальной политической жизни являлось то, что ключевые представители СДПГ и НСДПГ занимали умеренные позиции и не воспринимались представителями власти как радикальные революционеры. Это обстоятельство повлияло на ход Ноябрьской революции в провинции.

Среди провинциальных деятелей СДПГ-большинства можно выделить двух лидеров — Йозефа Люббринга и Альберта Боровски. До Первой мировой войны Й. Люббринг был активным деятелем профсоюза каменщиков, входил

⁸⁰ Макарычев А.С. Указ. соч. С. 64–65.

⁸¹ Там же. С. 65.

⁸² См., например: Eine öffentliche Versammlung der Kriegerfrauen // Königsberger Volkszeitung. 1915. 9. Juni. S. 1.

в городской совет Кёнигсберга и правление провинциального объединения СДПГ. В январе 1919 г. он был избран в Национальное собрание от Восточной Пруссии. В публичных выступлениях Люббринг придерживался центристских позиций, критиковал как крайне левых, так и крайне правых. В июле 1919 г. он был назначен на должность полицай-президента Кёнигсберга, что вызвало протест со стороны некоторых радикально настроенных представителей НСДПГ⁸³. Схожий путь был и у А. Боровски: в ноябре 1918 г. он занял должность временного обер-бургомистра Кёнигсберга. На этом посту он сменил Зигфрида Кёрте — это был один из немногих представителей дореволюционной бюрократии, отстраненный от власти в ходе Ноябрьской революции⁸⁴. Среди провинциальных деятелей НСДПГ выделялись Альфред Готтшальк и Герман Линде. Это были старые восточнопрусские социал-демократы. Молодые социалисты упрекали их за чрезмерную осторожность, даже трусость и соглашательство с властями во время революции⁸⁵. Вместе с тем придерживавшийся консервативных взглядов кёнигсбергский священник Пауль Томашки в своем дневнике характеризовал их положительно и писал, что во время революции Готтшальк и Линде поддерживали среди своих товарищей строгую дисциплину⁸⁶.

Умеренность социал-демократов обеих фракций создавала предпосылки для развития революции в провинции по мирному сценарию, это открывало возможности для совместных действий представителей СДПГ и НСДПГ. Так, в первые недели Ноябрьской революции в Кёнигсберге обе социал-демократические фракции, а также Свободные профсоюзы активно взаимодействовали с представителями власти и военными, участвовали в

⁸³ *Groeben K., von der. Verwaltung und Politik 1918—1933 am Beispiel Ostpreußens. Kiel, 1988. S. 384.*

⁸⁴ Об отстранении З. Кёрте см. подробнее: *Oberbürgermeister Dr. Körte // Ostpreußische Zeitung. 1918. 11. November. S. 2; Verabschiedung des Oberbürgermeisters von den Beamten // Ostpreußische Zeitung. 1918. 13. November. S. 5.*

⁸⁵ *Шепель Я.Г. Ноябрьская революция в Кёнигсберге в воспоминаниях социалиста Ойгена Шейера // Калининградские архивы. Калининград, 2024. Вып. 21. С. 68–69.*

⁸⁶ *Шепель Я.Г. Дневниковые записи кёнигсбергского священника Пауля Томашки за ноябрь 1918 года // Калининградские архивы. Калининград, 2022. Вып. 19. С. 21–22.*

согласовании мер, направленных на стабилизацию положения⁸⁷. На совместных совещаниях социал-демократов с обер-президентом и военным командованием высказывалось единодушное стремление не допустить беспорядки, при этом были отменены чрезвычайные военные трибуналы и были разрешены собрания⁸⁸.

Институциональным выражением умеренности и разрозненности восточнопрусского левого движения стали рабочие и солдатские Советы. Эта форма организации революционного рабочего движения начала развиваться в Германии по русскому образцу еще в 1917 г.⁸⁹ Первый рабочий и солдатский Совет возник в Киле в ночь с 4 на 5 ноября⁹⁰. Затем Советы появились и в других крупных городах Германии, в том числе в Кёнигсберге. В ночь с 9 на 10 ноября революционно настроенные солдаты заняли ряд ключевых объектов восточнопрусской столицы, заместитель командующего генерала и губернатор крепости сложили полномочия, а в помещениях генерального командования расположился «временный рабочий и солдатский Совет»⁹¹.

Избранные 10 ноября на Парадеплац шестеро солдат вместе с представителями обеих социал-демократических партий образовали рабочий и солдатский Совет Кёнигсберга, в те же дни возникли Советы в Алленштайне, Браунсберге, Гумбиннене, Инстербурге, Тильзите и других городах провинции⁹². Важно, что, несмотря на общее название, Советы различались в разных городах по тем задачам, которые они намеревались решать, и степени вовлеченности в текущую политическую жизнь. Так, в крупных гарнизонных городах — Кёнигсберге и Гумбиннене — Советы обладали реальным

⁸⁷ Было принято решение о создании гражданской милиции, в которую должны были войти представители различных социальных групп для охраны общественной и частной собственности. Также образован гражданский комитет с участием делегатов обеих партий и профсоюзов.

⁸⁸ Gemeinsame Sitzung des Arbeiter- und Soldatenrates und der Bürgerlichen // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1918. 11. November (Abendausgabe). S. 5.

⁸⁹ Kolb E. Die Arbeiterräte in der deutschen Innenpolitik 1918–1919. Düsseldorf, 1962. S. 56–59.

⁹⁰ Ibid. S. 74.

⁹¹ Die Königsberger Revolution. Bildung des Königsberger Soldatenrats // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1918. 11. November (Abendausgabe). S. 5.

⁹² Der Verlauf der Revolution in der Provinz // Ostpreußische Zeitung. 12. November. 1918. S. 2.

влиянием на местные власти, в Инстербурге, Тильзите и Браунсберге местные элиты сумели взять революционное движение под контроль и самостоятельно образовали «Народные советы», состоявшие по большей части из чиновников и офицеров⁹³, в Лабиау и Бартенштайне — малых городах со слабым революционным импульсом — дело ограничилось бюргерскими комитетами и организациями самообороны⁹⁴.

О низком уровне радикализма революционеров свидетельствует характер первых распоряжений образованного ими исполнительного комитета: чиновникам предписывалось оставаться на местах, солдатам — подчиняться старшим по званию⁹⁵. Двенадцатого ноября в газете консерваторов «Остпрройссише Цайтунг» был опубликован призыв Советов к военным служащим соблюдать дисциплину и избегать актов насилия в отношении офицеров⁹⁶. В том же номере газеты А. Боровски призывал всех граждан продолжать обычную жизнь⁹⁷.

Отношения Советов с действующей администрацией определились довольно быстро. Здесь важно различать их декларативный и реальный уровни. В телеграмме, отправленной в информационное бюро рейхсканцлера Эберта, представители кёнигсбергского Совета сообщали, что «провинция — в руках Советов», а «военная и гражданская администрация предоставили себя в распоряжение [Советов]»⁹⁸. Обер-президент Батоцки заявил, что «по предложению Рабочего и солдатского совета, которому принадлежит исполнительная власть в Кёнигсберге и провинции, решил продолжать вести дела с подчиненным ему чиновничеством»⁹⁹. Так сложилась типичная для

⁹³ См. историю создания инстербургского Народного совета: Siehr E.L. Erinnerungen von Ernst Ludwig Siehr / Privatbesitz Dietrich Siehr. S. 18–20.

⁹⁴ Der Verlauf der Revolution in der Provinz // Ostpreußische Zeitung. 12. November. 1918. S. 2.

⁹⁵ Die Königsberger Revolution. Bildung des Königsberger Soldatenrats // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1918. 11. November (Abendausgabe). S. 5.

⁹⁶ Die Revolution in Königsberg // Ostpreußische Zeitung. 1918. 12. November. S. 2.

⁹⁷ Erster Bürgermeister Borowski // Ostpreußische Zeitung. 1918. 12. November. S. 2.

⁹⁸ [Aus Berlin kam folgende telegraphische Anfrage] // Ostpreußische Zeitung. 11. November. 1918. S. 2.

⁹⁹ Die Ernährung // Ostpreußische Zeitung. 12. November. 1918. S. 1.

многих регионов Германии модель, при которой Советы на практике выполняли роль контролирующих органов при сохранении прежнего аппарата¹⁰⁰. При демонстрации собственной власти на практике представители Советов не имели административного опыта, реальные рычаги влияния оставались в руках представителей прежней бюрократии. Умеренности Советов в Восточной Пруссии способствовало и то, что вместо политических вопросов, связанных с учреждением новой республики, они столкнулись с необходимостью решать более срочные задачи: продовольственное снабжение, демобилизация, поддержка малоимущих, жилищный вопрос¹⁰¹.

В Восточной Пруссии как провинции с развитым аграрным сектором особую роль играли крестьянские Советы. Согласно правительственным директивам от 17 ноября 1918 г. они избирались в городах, не имевших гарнизонов, и должны были совместно с рабочими и солдатскими Советами обеспечивать безопасность и продовольственное снабжение¹⁰². Круг задач крестьянских Советов ограничивался вопросами, связанными с хозяйством и порядком в сельской местности: учет и охрана продовольственных складов, борьба с нелегальной торговлей, поддержка сельскохозяйственных предприятий, прием демобилизованных солдат и военнопленных, обеспечение их работой и жильем. Крестьянские Советы, как и рабочие и солдатские Советы, были встроены в существовавшую административную вертикаль: назначаемые Советами старосты ставили вторую подпись на указах местного ландрата и участвовали в заседаниях районной администрации. Таким образом, в сельской местности воспроизводилась та же модель, что и в городах.

В результате Советы изменили политический ландшафт провинции, но не сломали прежнюю систему: они стали надстройкой над старым бюрократическим аппаратом, а кадровые изменения оставались точечными. В

¹⁰⁰ Kolb E. Op. cit. S. 97–100.

¹⁰¹ Макарычев А.С. Указ. соч. С. 83.

¹⁰² См. подробнее о Крестьянских советах: Макарычев А.С. Указ. соч. С. 100–105.

условиях такого тесного взаимодействия различных политических сил провинции рабочие и солдатские Советы, изначально исполнявшие функцию контроля за органами власти, находились в зависимости от представителей СДПГ и не повышали градус общественной нестабильности так, как это было, например, в Берлине. Единого акта о ликвидации Советов не было, контрольные функции были отменены распоряжением обер-президента от 13 октября 1919 г., в январе следующего года он сообщил министру внутренних дел, что вмешательство Советов в работу государственных органов в провинции прекратилось¹⁰³.

Некоторым эксцессом на этом фоне выглядит малоисследованный сюжет, связанный с деятельностью «Народной морской дивизии» в Кёнигсберге в ноябре 1918 — марте 1919 гг. Под данным названием в историографии фигурирует вооруженное формирование (1000–1500 человек¹⁰⁴), созданное Кёнигсбергским солдатским Советом в ноябре 1918 г. для «обеспечения спокойствия и порядка в городе»¹⁰⁵. Командование дивизией осуществлял Комитет Семи, члены которого, по некоторым сведениям, были связаны с Союзом Спартака¹⁰⁶.

Вооруженные матросы, по данным Р. Клатта, позволяли Советам не подчиняться распоряжениям берлинских властей и периодически накаляли обстановку в Кёнигсберге: в январе 1919 г. отряд матросов произвел обыск в помещениях генерального командования и в правительственных учреждениях¹⁰⁷. Генеральное командование сообщало в одном из отчетов, что «пока Советы и морская дивизия держат власть в своих руках, об оздоровлении Восточной Пруссии не может идти и речи»¹⁰⁸.

¹⁰³ Klatt R. Op. cit. S. 49–52.

¹⁰⁴ Gause F. Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen. Band III: Vom Ersten Weltkrieg bis zum Untergang Königsbergs. Köln, 1996. S. 23; Groeben K., von der. Op. cit. S. 12–13.

¹⁰⁵ Klatt R. Op. cit. S. 67.

¹⁰⁶ При этом первая местная организация Союза Спартака возникла в Восточной Пруссии лишь 9 февраля 1919 г. См.: Kolb E. Op. cit. S. 144.

¹⁰⁷ Klatt R. Op. cit. S. 61.

¹⁰⁸ Ibid. S. 67.

При этом положение данного формирования с юридической и материальной точек зрения оставалось неопределенным. По сведениям Р. Клатта, «Народная морская дивизия» неоднократно требовала перевода на государственное содержание, но получила отказ¹⁰⁹. Однако 24 февраля рейхскомиссар Винниг вел переговоры с представителями Комитета Семи, они завершились соглашением о реорганизации дивизии, которая должна была быть переименована в «Полк народной обороны Кёнигсберга», объявлялась частью вооруженных сил республики и подчинялась правительственным инстанциям¹¹⁰. Через два дня это соглашение было утверждено собранием делегатов от кёнигсбергского гарнизона: за принятие проголосовали две трети собравшихся. Однако 1 марта радикальное меньшинство солдат, сгруппированное в исполнительном совете 1-ого корпусного округа, отказалось от реорганизации дивизии под руководством генерального командования и рейхскомиссара¹¹¹. Это окончательно развязало Виннигу руки, и 3–4 марта заранее подготовленные правительственные войска вошли в город и принудительно распустили отряды «Народной морской дивизии».

Подробное исследование данного сюжета еще предстоит. Примечательно, что немецким историкам свойственно «демонизировать» Народную морскую дивизию и преувеличивать ее возможности воздействовать на текущую политику¹¹². Несомненно, что дивизия порождала некоторую нестабильность в городе. Матросы периодически прибегали к актам насилия, однако на сегодняшний день свидетельств о серьезной роли дивизии в системе организации власти в Кёнигсберге нет. Историки, писавшие о «всевластии „Народной морской дивизии“», ссылались преимущественно на тенденциозные воспоминания Августа Виннига, для которого в 1930-е гг. мартовский эпизод был поводом продемонстрировать свои заслуги в деле борьбы против левых радикалов.

¹⁰⁹ Ibid. S. 67–68.

¹¹⁰ Neue Volkswehr in Königsberg // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1919. 1. März. S. 3.

¹¹¹ Klatt R. Op. cit. S. 69.

¹¹² См., например: Gause F. Op. cit. S. 23; Groeben K., von der. Op. cit. S. 12–13.

Для полного понимания действий «Народной морской дивизии» необходимы источники, хранящиеся в Тайном государственном архиве прусского культурного наследия. Однако некоторое представление, отличающееся от принятой в историографии точки зрения, можно составить по косвенным свидетельствам.

Во-первых, показательно, как кёнигсбергская пресса освещала январские бои в Берлине между коммунистами и правительственными войсками. «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» называла эти события «спартаковскими путчами» и «насильственными действиями»¹¹³. Следовательно, у редакции газеты не было цензурных ограничений и страха перед кёнигсбергскими левыми радикалами из «Народной морской дивизии» — товарищами тех, кто вел бои в германской столице.

Во-вторых, усомниться в устоявшемся в историографии нарративе позволяет то, что «Народная морская дивизия» неоднократно требовала перевода на государственное содержание, но неизменно получала отказ и ничего не предпринимала. Само это обстоятельство плохо согласуется с представлением о всевластии: орган, действительно распоряжавшийся городом, не испрашивал бы у властей бюджет и не терпел бы неоднократные отказы.

В-третьих, тезис о «всевластии революционных матросов» можно оспорить на основании отчетов, отправленных из Кёнигсберга и других городов провинции в Информационное бюро правительства рейха. В отчетах за январь — февраль 1919 г. содержится противоречивая информация о ситуации в провинциальной столице: видимо, обстановка менялась каждую неделю. Однако ни в одном из просмотренных документов не говорится о полном контроле со стороны «Народной морской дивизии», в отчете бургомистра за 31 января сообщается о «полном спокойствии в городе»¹¹⁴,

¹¹³ Neue Spartakus-Putsche in Berlin // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1919. 6. Januar (Abendausgabe). S. 1.

¹¹⁴ BArch. PH 2/481. Bl. 260. Telefonat vom 31.1.19 von Bürgermeister in Königsberg.

городской Исполнительный совет 1-го корпусного округа в этот же день сообщил о напряженной обстановке, вызванной распоряжением о восстановлении обязательного воинского приветствия, на следующий день об этом сообщил и обер-президент, отметив при этом, что «значительные беспорядки маловероятны»¹¹⁵. Эта же оценка ситуации совпадает с письмом председателя Исполнительного совета в Информационное бюро правительства рейха от 1 февраля, в котором опровергалось сообщение одной из берлинских газет о том, что Кёнигсберг находится накануне спартакистского восстания»¹¹⁶. Председатель совета признавался, что именно в Восточной Пруссии «идея социалистической республики с трудом находит почву», а нынешний результат выборов в Национальное собрание был достигнут только благодаря пропаганде рабочих и солдатских Советов. По его словам, эта победа вызвала недовольство сторонников «старого строя», серьезного столкновения с которыми в прошлом удавалось избежать путем переговоров, «порой даже ценой уступок в отношении завоеваний революции»¹¹⁷. О «в целом спокойной» обстановке в городе магистрат сообщал и в середине февраля¹¹⁸.

Другим аргументом в пользу того, что дивизия не полностью контролировала власть в городе, является то, как предыдущие события освещались в прессе после ее роспуска. В «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» за начало марта 1919 г. нет сведений о только что пережитом трехмесячном вооруженном господстве революционных матросов. Напротив, эта же газета относит обострение обстановки лишь к 27 февраля, когда в городе началась всеобщая забастовка. Характерно и то, что, видимо, противостояние между Виннигом и дивизией разворачивалось не на улицах, а за дверями кабинетов. Редакция газеты писала: «Похоже, мы оказались в опасности, которая сделала

¹¹⁵ Ibid. Bl. 265. Telefonat vom 31.1.19 von Vollzugsrat, Königsberg.

¹¹⁶ BArch. PH 2/482. Bl. 2. Schreiben des Vorsitzenden des Vollzugsrates der Soldatenräte I. A.K. an das Informationsbüro der Reichsregierung vom 1. Februar 1919 (Abschrift).

¹¹⁷ Ibid.

¹¹⁸ Ibid. Bl. 50. Telefonat des Magistrats Königsberg an die Informationsstelle der Reichsregierung vom [12.] Februar 1919.

вмешательство рейхскомиссара абсолютно необходимым. По крайней мере, такой вывод можно сделать по его собственным заявлениям»¹¹⁹.

Заметным элементом политического ландшафта послевоенной Восточной Пруссии были профессиональные союзы, их организационное развитие значительно ускорилось после ноября 1918 г. Революция, по выражению историка Вильгельма Матулля, принесла рабочим организациям «сильный приток» новых членов¹²⁰. Появился целый ряд новых отраслевых объединений: Союз государственных и коммунальных служащих, Единый союз железнодорожников, Почтовый профсоюз и так далее. Особое значение для аграрной провинции имел Немецкий союз сельскохозяйственных рабочих, наиболее заметными представителями которого в провинции стали депутаты рейхстага Карл Йеккер и Фридрих Ларссен¹²¹. К началу 1920-х гг. профсоюзные организации действовали во всех районах Восточной Пруссии¹²².

В провинции, как и во всей Германии, профсоюзы выполняли функцию социал-демократического кадрового резерва. Просопографический анализ, проведенный В. Матуллем, показал, что провинциальные профсоюзные секретари играли значимую роль в аппарате СДПГ, они постоянно присутствовали в избирательных списках на выборах в провинциальный ландтаг¹²³.

В глазах провинциальной администрации профсоюзы работали на нивелирование революционных настроений в массах: они отделяли организованное умеренное рабочее движение от леворадикальной стихии. Характерно, что даже при введении чрезвычайного положения в приграничных районах провинции предписывалось не препятствовать

¹¹⁹ [Seit langem waren die Zustände in Königsberg...] // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1919. 3. März (Abendausgabe). S. 1.

¹²⁰ *Matull W.* Op. cit. S. 88.

¹²¹ *Ibid.* S. 88–89.

¹²² *Ibid.* S. 92.

¹²³ *Ibid.* S. 89–90.

деятельности профсоюзных организаций¹²⁴. В одном из районов именно через представителей профсоюзов было организовано противодействие агитаторам из Союза Спартака¹²⁵.

Таким образом, социал-демократия в Восточной Пруссии после Ноябрьской революции оказалась в двойственной ситуации. С одной стороны, СДПГ впервые в истории провинции превратилась в ведущую политическую силу, сумев привлечь на свою сторону недовольные войной и кризисом широкие массы населения. С другой стороны, уже к 1920 г. выявилась хрупкость этого достижения: отсутствие индустриальной базы, сильные позиции аграрно-консервативных элит ограничивали потенциал социал-демократов. Умеренный курс местных лидеров способствовал интеграции социал-демократии в политическую систему и предохранял провинцию от радикализации, но вместе с тем препятствовал превращению партии в устойчивую силу, способную удерживать лидерство в долгосрочной перспективе.

Основанная в ноябре 1918 г. Немецкая демократическая партия наследовала традициям либеральных партий кайзеровской Германии — Прогрессивной народной партии и Национал-либеральной партии. Ее основным электоратом являлся средний класс, которому импонировала экономическая политика партии, направленная на защиту частного сектора в экономике. В Восточной Пруссии демократы не имели широкой поддержки в сельских районах, их электорат базировался в Кёнигсберге и других крупных городах провинции. Первые шаги кёнигсбергских демократов в ноябре 1918 г. были направлены на преодоление обозначенной выше диспропорции. На учредительном собрании 23 ноября 1918 г. в Кёнигсберге партийный деятель Отмар Орлопп заявлял о необходимости сближения рабочих и буржуазии, призывал к консолидации «здоровых сил нации» для экономического восстановления. Кроме того, в его речи подчеркивалась важность привлечения

¹²⁴ Klatt R. Op. cit. S. 80.

¹²⁵ Ibid. S. 80.

групп населения, не принимавших до этого активного участия в политической жизни — женщин и мелких землевладельцев¹²⁶. Значение партии в провинциальной политической жизни подкреплялось тем, что ее членом был Эрнст Зир, назначенный в апреле 1920 г. обер-президентом.

Однако последующие попытки НДП преодолеть ограниченность своей социальной базы в регионе не увенчались успехом. Демократам так и не удалось выйти за рамки традиционной городской и преимущественно буржуазной среды, а провозглашенная задача объединения рабочих, мелких землевладельцев и среднего класса осталась скорее декларацией, чем реальной политической практикой.

Партия Центра (или Христианская народная партия) была основана в 1870 г. и объединяла разнородные социальные и региональные группы, единство которых было обеспечено двумя факторами. Во-первых, в условиях преобладания протестантского населения и наличия «некатолического правительственного истеблишмента» партия защищала интересы католиков¹²⁷. Во-вторых, Центр консолидировал антипрусские настроения, распространенные на юге и западе Германской империи. Соответственно, в Восточной Пруссии данная партия не пользовалась особой популярностью ни до, ни после Ноябрьской революции.

По данным переписи населения 1910 г., доля католиков в Восточной Пруссии составляла около 14 % (290 тыс. человек), тогда как подавляющее большинство населения относилось к евангелическо-лютеранской церкви (1 740 822 чел.)¹²⁸. Католики проживали преимущественно в южных и юго-западных районах провинции, где значительную часть населения составляли мазурские и варминьские общины. Именно здесь партия Центра имела влияние и могла рассчитывать на поддержку части местного духовенства и

¹²⁶ Fortschrittlich-demokratischer Zusammenschluß // Königsberger Hartung'sche Zeitung. 1918. 23. November. S. 2.

¹²⁷ Nipperdey T. Deutsche Geschichte 1866–1918. Bd. II: Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992. S. 338.

¹²⁸ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 35. 1914. Berlin, 1914. S. 9.

католических союзов. В северных и восточных районах и в Кёнигсберге, где доминировали протестанты, позиции партии были крайне слабыми.

Таким образом, конфессиональная структура Восточной Пруссии предопределила маргинальное положение партии Центра в политической жизни провинции. Даже в период трансформации политического ландшафта в 1918–1919 гг. представители этой партии по объективным причинам не играли заметной роли, ограничиваясь, как правило, участием в органах местного самоуправления и благотворительных организациях, ориентированных на католическое население юга провинции.

Партийная структура, сложившаяся после войны и революции, подверглась испытанию уже на следующих выборах в рейхстаг в феврале 1921 г. На них, как уже отмечалось выше, убедительную победу одержали консерваторы из НННП, вновь выйдя на первое место и опередив социал-демократов. Это свидетельствовало о том, что кризис 1918–1919 гг. для консерваторов носил временный характер. Сильные позиции юнкерства, преобладание аграрной структуры и относительная слабость рабочих организаций обеспечили национал-консерваторам устойчивую социальную опору. К началу 1920-х гг. НННП превратилась в главную политическую силу провинции, закрепив за Восточной Пруссией репутацию одного из наиболее консервативных регионов Веймарской республики. Представляется целесообразным рассмотреть политическое развитие этой партии подробнее.

Немецкая национальная народная партия была создана в 1918 г. в результате объединения нескольких партий, главной из которых была Немецкая консервативная партия (НКП). До 1918 г. НКП была ведущей политической силой, неизменно побеждавшей в большинстве избирательных округов Восточной Пруссии на выборах в рейхстаг. Устойчивое доминирование НКП можно объяснить тем, что процесс урбанизации проходил в Восточной Пруссии очень медленно. Большая часть населенных пунктов провинции классифицировалась как сельские города (Landstädte) и лишь один населенный пункт — Кёнигсберг — попал в категорию больших

городов (Großstädte)¹²⁹. Консерваторы защищали интересы юнкеров, выступая за протекционистскую политику государства по отношению к сельскому хозяйству, что и обеспечивало им лояльность сельского населения провинции. Однако влияние консерваторов постепенно уменьшалось.

Первая мировая война и революция привели к ослаблению консервативных сил. На выборах в Национальное собрание в январе 1919 г. НННП набрала 11,9 % голосов¹³⁰, на выборах в прусский ландтаг — 14,4 %¹³¹. В условиях кризиса доверия к консерваторам партия стремилась представить новую программу, которая привлекла бы не только аристократию, но и представителей других социальных групп¹³². Это подчеркивалось и в воззвании, напечатанном 5 декабря 1918 г. в «Остпрройссише Цайтунг». Партия обещала «обеспечить безопасный образ жизни государственным служащим, учителям, военнослужащим и вольнонаемным работникам, отцам семейств и бессемейным»¹³³. О разнице между новой НННП и старыми консерваторами, ответственными за катастрофу 1918 г., писал активный деятель партии, восточнопрусский журналист и главный редактор «Остпрройссише Цайтунг» Эвальд Бекман¹³⁴.

Как следует из публикаций «Остпрройссише Цайтунг» за ноябрь — декабрь 1918 г., в этот период НННП была занята в основном борьбой с национал-либералами из Немецкой отечественной партии и НДП. Во время подготовки к выборам в Национальное собрание в «Остпрройссише Цайтунг» вышла статья, автор которой подверг резкой критике список кандидатов от НДП¹³⁵. Он обвинял партию в отсутствии ярких и опытных лидеров и в том,

¹²⁹ Ibid. S. 4–5.

¹³⁰ Wahlen in Deutschland. Weimarer Republik. Reichstagswahlen. Provinz Ostpreußen. URL: <https://www.wahlen-in-deutschland.de/wuupostpreussen.htm> (дата обращения: 20.08.2025).

¹³¹ Wahlen in Deutschland. Weimarer Republik. Landtagswahlen. Provinz Ostpreußen. URL: <https://www.wahlen-in-deutschland.de/wuupostpreussen.htm> (дата обращения: 20.08.2025).

¹³² См. подробнее об изменении тактики консерваторов после Ноябрьской революции: Мёллер Х. Веймарская республика. Опыт одной незавершенной демократии. М., 2010. С. 86–87.

¹³³ Aufruf DNVP // Ostpreußische Zeitung. 1918. 5. Dezember. S. 1.

¹³⁴ Beckmann E. Unser Streben // Ostpreußische Zeitung. 1918. 5. Dezember. S. 1.

¹³⁵ Die demokratische Liste // Ostpreußische Zeitung. 1918. 24. Dezember. S. 5.

что в список вошли одни горожане, что не соответствовало в основном аграрному по своему характеру населению провинции. Примечательно, что провинциальные сторонники НННП менее критически относились к социал-демократам, нежели к либеральным партиям. В газетах за рассматриваемый период практически нет статей с прямой критикой СДПГ, напротив, как видно из заметки о собрании социал-демократов в Инстербурге, правоконсервативные обозреватели относились к ним с «уважением», могли оценить «привлекательную» решимость и «ясность» линии СДПГ, заключавшейся в безусловном отказе от электоральных союзов с другими партиями. Вынужденная похвала, видимо, имела тактический характер: признавая заслуги СДПГ, националисты стремились еще раз подчеркнуть беспринципность и мягкотелость своего главного идеологического конкурента в буржуазном лагере — Немецкой демократической партии, обвиняемой в попытках создания «либерального объединения».

Другое направление деятельности провинциального отделения партии в последние месяцы 1918 г. — критика восточнопрусских властей. В декабре в «Остпрройссише Цайтунг» была опубликована статья Э. Бекмана, в которой обер-президент Восточной Пруссии Батоцки критиковался за пассивность и бездействие в условиях наличия территориальных угроз со стороны Польши и Литвы¹³⁶. Журналист обвинял чиновника в том, что тот первоначально призывал население к спокойствию и осуждал акции протеста против Польши и Литвы, а затем, признав реальность угроз (от высадки польской армии Галлера в Данциге до литовских претензий на Мемельский край), публично возложил на жителей провинции вину за отсутствие массового сопротивления. Бекман подчеркивал при этом, что именно «Остпрройссише Цайтунг» была единственной газетой, которая своевременно указывала на все угрозы и последовательно критиковала обер-президента за его фаталистическое упование на действия «компетентных [центральных] инстанций» вместо опоры на собственные силы провинции. Эта критика справа была частью более

¹³⁶ *Beckmann E.* Keine Schuldverschiebung! // *Ostpreußische Zeitung*. 1918. 12. Dezember. S. 1.

широкой стратегии партии, направленной на позиционирование себя как единственной силы, способной на решительные действия по защите национальных границ.

Проведенный анализ партийного ландшафта Восточной Пруссии в 1918–1923 гг. позволяет выявить три ключевые особенности.

Во-первых, в регионе утвердилось умеренное крыло социал-демократии, что отражало общую тенденцию к эволюции СДПГ и НСДПГ в сторону реформизма и готовности действовать в рамках республиканского строя в противовес радикальным левым течениям. Эта особенность привела к относительно мирному развитию революционных процессов в провинции.

Во-вторых, политическое поле провинции характеризовалось значительной раздробленностью и внутренней поляризацией, которая проявлялась на разных флангах. В левом спектре наблюдался раскол между основной Социал-демократической партией Германии и Независимой социал-демократической партией Германии, а в центре и на правом фланге существовала острая конкуренция между либерально-демократическими силами (НДП), праволиберальными (ННП) и консервативно-монархическими (НННП).

В-третьих, НННП в Восточной Пруссии сумела трансформироваться из партии аристократии и юнкерства в более массовое объединение, опиравшееся на широкий круг консервативных избирателей — от землевладельцев до чиновников и мелких собственников. Региональные лидеры придали ей образ защитницы национальных интересов и порядка, что позволило партии быстро восстановить влияние и закрепить за собой статус ведущей политической силы провинции в 1920-е гг.

В условиях послевоенного политического кризиса и неуверенности населения германского востока в способности новых властей защитить его от внешних и внутренних угроз важную роль в политическом ландшафте Восточной Пруссии играли внепартийные полугосударственные общественные объединения. Различные организации — патриотические

союзы, агитационные объединения, землячества и др. — способствовали сплочению населения не вокруг призрачных политических идей, а вокруг конкретных действий. В рамках данного параграфа будут охарактеризованы две такие массовые и влиятельные организации, как Восточногерманская служба по внутреннему просвещению и Патриотический союз Восточной Пруссии (ПВП).

История первой организации началась с того, что в декабре 1918 г. обер-президент Батоцки учредил комитет для подготовки материалов и аргументов для представителей германского востока на мирных переговорах в Париже¹³⁷. В комитет вошли ведущие деятели политической и экономической элиты провинции, стремившиеся защитить интересы Восточной Пруссии в условиях послевоенной неопределенности¹³⁸. В январе 1919 г. на основе этого комитета была учреждена Восточнопруская (позже — Восточногерманская) служба по внутреннему просвещению (*Ostpreußischer (Ostdeutscher) Heimatdienst*)¹³⁹, подчинявшаяся Центральному бюро рейха (*Reichszentrale für Heimatdienst*).

Данное бюро было учреждено в марте 1918 г. по инициативе вице-канцлера Фридриха фон Пайера и директора новостного отдела МИД Эрхарда Дойтельмойзера как гражданский орган внутренней пропаганды, призванный укреплять моральный дух населения в условиях Первой мировой войны. После Ноябрьской революции бюро осталось в подчинении у республиканского правительства и сыграло важную роль в антикоммунистической пропаганде в первые месяцы существования Веймарской республики. Подчинявшиеся бюро службы создавались в разных районах Германии. Руководил Центральным бюро бывший референт МИД

¹³⁷ Экспертом по Восточной Пруссии на переговорах в рамках Парижской мирной конференции был городской советник по строительству Корнелиус Кучке. Среди других экспертов по вопросам германского востока были: М. Вебер, Э. Хильгер, М. Яффе, Ф. Вилер, Э. Цехлин и Э. Арнхольд, см.: Max Weber zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920. Tübingen, 1988. S. 296.

¹³⁸ Thierfelder S. Der Ostdeutsche Heimatdienst und Volksabstimmungszeit in Ostpreussen. Der Anfang vom Ende der friedlichen Koexistenz? // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. 2015. Vol. XXX. S. 87.

¹³⁹ Ibid.

Рихард Штраль. Идея создания службы в Восточной Пруссии принадлежала Батоцки и, видимо, была связана с осознанием провала идеологической работы в провинции во время Первой мировой войны. В частности, в августе 1918 г. Батоцки сообщал министру внутренних дел Пруссии о «полном провале отдела военной пропаганды», особенно среди рабочих¹⁴⁰.

Созданная служба финансировалась и получала другую поддержку со стороны ведомств провинции и рейха. Средства на финансирование поступали через Центральное бюро. Помимо этого, в марте 1919 г. в распоряжение восточнопрусского отделения были переданы помещения в Кёнигсбергском замке¹⁴¹. Декларируемая надпартийность на практике оспаривалась современниками: в кёнигсбергском центре организации преобладали сторонники правых взглядов, из-за чего партии Веймарской коалиции требовали права контроля над организацией¹⁴².

Изначально восточногерманское отделение имело централизованную структуру. Действия службы распространялись на Восточную и Западную Пруссию и территории бывшей Российской империи, оккупированные германской армией. Однако в апреле 1919 г. произошло разделение на западнопрусскую организацию (центр в Данциге) и восточнопрусскую (центр в Кёнигсберге)¹⁴³. В 1919–1922 гг. восточнопрусское отделение возглавлял Эрнст Фердинанд Мюллер — статистик и ассистент директора Института восточногерманской экономики в Кёнигсбергском университете¹⁴⁴.

В Восточной Пруссии служба имела сложную структуру и включала несколько секторов, каждый из которых отвечал за определенное направление деятельности. Сектор внутренней организации занимался

¹⁴⁰ *Tilitzki C.* Die Albertus-Universität Königsberg. Ihre Geschichte von der Reichsgründung bis zum Untergang der Provinz Ostpreußen (1871–1945). Bd. 1: 1871–1918. Berlin, 2012. S. 430.

¹⁴¹ Tätigkeitsbericht über die Zeit von der Gründung bis zum 1. Juli 1919, erstattet vom Ostdeutschen Heimatdienst, Landesverband Ostpreußen. Königsberg, 1919. S. 4.

¹⁴² *Thierfelder S.* Op. cit. S. 91.

¹⁴³ Tätigkeitsbericht über die Zeit... S. 4–5.

¹⁴⁴ *Radke H.* „Müller, Ernst Ferdinand“ in: Neue Deutsche Biographie 18 (1997), S. 365–366. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd138092508.html#ndbcontent> (дата обращения: 01.10.2025).

административными вопросами, координацией действий всей организации. Сектор прессы заведовал политико-экономическим просвещением населения и взаимодействием со СМИ. Сектор пропаганды совместно с сектором прессы курировал подготовку листовок, плакатов, воззваний и брошюр, а также руководил уличной агитацией и производством киноматериалов. Еще один сектор проводил вербовку новых членов организации и рассылал пропагандистские материалы¹⁴⁵.

Восточнопрусская организация имела в провинции семь окружных управлений. Особое положение занимал Алленштайнский округ, который ввиду предстоящего плебисцита обладал большей самостоятельностью. Каждым округом руководил комиссар, ему подчинялись районные руководители. В подчинении последних находилась сеть доверенных лиц, число которых предписывалось постоянно увеличивать. Важную роль в вербовке на местах, особенно в сельской местности, играли церковные приходы¹⁴⁶. Доверенные лица на добровольных началах занимались агитацией, распространяли печатные материалы, помогали в организации собраний. Во внутренних правилах организации были прописаны места для произнесения речей и распространения печатных материалов: вокзалы, казармы, столовые, солдатские клубы, комнаты ожидания у врачей и адвокатов¹⁴⁷.

Весной 1919 г. главная цель службы формулировалась следующим образом: «Информировать об опасностях, угрожающих востоку Германии, организовывать единообразные меры защиты от них и укреплять чувство родины». Конкретной задачей организации стала идеологическая борьба против большевистской, литовской и польской угроз¹⁴⁸.

В рамках идеологической борьбы Восточнопрусская отечественная служба выпускала многочисленные листовки, плакаты, брошюры, проводила массовые собрания. За первую половину 1919 г. было произведено 50 брошюр

¹⁴⁵ Tätigkeitsbericht über die Zeit... S. 1.

¹⁴⁶ Ibid. S. 7.

¹⁴⁷ Ibid. S. 6.

¹⁴⁸ Thierfelder S. Op. cit. S. 88.

(350 тыс. экз.), 55 листовок (7 млн экз.), 17 плакатов (225 тыс. экз.)¹⁴⁹. Среди наиболее известных периодических изданий — провинциальные газеты «Клархайт» и «Хаймат»¹⁵⁰. Первая газета распространялась среди населения и армейских частей, ее тираж достигал 15 тыс. экземпляров. «Хаймат» была рассчитана на более просвещенных читателей, в ней публиковались статьи по вопросам актуальной политики, культуры и краеведения. Тираж этой газеты составлял 10 тыс. экземпляров.

Из другой печатной продукции наиболее массовыми тиражами были изданы брошюры по следующей тематике: «Правда о большевиках» (Кёнигсберг, 1919)¹⁵¹, «Нельзя молчать!»¹⁵², «Есть ли у поляков и литовцев исторические права на Старую Пруссию?»¹⁵³, «Антиспартак. Как следует вести пропаганду против внутренних и внешних угроз»¹⁵⁴, «Разрушение Восточной Пруссии»¹⁵⁵.

Примечательно, что внутри организации велась дискуссия о том, какие методы пропаганды более эффективны. В частности, в конце декабря 1919 г. представитель 1-го корпусного округа майор Вальдемар Эрфурт писал, что в антибольшевистской пропаганде печатные материалы не так эффективны, как «живое слово»¹⁵⁶. Важно, что деятельность службы не ограничивалась пропагандой. Служба участвовала совместно с военными в организации добровольных вооруженных формирований — краевых дружин (Heimatwehren), действовавших в различных округах провинции. Служба помогала обучить добровольцев, снабжала их всем необходимым. Помимо

¹⁴⁹ Tätigkeitsbericht über die Zeit... S. 13.

¹⁵⁰ Hagelweide G. Ostpreußische Presse von den Anfängen bis 1945. Bd. 1. Berlin, 2016. S. 725, 760–762.

¹⁵¹ Kett A. Die Wahrheit über die Bolschewiki. Ein Tatsachen-Bericht von intimen Kenner der russischen Verhältnisse. Königsberg, 1919.

¹⁵² Man darf nicht schweigen! Königsberg, 1919.

¹⁵³ Haben die Polen und Litauer ein Recht auf Altpreußen? Beantwortet von einem Altpreußen durch Geburt und Abstammung. Königsberg, 1919.

¹⁵⁴ Antispartakus. Wie man über die von innen und außen drohenden Gefahren aufklärt. Königsberg, 1919.

¹⁵⁵ Müller E.F. Die Zertrümmerung Ostpreußens und der deutschen Ostmark. Königsberg, 1919.

¹⁵⁶ BArch. R 43-I/1847. Bl. 165. Wehrkreiskommando I an die Reichszentrale für Heimatdienst, 30.12.1919.

этого, она участвовала в организации набора в добровольческие корпуса — фрайкоры.

Нагнетание страха перед большевиками и беженцами из Прибалтики использовалось для того, чтобы увеличить финансирование со стороны правительства. В конце ноября 1919 г. руководство Восточнопрусской службы просило Центральное бюро как можно быстрее перевести на счет организации 3 миллиона марок, так как в ближайшие недели Восточная Пруссия должна была стать местом вторжения «сотен тысяч» деморализованных и подверженных большевистской пропаганде немецких и русских беженцев¹⁵⁷. При этом неизвестно, были отправлены деньги или нет.

Другим влиятельным общественным объединением в провинции после Первой мировой войны стал «Патриотический союз Восточной Пруссии». Эта организация была создана в декабре 1919 г. по инициативе Вольфганга Каппа. Союз объединял в своих рядах представителей правых партий (НННП, НОП), высшего чиновничества, офицерского корпуса, экономических объединений и крупного землевладения. Руководители союза — директор «Восточнопрусского ландшафта» Вольфганг Капп и глава провинциального ландтага Манфред фон Брюннек — считали, что цель союза заключается в защите интересов жителей Восточной Пруссии перед лицом центрального правительства¹⁵⁸. Другая цель состояла в координации действий различных организаций, таких как Восточногерманский крестьянский союз, Пангерманский союз, различные антисемитские организации¹⁵⁹. Главная задача союза совпадала с задачами Восточногерманской службы и заключалась в борьбе против большевистской и польской угрозы.

Центральное правительство в начале 1920 г. с подозрением относилось к деятельности союза. В одном из правительственных отчетов сообщалось, что внешне нейтральное поведение союза по отношению к правительству скорее

¹⁵⁷ Ibid. Bl. 38–39. Max Erwin von Scheubner-Richter an Dr. Strahl (Reichszentrale für Heimatdienst), Danzig-Langfuhr, 30.11.1919.

¹⁵⁸ Ibid. Bl. 168. Bericht über die Tätigkeit des Ostpreussischen Heimatbundes.

¹⁵⁹ Ibid.

всего является временной тактикой и что постепенно все придет к открытому противостоянию¹⁶⁰. Рейхскомиссар в области проведения плебисцита В. фон Гайль позже вспоминал об откровенно враждебном отношении Восточнопрусского патриотического союза к республиканскому правительству¹⁶¹, он же писал о том, что организация была разделена на две части. Меньшинство, находясь под руководством Каппа, планировало свержение правительства с помощью вооруженного восстания, большинство же, возглавляемое Манфредом фон Брюннеком, предпочитало борьбу с правительством в рамках существующего конституционного устройства¹⁶².

Примечательно, что Патриотический союз конкурировал с Восточногерманской службой, несмотря на их идеологическую близость. Возможно, не последнюю роль здесь сыграл конфликт между Батоцки и Каппом. По сведениям из правительственного отчета, на местах часто возникало противостояние между местными руководителями этих организаций¹⁶³. По мнению автора отчета, первопричина конфликта состояла в том, что союз получал большее финансирование¹⁶⁴. Обер-президент Винниг заявил однажды, что Патриотический союз мог бы без заметных потерь для себя на полгода обеспечить финансированием Восточногерманскую службу¹⁶⁵. Сами представители организации не были склонны к преувеличению финансовых возможностей. Деньги, судя по имеющимся источникам, поступали по большей части от частных пожертвователей, прежде всего богатых помещиков из пограничных районов провинции¹⁶⁶, которые видели в представителях союза защиту от распространения коммунистических идей в деревне. Государственные дотации поступали редко.

¹⁶⁰ Ibid.

¹⁶¹ Gayl W., von. Op. cit. S. 205.

¹⁶² Ibid. S. 206.

¹⁶³ BArch. R 43-I/1847. Bl. 171. Bericht über die Tätigkeit des Ostpreussischen Heimatbundes.

¹⁶⁴ Ibid.

¹⁶⁵ Ibid. Bl. 172.

¹⁶⁶ Ibid.

Союз организовывал лекции и другие массовые мероприятия, на которых в качестве почетных гостей выступали такие антиреспубликанские деятели, как П. фон Леттов-Форбек, Г. Меркер, Р. Шеер, Г. фон Мюкке¹⁶⁷. В 1921 г. союз организовал торжества в честь годовщины Танненбергской битвы, на них был приглашен Эрих Людендорф, а весной 1922 г. — турне Пауля фон Гинденбурга по провинции¹⁶⁸. Другое направление деятельности — организация вооруженных ополчений из местных жителей пограничных районов провинции. В ряды этих формирований вступали ветераны, возвращавшиеся с фронтов Первой мировой войны. Ополченцы патрулировали улицы, устраивали оружейные склады на случай начала боевых действий. Члены союза также занимались слежкой за «подозрительными гражданами», в круг которых входили социалисты и коммунисты. Информаторами союза выступали учителя и сельские старосты, которые должны были регулярно отправлять отчеты о слежке. Помимо этого, члены союза следили за польскими гражданами, прибывавшими на сезонные работы в провинцию, и польскоговорящими соотечественниками¹⁶⁹.

Таким образом, в условиях послевоенной нестабильности в Восточной Пруссии сформировалась особая политическая система, в рамках которой массовые объединения отчасти взяли на себя государственные функции идеологической мобилизации, организации пропаганды и самообороны населения. Эти организации — союзы — в отличие от партий не были скованы парламентскими традициями, бюрократическими рамками. Формально находясь вне партийной системы, они опирались на правоконсервативные круги во власти. С одной стороны, их деятельность способствовала укреплению антибольшевистских и антипольских настроений, с другой — опора власти на правоконсервативные общественные объединения заложила

¹⁶⁷ *Hertz-Eichenrode D.* Op. cit. S. 73.

¹⁶⁸ Ibid.

¹⁶⁹ *Jendrzewski A.* Niemieckie organizacje cywilno-wojskowe w Prusach Wschodnich w latach dwudziestych XX wieku: w świetle dokumentów gdańskiej ekspozycji polskiego wywiadu wojskowego // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 2012. 2 (276). S. 280.

основы политической автономности Восточной Пруссии, что в дальнейшем способствовало укреплению антиреспубликанских и реваншистских тенденций.

Большую роль в политическом развитии провинции играли обер-президенты. С начала Первой мировой войны и до лета 1919 г. этот пост занимал Адольф фон Батоцки¹⁷⁰. Он родился в Восточной Пруссии и происходил из семьи крупных землевладельцев (родовое имение Бледау под Кёнигсбергом). Изучал право в Бонне и Кёнигсберге. В 1889 г. поступил на государственную службу в качестве референдария в Верхней Силезии, однако скоро вернулся в родную провинцию. В 1900 г. был назначен ландратом Кёнигсбергского округа, а в 1907 г. возглавил провинциальную Сельскохозяйственную палату. В начале Первой мировой войны Батоцки был назначен на должность обер-президента. Его главной задачей было восстановление приграничных районов провинции, пострадавших в результате боевых действий. В мае 1916 г. Батоцки возглавил Военное продовольственное ведомство, а его обязанности на посту обер-президента до января 1918 г. исполнял Фридрих фон Берг. Батоцки оставил должность в июне 1919 г. в контексте провала проекта «Восточного государства» и подписания Германией Версальского мирного договора.

Его преемником стал Август Винниг, выходец из низов (сын могильщика из Бланкенбурга-на-Гарце, каменщик по профессии), который активно работал в рамках профсоюзного движения и в 1913 г. возглавил Германский союз строителей, а также прошел в городское собрание Гамбурга от СДПГ. После Ноябрьской революции Винниг стал генеральным уполномоченным по оккупированным прибалтийским землям, на этом посту он подписал признание независимости Латвии и Эстонии, руководил выводом германских войск. С января 1919 г. Винниг занимал должность рейхскомиссара по Восточной и Западной Пруссии с резиденцией в Кёнигсберге, а 1 июля того же года по рекомендации Батоцки был назначен обер-президентом. Назначение

¹⁷⁰ Биография изложена по: *Schumacher R.* Op. cit. S. 334.

социал-демократа, происходившего из низших слоев и из другого региона страны, было заметным новшеством, однако деятельность Виннига определялась не его партийной программой, а «национальной повесткой»: ему было необходимо бороться с революцией, чтобы сохранить германское влияние в Прибалтике. Это подрывало его позиции внутри СДПГ. Кульминацией этой политической эволюции стала поддержка Капповского путча в марте 1920 г., после которого Винниг был дискредитирован в глазах местных прореспубликанских элит и центрального правительства и был вынужден оставить должность.

С апреля 1920 г. по сентябрь 1932 г. пост обер-президента занимал уроженец Восточной Пруссии Эрнст Зир. Он учился на юридических факультетах в университетах Кёнигсберга, Мюнхена и Берлина. В ходе политической карьеры Зир приобрел влияние среди восточнопруссских либералов, он состоял сначала в Прогрессивной народной партии, а затем перешел в НДП. Дважды избирался от Восточной Пруссии в общегерманский парламент: в 1912 г. был избран в рейхстаг, а в 1919 г. в Национальное собрание¹⁷¹. После провала Капповского путча восточнопруссские представители партий «веймарской коалиции» выдвинули Зиру на пост обер-президента, объясняя это тем, что он единственный провинциальный политик, пользующийся уважением среди социал-демократов, демократов и представителей партии Центра. У членов правых партий тоже не было аргументов против кандидатуры Зиры¹⁷². В изучаемый период деятельность Зиры была посвящена стабилизации экономического положения провинции и демократизации бюрократического аппарата.

На следующей ступени административной лестницы находились регирунгспрезиденты — главы правительственных округов, назначаемые прусским правительством по согласованию с провинциальным собранием. В Восточной Пруссии было три правительственных округа — Кёнигсбергский,

¹⁷¹ Биография изложена по: *Schumacher R.* Op. cit. S. 331.

¹⁷² *Siehr E.L.* Op. cit. Bl. 32–33.

Гумбинненский и Алленштайнский. Кёнигсбергский и Алленштайнский округа возглавлял один человек — Маттиас фон Оппен. Регирунгспрезидентом Гумбинненского округа был Магнус фон Браун. Это были близкие к консервативным партиям представители старых дворянских родов. Их антиреспубликанские воззрения отражались и в их административной практике¹⁷³.

Ландраты, занимавшие следующую ступень административной иерархии и отвечавшие за управление районами внутри округов, после Ноябрьской революции сохранили свои позиции в системе местного самоуправления. Эти чиновники назначались прусским правительством при одобрении местного крайстага и участвовали в проведении политики правительства на местах, составляли отчеты об экономическом и политическом положении того или иного округа. Часто это были люди дворянского происхождения, как правило, они были беспартийными, а если и состояли в партии, то выбирали консервативную НННП¹⁷⁴. Хотя власти на уровне рейха и Пруссии осознавали, что значительная часть чиновников придерживается монархических и консервативных взглядов, тем не менее воздержались от масштабных кадровых перестановок, стремясь сохранить функционирование государственного аппарата в условиях политической нестабильности. Республиканские власти призвали чиновников «в жизненных интересах отечества продолжить работу» — а те в свою очередь часто саботировали решения новых властей на местах¹⁷⁵.

На следующем уровне исполнительной власти находились главы городов — бургомистры. Особо важную роль играли градоначальники Кёнигсберга. С ноября 1918 г. по январь 1919 г. обер-бургомистром Кёнигсберга был социал-

¹⁷³ См., например, истории ландратов Г. фон Готтберга и Г. Готтхайнера: *Kossert A. Op. cit. S. 236–237.*

¹⁷⁴ В НННП состояли: Г. фон Кюлевайн (Зенсбург), В. фон Мирбах (Найденбург), М. Петерс (Люк), Г. Готтхайнер (Йоханнисбург), Г. Роде (Гольдап), Н. Роберт-Торнов (Прейсиш Холланд), О. Константин (Лабиау). В Партии Центра: Й. Вальдхаузен (Рётцель). В СДПГ: Г. Хониг (Мемель).

¹⁷⁵ Подробнее о процессе демократизации в ранней Веймарской республике см.: *Винклер Г.-А. Указ. соч. С. 153–155.*

демократ Альберт Боровски, после него эту должность временно занял городской казначей М. Эрдман, а с августа 1919 г. городское управление возглавил Ганс Ломайер. Он получил юридическое образование в университетах Фрайбурга, Берлина и Бреслау. До назначения в Кёнигсберг занимал должность городского советника в Шёнеберге под Берлином. В сложнейших послевоенных условиях Ломайер сыграл значительную роль в восстановлении городской инфраструктуры и адаптации экономики Кёнигсберга к мирному времени. Его главные торговые и инфраструктурные проекты — это Восточная ярмарка, здание главного железнодорожного вокзала и аэропорт Девау. Ломайер также был заместителем уполномоченного Восточной Пруссии в рейхсрате, активно лоббируя экономические интересы провинции.

Должность заместителя обер-бургомистра с 1920 г. занимал Карл Гёрделер. Его избрание соответствовало общему консервативному повороту в политическом ландшафте провинции в изучаемый период. Будучи членом НННП и активным противником «диктата Версаля», Гёрделер стремился уменьшить роль партий в городском управлении, сосредоточив всю власть у административного аппарата. Его вступление в должность сопровождалось недовольством со стороны социалистов обеих фракций.

Отдельно следует обратиться к роли рейхсвера и фрайкоров в политическом ландшафте провинции в 1918–1923 гг. В условиях завершения войны, длившейся четыре года и трансформировавшей повседневность провинции, нестабильной обстановки в Европе и территориальных притязаний со стороны Польши, военные перестали быть просто инструментом в руках государства. Напротив, они обладали самостоятельностью и участвовали в различных политических процессах, развернувшихся в Восточной Пруссии в изучаемый период.

В военно-административном отношении провинция с февраля 1919 г. входила в состав 1-го корпусного округа с центром в Кёнигсберге. Если попытаться охарактеризовать политические взгляды военного командования

частей, расположенных в Восточной Пруссии, то можно сказать, что это были типичные консервативные немецкие офицеры, верные традициям кайзеровской армии. Некоторые из них, в частности генерал-лейтенант Людвиг фон Эшторф и генерал-майор Йоханнес фон Дассель, позже были замешаны в событиях Капповского путча¹⁷⁶. Местное военное командование в соответствии с известной фразой В. Грёнера было готово к сотрудничеству только с таким правительством, «которое начнет борьбу с радикализмом и большевизмом»¹⁷⁷. Следовательно, учитывая консервативные и умеренные взгляды регионального истеблишмента, Восточная Пруссия представляла широкий простор для тесного взаимодействия между политическими элитами и военными.

Однако, судя по источникам, это взаимодействие было налажено не сразу после революции. В одном из докладов за январь 1919 г. Ганс фон Сект указывал на критическое состояние армейских соединений Восточной Пруссии¹⁷⁸. По его оценке, эти соединения были не только бесполезны, но и опасны. Они отличались полной потерей дисциплины. Особенно отрицательно Сект оценивал ситуацию в Кёнигсберге и в районе расположения 20-го корпусного округа (Алленштайн, Мариенбург). Сект подчеркивал, что лучше всего было бы в кратчайшие сроки демобилизовать как можно больше солдат, несмотря на то что сделать это было сложно, учитывая необходимость охраны границы. В качестве альтернативы этим соединениям Сект видел фрайкоры.

В том же докладе он отмечал положительную динамику набора во фрайкоры¹⁷⁹. В 1918–1920 гг. провинция входила в сферу действий временной организации германских войск — Пограничной стражи «Восток» (Grenzschutz Ost). Эта организация, созданная сразу после завершения боевых действий,

¹⁷⁶ См. подробнее об этом сюжете в разделе 1.3 настоящей диссертации.

¹⁷⁷ *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке. М., 2002. С. 41; о взаимоотношениях военной элиты с властями Веймарской республики см. подробнее: *Ланник Л.В.* Победоносные проигравшие. Германская военная элита в 1914–1921 гг. СПб., 2016. С. 405–417.

¹⁷⁸ BAArch. RM 6/241. Bl. 72. General v. Seeckt an die Oberste Heeresleitung, Königsberg, 19.1.1919.

¹⁷⁹ Ibid.

объединяла различные добровольческие военные формирования, созданные для защиты восточных рубежей Германии от польской и большевистской угроз¹⁸⁰.

Важно понимать, что через Восточную Пруссию осуществлялся вывод германских войск из Прибалтики. Это обстоятельство превращало провинцию в транзитную зону, в которой были сосредоточены различные военные формирования — официальные и добровольческие. В январе 1919 г. обер-президиум Восточной Пруссии сообщал о нарастающем напряжении, связанном с возвращением из Прибалтики добровольческих частей, прежде всего «Железной дивизии». Бойцы дивизии, преданные майору Бишофу, проявляли резкое недовольство правительством, обвиняя его в поражении в Прибалтике. По мнению составителя отчета, существовала угроза вооруженных столкновений, если правительство не обеспечит интеграцию дивизии в рейхсвер¹⁸¹. С помощью интеграции фрайкоров в рейхсвер, видимо, планировалось поставить под контроль эти боевые соединения.

Обер-президент Батоцки не мог найти общий язык с провинциальным военным командованием, в январе 1919 г. он акцентировал внимание на том, что в обороне провинции должны участвовать только ее жители в рамках «чисто восточнопруссских формирований». Подобная позиция вызвала протест со стороны Секта и Грёнера¹⁸². Появление в январе 1919 г. в провинции Августа Виннига обозначило новую главу во взаимоотношениях с военными. Винниг, имевший опыт взаимодействия с расположенными в Прибалтике армейскими частями, смог использовать армию и фрайкоры для разоружения прокоммунистической «Народной морской дивизии» в Кёнигсберге в начале марта 1919 г.¹⁸³ Однако к быстрому общему усилению расположенных в

¹⁸⁰ *Mühleisen H.* Annehmen oder Ablehnen? Das Kabinett Scheidemann, die Oberste Heeresleitung und der Vertrag von Versailles im Juni 1919. Fünf Dokumente aus dem Nachlaß des Hauptmanns Günther von Poseck // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1987. № 35. S. 448.

¹⁸¹ BArch. R 43-I/1847. Bl. 33. Telefonbericht der Provinzialmeldestelle beim Oberpräsidium Königsberg über die aus dem Baltikum zurückkehrenden Truppen, 03.12.1919.

¹⁸² Ibid.

¹⁸³ *Макарычев А.С.* Указ. соч. С. 132–136.

провинции частей это не привело: Грёнер вспоминал позже, что в феврале 1919 г. «в Восточной Пруссии все еще не было ни одной боеспособной части», а командование 1-го корпусного округа характеризовало остатки старой армии как «в большинстве своем недисциплинированную и распущенную толпу»¹⁸⁴.

Стабилизация в деле поддержания безопасности открывала возможности для налаживания экономической жизни. Важную роль в отстаивании экономических интересов провинции перед лицом центра в изучаемый период играла Торгово-промышленная палата Кёнигсберга. Этот орган координировал взаимодействие предпринимателей с органами государственной власти как на провинциальном уровне, так и на уровне рейха. Палата пыталась оказывать давление на министерства и другие органы исполнительной власти¹⁸⁵, требуя особые экономические условия для провинции. Схожую роль играла Сельскохозяйственная палата Восточной Пруссии.

«Союз поляков Восточной Пруссии» был образован в ноябре 1920 г. Согласно уставу, он должен был защищать интересы всего польского населения провинции без разделения на классы¹⁸⁶. Председателем этой организации стал католический священник Вацлав Осиньский, важную роль в организации играл и депутат прусского ландтага Ян Бачевский¹⁸⁷. Главным печатным органом союза была «Газета Олыштынска». Союз должен был способствовать улучшению положения польского населения в экономической, социальной и культурно-образовательной сферах. Важно, что союз, стремясь привлечь как можно больше участников, а не замыкаться в польско-

¹⁸⁴ ВArch. N 46/2. Bl. 304. Lebenserinnerungen, I. Ausfertigung. 1916–1919. См. в опубликованных воспоминаниях: *Groener W. Lebenserinnerungen. Jugend. Generalstab. Weltkrieg.* Osnabrück, 1972. S. 479.

¹⁸⁵ ВArch. R 43-I/1847. Bl. 76f. Handelskammer zu Königsberg i. Pr. an den Reichskanzler u. a., Königsberg, 10.01.1920.

¹⁸⁶ *Wrzesiński W. Polski ruch narodowy w Niemczech w latach 1922–1939.* Toruń, 2005. S. 57–58.

¹⁸⁷ *Костяшов Ю.В. «Польский вопрос» в советско-германских отношениях во второй половине 1920-х годов (по материалам консульства СССР в Кёнигсберге) // Балтийский регион. 2013. №3 (17). С. 141.*

католической среде, подчеркивал, что его деятельность не связана с религиозными вопросами¹⁸⁸. Основная территория, на которой действовал союз, ограничивалась Вармией и Мазурами, по оценкам польских историков в Вармии организация насчитывала 1200 членов¹⁸⁹. Под контролем союза находились коммерческие организации (например, «Польский народный банк» в Олыштыне), сельскохозяйственные и профессиональные объединения, певческие и фольклорные общества, школьные товарищества. В 1924 г. организация была включена в состав «Союза поляков Германии».

По оценкам немецких историков, за межвоенный период польскому национальному движению так и не удалось укрепить свое влияние в Восточной Пруссии. После вхождения «Союза поляков Восточной Пруссии» в состав общегерманского объединения стало понятно, что руководство этой организации не понимает особую восточнопрусскую специфику, мазурскую самобытность¹⁹⁰. Российские историки скорее положительно оценивают деятельность польских национальных организаций в провинции, так как они, хотя и не были массовыми, но способствовали сохранению идентичности поляков, помогали им решать практические вопросы, связанные с экономическими трудностями, и выступали посредниками в переговорах с властями Германии¹⁹¹.

Другим значительным национальным меньшинством, проживавшим в Восточной Пруссии, были литовцы. После Первой мировой войны они оказались перед выбором: остаться жить в пределах провинции, переселиться в Литовскую Республику или добиваться присоединения части территории Восточной Пруссии к новообразованному литовскому государству. В ноябре 1918 г. был создан Национальный совет прусских литовцев, возглавляемый

¹⁸⁸ Związek Polaków w Prusach Wschodnich. Encyklopedia Warmii i Mazur. URL: https://encyklopedia.warmia.mazury.pl/index.php/Zwi%C4%85zek_Polak%C3%B3w_w_Prusach_Wschodnich (дата обращения: 25.10.2025).

¹⁸⁹ Ibid.

¹⁹⁰ Deutsche und Polen zwischen den Kriegen. Minderheitenstatus und Volkstumskampf im Grenzgebiet. Amtliche Berichterstattung aus beiden Ländern 1920–1939. München, 1997. S. 162.

¹⁹¹ Строганова Н.А. Поляки в Восточной Пруссии в 1918–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2004. С. 20–21.

пастором Вильгельмом (Вилиусом) Гайгалатом (Гайгалайтисом)¹⁹². Совет выступал за присоединение Мемельского края и других пограничных районов провинции к Литве; эти стремления нашли отражение в «Тильзитском акте»¹⁹³. Однако данная инициатива не получила широкой поддержки среди местного населения и выражала позицию лишь небольшой части прусских литовцев, большинство которых сохраняло лояльность Германии.

В последующие годы германские власти проводили политику постепенной германизации литовского населения, ограничивая использование литовского языка и деятельность национальных организаций. Несмотря на это, литовцы в Восточной Пруссии поддерживали культурную жизнь и просветительскую деятельность. В Тильзите и других городах действовали различные культурные объединения: Общество литовских певцов, Общество прусско-литовских женщин и так далее.

Таким образом, политический ландшафт Восточной Пруссии после Первой мировой войны не ограничивался одними партиями. Это было пространство сложного взаимодействия государственных, военных, партийных и внепартийных структур.

Хотя на первых выборах в Национальное собрание и Прусский ландтаг победу одержала СДПГ, представители этой партии в провинции отличались умеренными или даже правыми взглядами и были готовы к сотрудничеству с представителями старых элит. Либеральные партии, партия Центра и организации национальных меньшинств не имели в провинции особого влияния и не смогли выйти за пределы своего электората. В 1921 г. политическое господство в провинции вновь перешло к консерваторам из Немецкой национальной народной партии. Им, напротив, удалось трансформировать партию из узкого сословного объединения юнкерства в массовое движение, сплотившее вокруг себя землевладельцев, чиновничество

¹⁹² Pölking H. Ostpreußen: Biografie einer Provinz. Berlin, 2011. S. 457–458.

¹⁹³ Tilžės akto originalas yra Vytauto Didžiojo karo muziejuje. URL: <http://www.pamarys.eu/tilzes-akto-originalas-yra-vytauto-didziojo-karo-muziejuje/> (дата обращения: 05.08.2026).

и мелкобуржуазные слои. Существенную роль в усилении консерваторов и подавлении радикалов во время революции играли различные — официальные и добровольческие — военные и парамилитарные формирования.

Помимо этого, важно, что в Восточной Пруссии значительная часть чиновников сохранила свои должности, несмотря на произошедшую революцию. Чиновники на разных этажах провинциальной бюрократии — от директоров школ и ландратов до служащих обер-президиума — саботировали решения республиканских властей на уровне Пруссии и рейха, что предопределило будущие конфликты между центром и Восточной Пруссией в ранней Веймарской республике.

1.2. Партикуляризм провинциальных элит и проект «Восточного государства»

В послевоенный период центральные власти Германии столкнулись с различными сепаратистскими и партикуляристскими движениями. Их наличие объясняется не только всеобъемлющим послевоенным кризисом, но и тем, что Германия включала в себя земли, весьма отличавшиеся друг от друга по экономическому укладу, культуре и религии. Подобные движения существовали в Баварии, Рейнской области и на востоке страны — в Восточной Пруссии. Среди представителей провинциальной элиты в конце 1918 — начале 1919 г. возник проект независимого политического образования «Восточного государства» („Oststaat“).

Одним из инициаторов плана «Восточного государства» был референт МИД и уроженец Восточной Пруссии Рудольф Надольны. Девятого декабря 1918 г. он составил докладную записку с предложением разделить Пруссию на несколько частей, а из восточных прусских провинций создать

«Восточногерманскую республику»¹⁹⁴. Одновременно с этим в «Дойче Алльгемайне Цайтунг» была опубликована уже статья А. фон Батоцки с его предложениями по административно-территориальной реформе¹⁹⁵. В начале записки Надольны обозначил главную задачу: «по возможности сохранить целостность Германского рейха». Далее дипломат констатировал неизбежность потери Эльзаса-Лотарингии и выразил тревогу по поводу усиления сепаратизма в южных и западных землях Германии, а также растущих территориальных претензий Польши и Литвы на востоке. В поисках пути сохранения единства рейха Надольны поддержал предложение баварского левого политического деятеля Курта Эйснера о разделе Пруссии, несмотря на то, что это предложение Эйснера вызвало общественное недовольство. По мнению Надольны, Пруссия выполнила свою историческую миссию, создав фундамент для развития рейха. Для остальных земель она стала символом принуждения и объектом ненависти. Следовательно, самая большая немецкая земля должна быть разделена на четыре или пять земель („Bundesländer“), что позволило бы справиться с сепаратистскими движениями и повысить эффективность противодействия внешним угрозам.

Самая восточная земля — «Восточногерманская республика», — по мнению Надольны, должна включать Восточную и Западную Пруссию, округ Бромберг со столицей в Мариенбурге, что позволит избежать конкуренции между Данцигом и Кёнигсбергом. Берлинский чиновник описывал и конкретный план действий: сначала согласовать действия с правительством рейха и получить финансовую поддержку, провести консультации с региональными представителями (в том числе и с А. Батоцки), далее разработать правительственную программу, учитывающую как особый характер восточных территорий, так и последствия революции, определить

¹⁹⁴ Содержание записки далее излагается по машинописной копии из фонда Р. Надольны в Политическом архиве МИД Германии: Politisches Archiv des Auswärtigen Amts. NL 203. (Nadolny, Rudolf. Band. 13). Bl. 112–117. Republik Ostdeutschland, 1918.

¹⁹⁵ *Batocki A.* Hat der preußische Staat noch Daseinsberechtigung? // *Deutsche Allgemeine Zeitung*. 1918. 10. Dezember. S. 1.

сферы компетенций рейха и новой республики, провести собрание доверенных лиц в Мариенбурге, провозгласить республику и получить признание со стороны правительства рейха.

Планы Надольны и Батоцки отличались в деталях, но имели одну цель — избавиться от Пруссии как от рудимента. Оба чиновника были выходцами из заэльбских аристократических родов, были знакомы друг с другом. Их синхронное выступление — это не совпадение, а совместная акция¹⁹⁶. Примечательно, что записанные Р. Надольны мысли, видимо, витали в воздухе берлинских кабинетов, о чем свидетельствует, например, запись в дневнике дипломата Гарри Кесслера¹⁹⁷.

У представителей центра и провинций могла быть разная мотивация для проведения столь радикального переустройства. С одной стороны, власти на уровне рейха имели возможность с помощью ликвидации ненавистой многим Пруссии ослабить сепаратистские движения в разных частях страны. С другой стороны, сама угроза сепаратизма была частью торга за полномочия между правительством рейха и представителями земель. В условиях политического кризиса и складывания новой государственной системы местные политические элиты были заинтересованы в расширении полномочий, прусское правительство было препятствием на пути к этой цели.

Важную роль играл и внешнеполитический фактор. Берлинские деятели, примерно представлявшие себе условия будущего мирного договора и грядущую перекройку границ, пытались путем подобной управляемой децентрализации развязать руки восточным областям Германии, которые как самостоятельные земли могли бы вести переговоры с другими странами или вступать с ними в военную конфронтацию, не втягивая при этом в войну всю Германию. Несмотря на всю утопичность данного проекта, он соответствовал

¹⁹⁶ О том, что Батоцки и Надольны действовали «рука об руку», писал и Георг Кляйнов. См. подробнее: *Cleinow G. Der Verlust der Ostmark: die deutschen Volksräte des Bromberger Systems im Kampf um die Erhaltung der Ostmark beim Reich 1918/1919. Berlin, 1934. S. 209.*

¹⁹⁷ Tagebucheintrag von Harry Graf Kessler, 21.12.1918 // *Kessler H. Das Tagebuch (Online-Ausgabe). 1880–1937. URL: <https://edview.dla-marbach.de/?project=KRH000TA&document=149152> (дата обращения: 03.08.2025).*

общей атмосфере, царившей в послевоенной Германии. В частности, в конце 1918 — начале 1919 г. в прессе активно обсуждался проект «особого мирного договора» („Sonderfriede“) между Антантой и Баварией, говорилось даже о реставрации Рейнского союза¹⁹⁸.

Для реализации описанных выше планов требовалось заручиться поддержкой военных и обеспечить содействие со стороны представителей ключевых парламентских партий. Великопольское восстание конца декабря 1918 г. в Позене, видимо, заставило сторонников «Восточного государства» ускорить действия. С 14 по 30 января 1919 г. в Кёнигсберге находился начальник штаба армейского командования «Север» пограничной стражи «Восток» генерал Ганс фон Сект¹⁹⁹. Он несколько раз встречался с А. Батоцки и 19 января составил отчет для Верховного главнокомандования сухопутных сил с описанием ситуации в Восточной Пруссии. Сект приводит мнение Батоцки о том, что в новых внешнеполитических реалиях предпочтительнее создать из Восточной и Западной Пруссии и округа Бромберг свободное государство („Freistaat“), которое будет интегрировано в рамки нового Германского рейха с широкой региональной автономией, особенно с учетом проживания там польского населения. Приведенное в отчете мнение Батоцки, по сути, является пересказом проекта Надольны. Однако, по словам Секта, Батоцки выходит за его границы и говорит о том, что отрезанная от основной территории рейха Восточная Пруссия не сможет выжить в одиночку, поэтому ей не остается ничего иного, кроме «присоединения [Anschluß] или слияния [Zusammenschluß] с польским соседом»²⁰⁰. Сект писал, что обер-президент «счел возможным склонить польское правительство в пользу этого плана» и предложил ему отправиться вместе с ним в Позен, чтобы начать переговоры. Далее в отчете приводятся слова Батоцки о том, что необходимо снизить градус

¹⁹⁸ Gegen die Hohenzollern und Wittelsbacher // Freiheit. 1919. 7. Dezember. S. 2; Ganz Deutschland ist einig. Minister Preuß über die Friedensbedingungen // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1919. 15. Mai. S. 1.

¹⁹⁹ BArch. N 247/18. Bl. 2–3. № 4. Tagebuch. 1. 14.I.1919–1.IV.1922.

²⁰⁰ BArch. RM 6/241. Bl. 73. An die Oberste Heeresleitung. Königsberg, 19. Januar 1919.

противостояния с Польшей. Обер-президент акцентировал внимание на том, что в обороне провинции должны участвовать только ее жители в рамках «чисто восточнопрусских формирований»²⁰¹.

Переходя к изложению своего мнения, Сект писал, что «партикуляристские устремления», высказанные обер-президентом, распространены среди «широких и влиятельных слоев населения» провинции. К идее создания восточнопрусских воинских формирований Сект относился скептически, он не разделял и сепаратистских устремлений Батоцки: «Как пруссак и немец я не могу прикладывать руку к дальнейшему расчленению государства и рейха»²⁰².

Отчет Секта является единственным свидетельством того, что у Батоцки существовало намерение обсудить вопрос об объединении с польской стороной. Скорее, речь все-таки шла о попытке обер-президента перестроить германскую внешнюю политику на востоке. Он считал, что главная опасность для Восточной Пруссии исходит не со стороны Польши, а от большевистской России. На заседании штаба армейского командования «Север» 11 февраля 1919 г. Батоцки прямо заявил, что в случае увеличения угрозы со стороны большевиков будет необходимо «найти *modus vivendi* с Польшей»²⁰³.

Вероятно, ознакомившись с отчетом Секта, 28 января первый генерал-квартирмейстер Вильгельм Грёнер отправил А. Батоцки письмо с призывом отказаться от сепаратистских устремлений, чтобы не навредить Германии на переговорах в Париже. Он просил обер-президента не опережать события и не считать раньше времени, что Восточная Пруссия окажется отрезанной от рейха²⁰⁴, так как есть «резонные основания считать, что симпатии американцев к полякам существенно ослабли и Вудро Вильсон не намерен брать в расчет их притязания»²⁰⁵. Седьмого февраля Батоцки ответил, что он «всегда самым

²⁰¹ Ibid.

²⁰² Ibid.

²⁰³ BArch. N 42/14. Bl. 3. Besprechung beim O.K. "Nord" in Bartenstein am 11.2.1919.

²⁰⁴ *Groener-Geyer D. General Groener: Soldat und Staatsmann. Frankfurt am Main, 1955. S. 131–132.*

²⁰⁵ Ibid. S. 132.

решительным образом боролся» с сепаратистскими движениями в Восточной Пруссии и что русская угроза представляется ему более существенной и вероятной, чем польская.

Таким образом, первая попытка Батоцки вступить во взаимодействие с генералами не увенчалась успехом. Он не нашел понимания у Грёнера, а с Сектом, по воспоминаниям Виннига, у Батоцки был конфликт²⁰⁶. В таком контексте в Восточной Пруссии появился Август Винниг, в январе 1919 г. он дважды побывал в Кёнигсберге. Ситуацию в городе впоследствии он описывал следующим образом: всевластие «Народной морской дивизии», непонимание серьезности угрозы со стороны большевиков и так далее²⁰⁷. В воспоминаниях он также отмечал, что «красные матросы» в Кёнигсберге препятствовали снабжению германских войск в Прибалтике. Все эти обстоятельства стали причиной договоренности с Батоцки о том, что он приедет «в Кёнигсберг на две-три недели, чтобы разобраться в местных проблемах»²⁰⁸. По другим воспоминаниям, главным инициатором появления Виннига в Кёнигсберге был Батоцки, именно по его просьбе в адрес берлинских властей Винниг 23 января 1919 г. был назначен на должность государственного и имперского комиссара в Восточной и Западной Пруссии и на оккупированных территориях бывшей Российской империи²⁰⁹.

Доподлинно неизвестно, когда именно Винниг узнал о планах «Восточного государства», но очевидно, что рейхскомиссар мыслил масштабнее и не фокусировался на внутривосточных или, тем более, провинциальных аспектах. Его целью было сохранение германского влияния в Прибалтике. В письме министру иностранных дел У. Брокдорфу-Ранцау от 13 марта 1919 г. он предполагал, что в случае отделения Восточной Пруссии от остальной территории Германии для противостояния польской угрозе ей будет

²⁰⁶ BArch. N 62/7. Bl. 30. Brief von A. Winnig an F. Rabenau, 27. Mai. 1939.

²⁰⁷ Прибалтийский излом 1918–1919. Август Винниг у колыбели эстонской и латышской государственности. М., 2019. С. 175–176, 184–185.

²⁰⁸ Там же. С. 185.

²⁰⁹ Winnig A. Heimkehr. S. 113.

необходимо установить, «насколько это возможно, тесную связь с Литвой и Латвией». Если связь с основной территорией Германии не будет прервана, важно сохранить немецкое влияние в прибалтийских странах с помощью переселенческой политики²¹⁰.

Несовпадение позиций Виннига и Батоцки относительно того, от кого исходит главная опасность для востока Германии, публично проявилось на митинге в Кёнигсберге 30 марта 1919 г. Винниг говорил исключительно о происках польских властей и недопустимости территориальных уступок Польше, Батоцки же свою речь посвятил большевистской угрозе, перед лицом которой следует выстраивать «добрососедские отношения» с Польшей и избегать решений, которые могут эти отношения ухудшить²¹¹. Рейхскомиссар позже признавался, что стремился «достичь понимания с Советской Россией»²¹², в частности, пытался договориться с председателем советского правительства Латвии П. Стучкой о совместных действиях против Польши²¹³.

Парижская мирная конференция влияла на действия сторонников и противников «Восточного государства». Особенно динамично события развивались в мае — июне 1919 г. Седьмого мая германская делегация получила от представителей Антанты проект будущего мирного договора, который предусматривал большие потери для проигравшей Германии, что вызвало всплеск недовольства в разных политических кругах республики.

В этих условиях важную роль играли объединения, представлявшие интересы населения восточных провинций, поскольку немецкая сторона, протестуя против территориальных потерь, продолжала отсылать к

²¹⁰ Цит. по: *Schumacher R.* Op. cit. S. 103.

²¹¹ *Die Kundgebung gegen die Polen // Königsberger Hartungsche Zeitung.* 1919. 31. März (Abendausgabe). S. 1–2.

²¹² Высказывание Виннига цитируется по: *Schumacher R.* Op. cit. S. 103.

²¹³ *Cleinow G.* Op. cit. S. 225. Об этом эпизоде вспоминал и Й. Бишоф (см.: *Бишоф Й.* Последний фронт / Прибалтика между двумя революциями. Германские добровольцы в антибольшевистской борьбе. СПб., 2021. С. 164). См. также об этом эпизоде: *Ланник Л.В.* «Мятеж» фрайкоров в Прибалтике 23 августа 1919 г.: вспышка германской гражданской войны // Санкт-Петербургский исторический журнал. № 3 (19). 2018. С. 192. См. свидетельства самого П. Стучки: *Стучка П.* Пять месяцев Социалистической Советской Латвии. Часть 1. Псков, 1919. С. 17.

«Четырнадцать пунктам» В. Вильсона и прописанной там идее о праве народов на самоопределение. Наметился определенный дуализм: с одной стороны, интересы немцев из пограничных провинций могли представлять депутаты Национального собрания и прусского ландтага, а с другой стороны, на местах уже существовали и влиятельные внепарламентские организации — Немецкие народные советы. Они возникли в ноябре 1918 г. на Познанщине и в Западной Пруссии как противовес схожим польским организациям. Советы должны были объединять немецкое население в борьбе против возрожденного польского государства, одним из руководителей советов был публицист Г. Кляйнов²¹⁴.

Особенно острая дискуссия о том, кто именно должен представлять интересы немцев на Востоке, развернулась на заседании представителей советов в Данциге 14 мая²¹⁵. Регирунгспрезидент М. фон Оппен высказал мысль о создании «Парламента германского Востока»²¹⁶. В него должны были войти депутаты Национального собрания и прусского ландтага от восточных провинций (включая представителей из Силезии и Познани). Часть представителей Народных советов, например влиятельный публицист Макс Фердинанд Бём, высказала протест против создания еще одного органа, указывая на то, что существующие структуры уже охватывают все национальные организации в регионе и способны координировать их действия²¹⁷. Сторонники официального парламента возражали на это тем, что в Народных советах недостаточно представлены члены самой большой фракции Национального собрания — СДПГ. В итоге было предложено, чтобы к работе парламента были привлечены представители народных советов — по два от каждой провинции, хотя бы с правом совещательного голоса²¹⁸.

²¹⁴ *Krekeler N.* Revisionsanspruch und geheime Ostpolitik der Weimarer Republik. Stuttgart, 1973. S. 24.

²¹⁵ BArch. R 601/600. Bl. 36–43. Bericht über die Versammlung der Vertreter der Volksräte im Danziger Rathaus am 14.5.1919, Bromberg, 18.5.1919.

²¹⁶ Ibid. Bl. 37.

²¹⁷ Ibid.

²¹⁸ Ibid. Bl. 38.

Делегация советов отправилась в Кёнигсберг, чтобы представить решение А. Виннигу, однако оказалось, что он в этот момент уехал из провинции, его замещал Й. Люббринг. Узнав о решении советов, он стал всячески оттягивать конкретные действия, подчеркнув, что созыв парламента возможен лишь с согласия правительства рейха, помимо этого — полномочия рейхскомиссара А. Виннига не распространяются на Силезию и Познанщину, следовательно, требовалось узнать мнение рейхскомиссара Хёрзинга²¹⁹. В итоге при содействии правительства Пруссии депутаты от восточных провинций собрались на совместное заседание 22 мая в Берлине, образовав неформальное депутатское собрание, получившее название «Восточного парламента» („Ostparlament“)²²⁰. Представители Народных советов на нем отсутствовали.

Депутаты приняли решение о создании двух комитетов действия. Первый комитет — «Север» — состоял из 15 человек²²¹ и должен был координировать противодействие польской экспансии в Восточной и Западной Пруссии и округе Бромберг, второй комитет — «Юг» — в Силезии и на Познанщине. Председателем комитета «Север» стал депутат Национального собрания (партия Центра) от Восточной Пруссии Пауль Фляйшер.

Через пять дней после учреждения «Восточного парламента» комитет действия «Север» собрался в Мариенбургском замке²²². Представители Народных советов также были в Мариенбурге, однако на заседание комитета их не позвали (по некоторым сведениям — не пустили). О ходе заседания известно мало. А. Винниг произнес «патриотическую речь», однако был разочарован реакцией депутатов²²³, которые не проявили решимости немедленно выступить против условий «навязанного мира», а занялись организационными вопросами и ограничились призывом сохранить

²¹⁹ Ibid. Bl. 42.

²²⁰ Das Parlament des Ostens // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1919. 22. Mai. S. 1; Das Parlament des Ostens // Tägliche Rundschau. 1919. 22. Mai. S. 1.

²²¹ Siehr E.L. Op. cit. Bl. 7.

²²² Ibid. Bl. 27.

²²³ Winnig A. Heimkehr. S. 205.

гражданский мир и не допустить кровопролития между литовцами, поляками и немцами²²⁴. В тот же день Батоцки передал Виннигу информацию о том, что правительство намерено принять условия мирного договора²²⁵. По воспоминаниям Надольны и Батоцки, уже в тот момент они не видели перспектив отделения — почти все депутаты отвергли идею создания «Восточного государства»²²⁶.

Этот сюжет позволяет предположить, что идея «Восточного парламента» изначально носила формальный характер. Хотя Надольны вспоминал, что в Мариенбурге депутаты должны были «провозгласить новое немецкое Восточное государство, Восточный парламент и Восточное правительство»²²⁷, но при этом они полностью проигнорировали Немецкие советы — организации, обладавшие определенным силовым ресурсом и авторитетом, особенно на Познанщине. Можно предположить, что игнорирование данной организации было во многом связано с позицией Надольны или Виннига.

Во время обсуждений в Данциге внутри советов произошел раскол, а после мариенбургского инцидента представители советов были возмущены тем, что их не пригласили ни на одно заседание, хотя именно они «пользуются доверием населения», о чем было заявлено в декларации советов от 28 мая²²⁸. «Парламент востока» предполагалось использовать для выражения озабоченности и выпуска деклараций от имени населения восточных провинций, но не для организации реальной борьбы против поляков и тем более не для организации отделения от рейха.

Дальнейшие действия обсуждались 5–6 июня на совещании в прусском МВД под председательством В. Гейне. Хотя большинство участников совещания (особенно сами представители этих провинций) поддерживали

²²⁴ Klatt R. Op. cit. S. 129–130.

²²⁵ Winnig A. Heimkehr. S. 206.

²²⁶ Schumacher R. Op. cit. S. 353; Nadolny R. Op. cit. S. 130.

²²⁷ Nadolny R. Op. cit. S. 130.

²²⁸ Der Zusammenschluß der Ostmark // Mitteilungen der Deutschen Volksräte Posens und Westpreußens. 1919. 4. Juni. №13. URL: <https://brema.suub.uni-bremen.de/grenzboten/periodical/zoom/335930> (дата обращения: 03.12.2025).

идею борьбы с Польшей, они по-разному расставляли акценты²²⁹. Так, представители восточных провинций заявили о готовности остаться в составе рейха при непринятии мирного договора и начале войны против Польши. В случае же подписания договора они допускали отделение и провозглашение «Восточного государства». Майор Ф. фон Виллисен, один из руководителей центрального командования Пограничной стражи «Восток», призывал к немедленным военным действиям, пока Германия сохраняла преимущество в военной силе на границе с Польшей. Регирунгспрезидент округа Бромберг Бюлов на этом заседании критически высказался относительно плана «Восточного государства», однако он допускал, что в случае подписания мирного договора на востоке может вспыхнуть народное восстание и что тогда «Восточное государство» может послужить «внешнеполитическим алиби» для открытой борьбы с Польшей. Министр Гейне в итоге отверг сепаратистские планы, поскольку считал, что они приведут к ослаблению Пруссии и всей Германии. При этом он добавил: «Если немецкое правительство подпишет мирный договор, в котором не будут учтены наши жизненно важные интересы, то каждый должен будет постоять за себя»²³⁰. Эти слова, которые можно истолковать и как поддержку «Восточного государства», отражают колебания политики Берлина по отношению к судьбе восточных провинций.

Ключевые события в истории Восточного государства произошли 18–19 июня 1919 г. после того, как Антанта отказалась учитывать немецкие поправки к договору. На встрече 18 июня в Веймаре В. Грёнера и В. Рейнхарда в центре обсуждения стоял вопрос о действиях войск на востоке в случае подписания мирного договора. Рейнхард считал, что следует поддержать «любое самостоятельное движение на востоке»²³¹. Грёнер же характеризовал Виннига и Батоцки едва ли не как заговорщиков, главную цель видел в «сохранении единства рейха и шестидесяти миллионов немцев». Возражая, Рейнхард

²²⁹ Содержание переговоров передано по: *Schulze H. Oststaat-Plan...* S. 147–148.

²³⁰ *Ibid.*

²³¹ *Mühleisen H. Op. cit.* S. 440.

утверждал, что можно «отказаться от Запада и создать для себя сильный Восток, который, вероятно, должен будет охватить и территорию до Эльбы. Старая Пруссия должна составить ядро этой державы»²³².

Обмен мнениями между двумя военными чиновниками продолжился на следующий день, когда состоялось совещание военного руководства рейха с участием министра рейхсвера Густава Носке и высшего генералитета. Грёнер понимал, что Рейнхард планировал на этом совещании использовать поддержку со стороны генералов, сам генерал-квартирмейстер пользовался поддержкой со стороны Г. Носке²³³.

Представители генералитета высказали разные взгляды на ситуацию в разных частях Германии: восток будет сопротивляться, а запад примет условия мирного договора²³⁴. Представители пограничной стражи «Восток» — Хайе, Лоссберг, Белов — хотя и высказывались так или иначе за возобновление боевых действий, не были готовы к самостоятельным шагам. Когда Грёнер поставил вопрос о поддержке Носке, все высказались, хотя и с некоторыми оговорками, в пользу министра рейхсвера²³⁵. Надежды Рейнхарда на поддержку со стороны военных успехом не увенчались.

Вечером того же дня состоялось заседание по вопросам востока под председательством В. Гейне. На нем присутствовали Батоцки, Винниг и другие представители восточных прусских провинций: как гражданские, так и военные²³⁶. Участники заседания высказывались по разным вопросам, в том числе по поводу создания нового государства на востоке. По мнению Батоцки, «провозглашение Восточной Пруссии независимой республикой было бы выгодно в прошлом, но теперь уже слишком поздно» — если правительство примет условия мира, на борьбу поднимется лишь меньшинство²³⁷. Грёнер подвел итог заседания: в случае отказа от подписания договора восточные

²³² Ibid. S. 441.

²³³ Ibid. S. 424.

²³⁴ Ibid. S. 460.

²³⁵ Ibid. S. 453–454.

²³⁶ Относительно полный список присутствовавших см.: *Schumacher R.* Op. cit. S. 304.

²³⁷ *Mühleisen H.* Op. cit. S. 475.

провинции могли бы поддержать вооруженную борьбу, но при принятии условий Антанты массового сопротивления ждать не приходилось.

Аргументацию противников «Восточного государства» сформулировал помощник статс-секретаря министра внутренних дел Пруссии Ф. Фройнд, составивший 25 июня докладную записку, посвященную данному вопросу. Среди адресатов записки были все ключевые ведомства на уровне рейха и Пруссии, обер-президенты восточных провинций и центральное бюро пограничной стражи «Восток»²³⁸. В записке чиновник раскритиковал план создания Восточногерманской республики. Можно выделить несколько основных аргументов.

Во-первых, по мнению Фройнда, Антанта ни в коем случае не признает новую Восточногерманскую республику, и, следовательно, в случае нарушения условий мирного договора ответственность будет нести германское правительство²³⁹. Во-вторых, провозглашение самостоятельной республики, по мнению Фройнда, будет воспринято как смешение национальной борьбы с реакционными тенденциями, и тогда восточные провинции потеряют поддержку широких слоев населения: «немецкий народ будет наблюдать за боями на востоке с противоречивыми чувствами»²⁴⁰. В-третьих, Фройнд обращает внимание на то, что Восточногерманская республика не сможет в одиночку противостоять полонизации, особенно в Западной Пруссии. Помимо этого, Польша будет использовать экономические рычаги для ослабления нового государства.

20 июня часть представителей восточных провинций собралась в Берлине. На собрании прибывший из Веймара А. Батоцки произнес краткую речь: «Правительство рейха не поддержит движение на востоке. Оно угрожает самыми жесткими мерами за попытку проведения запланированных операций. Любой, кто примет участие хотя бы в одной такой попытке, будет привлечен к

²³⁸ PAAA. RZ 201/22015. Bl. 62. Denkschrift über die Frage des selbstständigen Oststaates zur gefälligen Kenntnisnahme, Berlin, 25.6.1919.

²³⁹ Ibid. Bl. 65.

²⁴⁰ Ibid. Bl. 66.

ответственности»²⁴¹. Под «запланированными операциями», возможно, подразумевается так называемый «путч Белова». Карл Гёрделер, офицер связи в штабе 17-го корпусного округа, призывал Белова к наступлению на Польшу, по его мнению, это нужно было сделать «не позднее вечера 23 июня»²⁴². Гёрделер предложил следующий план действий: спровоцировать конфликт с Польшей, обратиться с просьбой о помощи к правительству и, получив ожидаемый отказ, действовать самостоятельно. Однако боевые действия так и не начались: Белов заявил, что необходимо все-таки дожидаться атаки со стороны Польши²⁴³. Особую роль в окончательном провале проекта «Восточного государства» сыграл генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург, приказавший Белову не предпринимать никаких «особых акций». По мнению Гёрделера, за этим приказом стоял Грёнер²⁴⁴.

Впрочем, серьезные трудности возникли бы и при поддержке проекта Гинденбургом. Так, Вильгельм фон Гайль, присутствовавший при встрече Белова и Батоцки в те дни, семнадцать лет спустя вспоминал, что Белов объяснял свой отказ от вооруженного выступления тем, что железнодорожные служащие отказались бы перевозить военные грузы²⁴⁵. Таким образом, реализация плана упиралась не только в отсутствие решительности у «верхов», но и в отсутствие у проекта поддержки в широких кругах населения.

В историографии сложилось представление, что проект «Восточного государства» стал первым в истории Веймарской республики проявлением конфликта между республиканским правительством рейха и консервативными политиками с частью генералитета²⁴⁶. Однако привлеченные источники

²⁴¹ *Cleinow G.* Op. cit. S. 318. Сам Батоцки не отрицал позже факт произнесения этой речи, см.: *Schumacher R.* Op. cit. S. 359.

²⁴² BArch. N 1113/21. Bl. 9. Bericht Goerdelers vom Juni 1919 über seine Tätigkeit im Osten. Ende Juni 1919.

²⁴³ Ibid. Bl. 10.

²⁴⁴ Ibid. Bl. 11.

²⁴⁵ BArch. N 1031/4. Bl. 3f. Aufzeichnung des Freiherrn v. Gayl für die Landesstelle Ostpreußen für Nachkriegsgeschichte über die Oststaats-Pläne und den geplanten bewaffneten Widerstand im Frühjahr 1919, Potsdam, 6.6.1936.

²⁴⁶ *Schulze H.* Oststaat-Plan... S. 163.

позволяют говорить о том, что имело место гораздо более сложное взаимодействие разных политических групп, которое нельзя свести к схеме «республиканцы против консерваторов».

Прежде всего, инициатива «Восточного государства» исходила не от провинциальных акторов: первая известная на сегодняшний день версия проекта была изложена Р. Надольны в его записке в декабре 1918 г. Обер-президент Батоцки выступал скорее как адресат и исполнитель чужих инициатив, оценивая их с точки зрения провинциальных интересов. Для восточнопрусских элит «Восточное государство» было не целью, а ресурсом: угроза отделения превращалась в аргумент в торге с Берлином за расширение провинциальных полномочий и учет восточнопрусских интересов на переговорах в Париже. Этим восточнопрусский случай отличался от баварского и рейнского партикуляризма, которые опирались на более серьезные основания — независимую государственность и конфессиональную обособленность. Провал проекта был обусловлен не столько давлением со стороны центра, сколько его собственной внутренней несостоятельностью: у основных участников отсутствовала единая позиция, военные придерживались выжидательной тактики или решительно выступали против сепаратизма.

1.3. Капповский путч в Восточной Пруссии и его политические последствия для взаимоотношений с Берлином

Произошедший в марте 1920 г. Капповский путч стал одним из первых политических кризисов Веймарской республики. Длившийся всего пять дней (с 13 по 17 марта), путч имел важные политические последствия для первой германской демократии: изменился состав рейхстага, сменилось правительство рейха, претерпел изменения партийный ландшафт, произошли

кадровые перестановки на уровне земель, в частности — в Пруссии²⁴⁷. В данном параграфе будет представлен как провинциальный политический контекст путча, так и его последствия для взаимоотношений между Восточной Пруссией и центральными органами власти.

Начать следует с общего описания взаимоотношений между провинциальными и берлинскими политическими деятелями на февраль 1920 г. Взаимодействие провинции с центром в этот период было осложнено рядом субъективных факторов. Из-за эпизода, связанного с попыткой создания «Восточного государства», было разрушено доверие между центральными и провинциальными элитами. Берлинские чиновники подозревали представителей провинции в сепаратизме. В Берлине за Восточной Пруссией в это время закрепился образ «Вандеи»²⁴⁸. Полковник В. Хайе даже писал, что у Августа Виннига был план создать в провинции убежище для отрешившегося от престола кайзера Вильгельма II и всех офицеров, которых Антанта требовала выдать для суда²⁴⁹.

Слухи о праворадикальном путче на Востоке курсировали в обществе еще в 1919 г. Здесь можно вспомнить и уже упоминавшийся путч фон Белова. Пятого декабря 1919 г. британский генерал Тёрнер из Международной миссии в Прибалтике докладывал из Тильзита о подготовке германскими офицерами антиправительственного путча²⁵⁰. Эти сведения впоследствии подтвердили и сами участники событий: майор Бишоф и генерал фон дер Гольц открыто признавали, что планировали начать в Восточной Пруссии антиправительственный путч. Планы были сорваны из-за того, что правительство не оставило балтийские фрайкоры в провинции, а перевело их дальше на запад²⁵¹.

²⁴⁷ *Orlow D.* Preussen und der Kapp-Putsch // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1978. Jahrgang 26. Heft 2. S. 191.

²⁴⁸ BArch. R 43-I/1349. Bl. 494. Protokoll über die Sitzung des Reichsministeriums vom 11.6.1919, mittags 12 Uhr, im Reichskanzlerhause.

²⁴⁹ BArch. N 18/5. Bl. 197–198. Lebenserinnerungen des Generaloberst Wilhelm Heye. Teil II: „Wie ich den Weltkrieg erlebte“. Kapitel XII: „Die Nachkriegszeit“.

²⁵⁰ *Schulze H.* Freikorps und Republik... S. 246.

²⁵¹ *Ibid.* S. 246–247.

Помимо этого, для понимания всей сложности взаимоотношений между Кёнигсбергом и Берлином важно, что один из будущих руководителей путча марта 1920 г. Вольфганг Капп жил в Восточной Пруссии и имел тесные связи с заэльбскими элитами. С 1907 по 1920 г. (с перерывом в 1916–1917 гг.) он возглавлял Восточнопрусское генеральное ландшафтное управление („Ostpreußische Generallandschaftsdirektion“). В конце Первой мировой войны В. Капп открыто критиковал с правых позиций внутреннюю и внешнюю политику правительства канцлера Бетман-Гольвега. В сентябре 1917 г. на собрании в Кёнигсберге Капп объявил о создании Немецкой отечественной партии²⁵². В эту партию также вошли такие восточнопруссские деятели, как З. Кёрте и М. фон Брюннек²⁵³. При этом Капп все-таки не был авторитетом в среде восточнопруссской элиты. Есть сведения о том, что представители консервативной аристократии считали Каппа сомнительным интриганом и «опасным прожектером»²⁵⁴, будущий руководитель путчистов не пользовался широкой поддержкой и среди населения, не был народным политиком. В 1919 г. у Каппа произошел конфликт и с обер-президентом Августом Виннигом²⁵⁵.

При этом уже после путча Капп писал, что «считал, что Восточная Пруссия будет подходящей точкой для начала контрреволюции»²⁵⁶. Интересно, что помимо объективных факторов — ожидаемой поддержки со стороны населения и военных — видимо, значимую роль играли и исторические параллели, связанные с Освободительной войной 1813–1814 гг., в рамках которой на территории провинции также происходили ключевые события²⁵⁷.

Другим субъективным фактором напряжения между центром и провинцией было то, что обер-президент Винниг находился в двойном конфликте: с одной стороны, он оказался в своеобразной «немилости» у

²⁵² [Eine neue deutsche Partei...] // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1917. 9. September. S. 1.

²⁵³ Groeben K., von der. Op. cit. S. 117.

²⁵⁴ Ibid. S. 118.

²⁵⁵ Winnig A. 400 Tage Ostpreussen... S. 38–39.

²⁵⁶ Schulze H. Freikorps und Republik... S. 252.

²⁵⁷ Ibid.

рейхсканцлера Г. Бауэра²⁵⁸, а с другой — конфликтовал с «товарищами» по партии в Восточной Пруссии. В этих условиях накануне путча с 9 по 11 марта в Берлине проходила первая Восточнопрусская конференция. Впоследствии Винниг вспоминал, что после завершения конференции он попытался лично встретиться с Бауэром, однако встреча так и не состоялась: Винниг несколько часов прождал у кабинета, так и не дождавшись встречи. Можно предположить, что подобное унижение повлияло на последующее поведение Виннига во время путча.

Вторая важная черта отношений между Кёнигсбергом и Берлином состояла в том, что в это время в кабинетах берлинских ведомств воцарилась «усталость от Восточной Пруссии» („Ostpreußenmüdigkeit“). Берлинские чиновники в условиях всеобщего кризиса слабо реагировали на различные, в первую очередь экономические, требования провинции, что увеличивало недовольство ее населения. Происходил и обратный процесс. Один из осведомителей МИД докладывал в ноябре 1919 г. секретарю рейхсканцелярии, что у жителей провинции усиливалась «усталость от рейха» („Reichsmüdigkeit“), им казалось, что страна «оставила их на произвол судьбы»²⁵⁹.

Таким образом, к началу марта 1920 г. отношения восточнопрусская элит с центральной властью были весьма напряженными. Взаимное недоверие, персональные и партийные конфликты, а также ощущение экономической «заброшенности» привели к кризису коммуникации между Кёнигсбергом и Берлином. Оппозиционная деятельность и фигура В. Каппа, конфликтное поведение А. Виннига и распространенные в берлинских кругах представления о «ненадежности» провинции делали Восточную Пруссию особенно чувствительной к политическим потрясениям.

²⁵⁸ Winnig A. Heimkehr. S. 246.

²⁵⁹ BArch. R 43-I/1847. Bl. 12. Bericht eines Gewährmannes über die Stimmung in Ostpreußen und die Bermondts-Truppen, 3.11.1919 (übersandt vom Auswärtigen Amt an die Reichskanzlei, 10.11.1919).

В этих условиях реакция населения и элит провинции на Капповский путч выглядит логическим продолжением накопившихся противоречий. Организаторами путча выступили высокопоставленные военные и консервативные политики из Немецкой национальной народной партии (НННП). Лидером военного крыла был генерал Вальтер фон Лютвиц, гражданским крылом руководил Вольфганг Капп. Военных и гражданских, вышедших из среды консервативной буржуазии и заэльбского (в том числе — восточнопрусского) дворянства, объединяло несколько факторов: во-первых, абсолютное неприятие условий Версальского мирного договора, а во-вторых, ненависть к демократическим завоеваниям Ноябрьской революции.

Однако вначале следует кратко описать ход путча на общегерманском уровне. Путч начался с того, что 13 марта бригада Эрхарда заняла правительственный квартал Берлина. Действующее правительство рейха бежало сначала в Дрезден, а затем в Штутгарт. На улицах Берлина появились листовки, призывавшие граждан, рабочих и товарищей по партии к единству и всеобщей забастовке. Под текстом листовки стояли подписи Ф. Эберта, председателя СДПГ Отто Вельса и рейхсминистров — членов СДПГ²⁶⁰. Забастовку также поддержали НДП и НСДПГ. В некоторых провинциях путч не получил поддержку даже со стороны окружных организаций консервативных партий — НННП и ННП²⁶¹. В условиях отсутствия поддержки со стороны чиновников и широких слоев населения уже 17 марта путчисты потерпели поражение²⁶².

Реконструкция событий «пяти мартовских дней» в Восточной Пруссии — это нетривиальная задача, к решению которой до сих пор были сделаны лишь некоторые подступы. Большинство исследователей, опираясь на подвергавшиеся цензуре провинциальные газеты, пишут о спокойной

²⁶⁰ Bürger, Arbeiter, Parteigenossen! Sozialdemokratisches Flugblatt zum Kapp-Lüttwitz-Putsch. URL: <https://www.dhm.de/archiv/sammlungen/gifs/sammlungen/dokumente2/89204544.jpg> (дата обращения: 02.03.2025).

²⁶¹ Schulze H. Freikorps und Republik... S. 276.

²⁶² Подробнее о ходе путча см.: Erger J. Der Kapp-Lüttwitz-Putsch. Ein Beitrag zur deutschen Innenpolitik 1919/1920. Düsseldorf, 1967; Schulze H. Freikorps und Republik... S. 202–326.

обстановке в Восточной Пруссии в дни путча²⁶³. В то же время советский историк Ф.И. Панкевич без ссылок на конкретные источники писал о героическом сопротивлении восточнопрусских рабочих и даже создании стачечных комитетов на заводах и «комитетов действия» в сельских районах²⁶⁴, а немецкий историк К. фон Грёбен столь же безосновательно доказывал обратное: по его мнению, путч вызвал массовый энтузиазм и демонстрации поддержки, сопровождавшиеся вывешиванием черно-бело-красных флагов Кайзеррейха²⁶⁵.

Косвенно подтверждает тезис о мирном ходе путча в Кёнигсберге то, что и после 17 марта в газетах нет сведений о произошедших уличных столкновениях, погибших защитниках республики или путчистах. Видимо, в условиях отсутствия активной политической жизни местные политические игроки ограничивались тем, что выражали свою позицию с помощью символических актов. Например, о позиции того или иного чиновника можно было узнать по тому, какой флаг развевается над его ведомством — черно-бело-красный флаг Кайзеррейха или черно-красно-золотой флаг республики²⁶⁶. Известно, что некоторые ландраты и мелкие служащие отправляли Каппу приветственные телеграммы. Единственным массовым политическим собранием в эти дни, вероятнее всего, стала торжественная смена караула перед Королевским замком 14 марта, организованная военными по дореволюционному образцу. В заметке об этом событии корреспондент «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» писал, что над замком в этот момент развевалось «черно-бело-красное знамя нового германского республиканского правительства» и что этому примеру последовали многие другие города провинции²⁶⁷.

²⁶³ *Gause F.* Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen. Bd. III: Vom Ersten Weltkrieg bis zum Untergang Königsbergs. Köln, 1996. S. 35; *Klatt R.* Op. cit. S. 128.

²⁶⁴ *Панкевич Ф.И.* Капповский путч в Германии. М., 1972. С. 105–106.

²⁶⁵ *Groeben K., von der.* Op. cit. S. 118.

²⁶⁶ *Gause F.* Op. cit. Bd. III. S. 35.

²⁶⁷ *Fahnenwechsel am Königsberger Schloß // Königsberger Hartungsche Zeitung.* 1920. 15. März (Abendausgabe). S. 2.

Сдержанную реакцию населения Восточной Пруссии на путч можно объяснить совокупностью факторов: отсутствием в провинции традиций политического радикализма, слабостью рабочего движения, спадом политической активности после марта 1919 г., а также информационной изоляцией региона в дни путча. Контроль путчистов над информационным сообщением в сочетании с разрывом железнодорожного сообщения с основной территорией Германии существенно ограничивал возможности для мобилизации антикапповских сил и сопротивления.

Особого внимания заслуживает поведение главного восточнопрусского чиновника А. Виннига. В первый день путча в ответ на вопрос журналиста кёнигсбергской газеты, какие последствия путч будет иметь для Восточной Пруссии, вернувшийся из Берлина Винниг дал жесткую оценку действиям Каппа и заявил, что «стремится обеспечить нейтральное положение провинции», а для жителей провинции главное — «сохранить порядок и безопасность»²⁶⁸. На следующий день газеты в провинции не вышли по распоряжению поддержавшего путч командующего корпусным округом генерал-лейтенанта Л. фон Эшторфа, поэтому Винниг в тот день не выражал свою позицию публично. На третий же день путча в «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» было опубликовано совместное заявление А. Виннига и Л. фон Эшторфа, в котором они признали «деятелей нового правительства как фактических обладателей власти» и согласились поддерживать реализацию программы правительства Каппа²⁶⁹. Позднее Винниг объяснил это решение тем, что 13 марта фон Эшторф, ссылаясь на телеграммы из Берлина о якобы успешных переговорах по созданию коалиционного правительства и участия в нем социал-демократов, убедил Виннига в прочности нового режима²⁷⁰.

Можно ли считать Виннига убежденным сторонником Каппа и путчистов? Объяснение самого Виннига указывает на вынужденный характер

²⁶⁸ Oberpräsident Winnig: neutral // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 13. März (Abendausgabe). S. 3.

²⁶⁹ Bekanntmachung // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 15. März (Abendausgabe). S. 1.

²⁷⁰ Winnig A. 400 Tage... S. 76.

этого решения. Исследователи, вслед за Виннигом, объясняют это решение тем, что обер-президент, находящейся во «враждебном окружении» провинции, стремился сохранить порядок накануне проведения плебисцита в южных районах²⁷¹. Обращение к более широкому политическому контексту позволяет предположить, что это в лучшем случае лишь половина ответа. Более убедительным представляется объяснение, связанное с разочарованием Виннига в центральной власти. Неудачное завершение Восточнопрусской конференции, игнорирование интересов населения провинции со стороны рейхсканцлера и министров усилили ощущение политической изоляции и окончательно подорвали лояльность Виннига к правительству рейха и Пруссии.

Провалившийся путч имел серьезные последствия для политического ландшафта провинции и взаимоотношений между Кёнигсбергом и Берлином. Важно, что события на двух этих уровнях развивались в тесной взаимосвязи, так как были связаны с демократизацией чиновничьего аппарата.

После завершения путча правительство Пруссии, пораженное масштабами поддержки путчистов в восточных провинциях, изменило кадровую политику. Министром-президентом самой большой германской земли стал уроженец Кёнигсберга О. Браун, а пост министра внутренних дел занял К. Северинг. Новые политики должны были ускорить демократизацию бюрократического аппарата и наказать сторонников Каппа. Также это было одним из пунктов Билефельдского соглашения, заключенного во время Рурского восстания между представителями германского правительства и Рурской Красной армии²⁷². В Восточной Пруссии местные политики от СДПГ

²⁷¹ *Gause F.* Op. cit. Bd. III. S. 35; *Klatt R.* Op. cit. S. 191. Так же действия Виннига в своих воспоминаниях объяснял и В. фон Гайль: «[присоединившись к Эшторфу, Винниг] хотел предотвратить распад отрезанной от основной территории Германии провинции и избежать столкновения между гражданскими и военными властями». См. подробнее: BArch. N 1031/4. Bl. 15f. Kampf für Volk und Heimat! Erinnerungen aus einem Vierteljahrhundert, 1908 bis 1932.

²⁷² *Arning E.* Das „Bielefelder Abkommen“ vom 24. März 1920 als Beitrag zur Beendigung des Ruhraufstandes // 63. Jahresbericht des Historischen Vereins für die Grafschaft Ravensberg. Bielefeld, 1964. S. 38.

20 марта потребовали отправить в отставку Л. фон Эшторфа, А. Виннига, М. фон Брюннека, регирунгспрезидента М. фон Брауна и всех ландратов, поддержавших путч. Аналогичное требование звучало и со стороны городского собрания Тильзита²⁷³.

Историк Г.-А. Винклер писал, что в ходе кадровых перестановок были созданы предпосылки для превращения Пруссии в «бастيون» немецкой демократии²⁷⁴. Более детальное исследование хода событий на примере Восточной Пруссии позволяет дать более умеренную оценку проведенной после путча демократизации. На высшем уровне провинциальной бюрократии действительно произошли громкие перестановки: 22 марта обер-президент А. Винниг подал прошение об отставке, одновременно с этим он был исключен из СДПГ²⁷⁵. Также должность старшего советника обер-президиума покинул Карл фон Хассель. Временно исполняющим обязанности обер-президента 14 апреля был назначен Э. Зир. Впоследствии он вспоминал о той атмосфере, которая царила в обер-президиуме в момент его прихода: учреждение по своему составу и управленческому стилю практически не отличалось от того, что было до войны и революции, все чиновники отличались реакционно-консервативными взглядами. Несмотря на формальную смену политического режима, кадровое ядро ведомства составляли представители «старой школы» прусского чиновничества²⁷⁶.

Должность рейхскомиссара и государственного комиссара Восточной и Западной Пруссии 31 марта занял кёнигсбергский социал-демократ А. Боровски²⁷⁷. Таким образом, занимаемые А. Виннигом должности теперь были разделены между двумя чиновниками²⁷⁸. Рейхспрезидент Ф. Эберт в

²⁷³ Die Lage in Königsberg. Forderungen der Mehrheitssozialisten // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 20. März (Abendausgabe). S. 5; Ein Tilsiter Stadtverordneten-Beschluß // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 20. März (Abendausgabe). S. 8.

²⁷⁴ Винклер Г.-А. Указ. соч. С. 154.

²⁷⁵ Hertz-Eichenrode D. Op. cit. S. 58; Winnigs Parteiverrat // Volkswacht. 1920. 30. März. S. 3.

²⁷⁶ Siehr E.L. Erinnerungen. Bl. 34–35.

²⁷⁷ BArch. R 1501/20108. Bl. 14.

²⁷⁸ О конфликте между Боровски и Зиром см: Шиндо Р. Расширение компетенции обер-президента провинции Восточная Пруссия в период Веймарской республики //

распоряжении о назначении А. Боровски поставил ему следующие задачи: во-первых, выяснить, кто из военных или гражданских вследствие событий путча должен быть срочно заключен в тюрьму или, напротив, освобожден из-под стражи, во-вторых, назвать имена тех, кто должен быть отстранен от службы из-за своего участия в путче. В распоряжении Эберта было также указано, что все гражданские и военные чиновники провинции должны оказывать содействие расследованию рейхскомиссара²⁷⁹. Боровски создал и возглавил специальную комиссию по расследованию событий Капповского путча в Восточной Пруссии. В нее вошли местные политики, представлявшие партии Веймарской коалиции²⁸⁰.

Несмотря на требование рейхспрезидента о содействии расследованию, деятельность комиссии А. Боровски на местах саботировалась. Профессиональные объединения, провинциальные чиновники и военные уклонялись от сотрудничества с рейхскомиссаром: отказывались давать показания, уничтожали или не выдавали документы. Третьего июля 1920 г. А. Боровски направил итоговый отчет о проделанной работе рейхспрезиденту Ф. Эберту, в котором признался, что расследование проводилось медленно, во многих случаях дела не удавалось возбудить из-за отсутствия каких-либо надежных документальных доказательств и что в этих обстоятельствах он «был приговорен к роли обычного статиста». Он также отмечал, что первоначальное одобрение его назначения со стороны лояльной конституции части населения сменилось разочарованием и ослаблением доверия к правительству рейха²⁸¹.

К отчету прилагались именные списки чиновников и представителей рейхсвера, «против которых начато или предвидится следствие из-за

Калининградские архивы. Калининград, 2008. Вып. 8. С. 107.

²⁷⁹ BArch. R 1501/20108. Bl. 14. Vollmacht für Albert Borowski als Reichskommissar in Ostpreußen, gez. Ebert (Reichspräsident), Müller (Reichskanzler), Geßler (Reichswehrminister), Berlin, 31.3.1920.

²⁸⁰ BArch. R 43-I/1848. Bl. 184–185. Tätigkeitsbericht des Reichs- u. Staatskommissars für Ostpreussen für die Zeit vom 1. April bis 30. Juni 1920. 3.7.1920.

²⁸¹ Ibid. Bl. 193.

поддержки государственного переворота»²⁸². В них было включено 88 человек. Существенную часть списка составили местные чиновники (35 человек, из них 17 — ландраты), лесничие, а также директора учебных заведений, учителя, священники. Подозреваемые в причастности к путчу были выходцами из разных мест, в том числе по семь человек из Кёнигсберга и Гумбиннена, шестеро из Шталлупёнена, пятеро из Тильзита и т. д.

Судьбы высшего и среднего звеньев провинциальной бюрократии (регирунгспрезидентов и ландратов), поддержавших путч, заслуживают особого внимания. В Восточной Пруссии в то время на три правительственных округа было два регирунгспрезидента. Возглавлявший Кёнигсбергский и Алленштайнский округа Маттиас фон Оппен сохранил лояльность, а руководитель Гумбинненского округа М. фон Браун из-за публичной поддержки Каппа в ведомственной газете «Гумбиннер Крайсблатт» был отстранен от должности после путча²⁸³.

Для понимания изменений в корпусе восточнопрусских ландратов важно дать их общую характеристику. На март 1920 г. ландраты, отвечавшие за исполнение решений прусского правительства на местах, были преимущественно выходцами из дворянских родов. Это были чиновники среднего возраста (среднее значение — 43 года), в основном беспартийные. Двадцать из сорока заняли свой пост уже после Ноябрьской революции. Обвинения в причастности к путчу, выдвигавшиеся против части ландратов, касались главным образом символических и декларативных действий — публикации заявления о поддержке путча, вывешивания черно-бело-красного флага или объявления о формировании отрядов гражданской обороны²⁸⁴. В историографии встречаются разные мнения относительно того, сколько ландратов потеряли свой пост после Капповского путча. Французский историк Ф. Фербёф пишет, что от своих обязанностей были освобождены «все

²⁸² Ibid. Bl. 194–196.

²⁸³ [Herr Regierungspräsident...] // Extra-Blatt zu № 11 des „Gumbinner Kreisblatts“. 1920. 15. März.; Hertz-Eichenrode D. Op. cit. S. 62.

²⁸⁴ Groeben K., von der. Op. cit. S. 129.

ландраты, кроме четырех», то есть 36²⁸⁵. Клаус фон Грёбен приводит сведения о двенадцати ландратах²⁸⁶. Более внимательное рассмотрение источников позволяет скорректировать данные: после путча своих должностей лишились 14 чиновников: были отстранены 11 ландратов Гумбинненского округа, за ними последовали трое из Кёнигсбергского округа²⁸⁷.

Во-первых, приведенные данные позволяют обозначить особое положение Гумбинненского округа: он оказался единственным, в котором регирунгспрезидент и ландраты, ориентировавшиеся на позицию начальства, в полном составе поддержали Каппа²⁸⁸.

Во-вторых, примечательно, что большая часть гумбинненских ландратов (10 из 11 отстраненных) заняла свои посты после ноября 1918 г., то есть они были назначены уже новым правительством Пруссии. Этот факт отражает характер кадровой политики прусских властей в первый год после Ноябрьской революции: правительство ради сохранения стабильности не проводило массовых отставок в корпусе ландратов, а на освобождавшиеся должности назначало преимущественно представителей старого чиновничества²⁸⁹.

В-третьих, в Алленштайнском правительственном округе ни один ландрат не потерял свою должность, хотя по своим взглядам они мало чем отличались от коллег из Гумбиннена: многие были выходцами из дворянской аристократии, по крайней мере, трое состояли в Немецкой национальной народной партии. Подобная «аномалия» была обусловлена как нежеланием дестабилизировать обстановку накануне плебисцита, так и институциональными ограничениями: в районах проведения плебисцита в

²⁸⁵ *Ferrebeuf F.* Le district de Königsberg en Prusse-Orientale. Strasbourg, 2023. P. 436–437.

²⁸⁶ *Groebe K., von der.* Op. cit. S. 127.

²⁸⁷ В Кёнигсбергском правительственном округе потеряли свои должности следующие ландраты: Генрих фон Билер (Браунсберг), Отто Константин (Лабиау), Фридрих фон Каниц (Морунген). В Гумбинненском правительственном округе лишились должностей: Ойген Симон (Гумбиннен), Генрих Шуман (Инстербург), Герман Цвикер (возглавлял два района: Тильзит и Рагнит), Александер фон Мартиус (Даркемен), Курт Вихерт (Ангербург), Фритц Шульц фон Ашераден (Шталлупёнен), Рудольф Круль (Хайнрихсвальде), Герберт Роде (Гольдап), Герман Браун (Пилькаллен), Пауль Вальзер (Олецко).

²⁸⁸ *Groebe K., von der.* Op. cit. S. 124.

²⁸⁹ *Ibid.* S. 126.

Восточной и Западной Пруссии кадровые перестановки были фактически невозможны, поскольку все чиновники на этот период переподчинялись Международной контрольной комиссии²⁹⁰.

Один из самых ярких примеров влияния плебисцита на кадровую политику произошел в апреле 1920 г., когда МВД рейха вознамерилось «в свете последних событий» принять присягу у полиции в Восточной и Западной Пруссии. Против этого выступили представители Международной контрольной комиссии, указав на то, что «все чиновники и полицейские» подчиняются ей²⁹¹. Германский уполномоченный по плебисциту в Мариенвердере предложил скорректировать слова присяги, чтобы полицейские и чиновники присягали не германскому правительству, а Международной комиссии²⁹².

Подводя итог под перестановками на среднем уровне чиновничества, важно подчеркнуть, что не все ландраты, обвиненные Боровски в поддержке путчистов, были отстранены от должности: шестерым удалось сохранить должности благодаря грамотной юридической защите и хорошо организованной общественной поддержке в их районах.

Если не считать увольнения фон Эшторфа, не подверглось кадровым изменениям и военное руководство 1-го корпусного округа. Должность командующего округом занял генерал Йоханнес фон Дассель. Из-за этого в мае — июне 1920 г. в провинции распространялись слухи о возможном реванше военных. Боровски в одном из правительственных отчетов отмечал, что каждый день опасался нового правого путча и указывал на то, что командование округа специально распределяет уволенных солдат по поместьям, где они вливаются в ряды отрядов самообороны и имеют в своем распоряжении скрытые в поместьях обширные арсеналы²⁹³. Естественно,

²⁹⁰ РГВА. Ф. 1503к. Оп. 1. Д. 3. Л. 8. Abschrift eines Erlasses der Commission Interalliée de Gouvernement et de Plébiscite de Marienwerder, 13.4.1920.

²⁹¹ Там же.

²⁹² Там же. Л. 10об. Der Deutsche Bevollmächtigte für den Abstimmungsbezirk Marienwerder an den Reichsminister des Innern, Marienwerder, 24.4.1920.

²⁹³ BArch. R 43-I/2305. Bl. 102–106. Lagebericht des Staatskommissars für öffentliche Ordnung

местное военное командование отрицало существование каких-либо антигосударственных планов²⁹⁴.

На провинциальном съезде СДПГ Боровски заявил, что «чистки в рядах военного командования вызывают особые сложности, поскольку там и сидят главные реакционеры»²⁹⁵. Это мнение разделял и полицай-президент Кёнигсберга Й. Люббринг (СДПГ). В июне 1920 г. он писал прусскому министру внутренних дел, что «рейхсвер вызывает серьезное недоверие у лояльного конституции населения, особенно у рабочих»²⁹⁶. Когда в июле 1920 г. в связи с приближением фронта Советско-польской войны к границам Германии власти задумались о введении в провинции военного положения, Люббринг выражал перед рейхсканцелярией серьезную озабоченность, так как тогда власть оказалась бы в руках «капписта генерала Дасселя»²⁹⁷.

Анализ хода путча и его политических последствий позволяет сделать несколько важных наблюдений. Во-первых, как было показано выше, Капповский путч не был причиной острого кризиса в отношениях между Кёнигсбергом и Берлином, он лишь актуализировал и ускорил те тенденции, которые существовали уже в предыдущие месяцы. Помещение событий 13–17 марта в Восточной Пруссии в более широкий контекст показало, что путч был частью постепенно назревавшего конфликта между политическими элитами Кёнигсберга и Берлина. Представители провинции, в частности А. Винниг, были не удовлетворены восточнопрусской политикой центральных властей и, вероятно, даже были задеты пренебрежительным отношением со стороны министров и канцлера в ходе Восточнопрусской конференции. Провинциальные деятели, не испытывавшие симпатий к Каппу, в условиях информационного вакуума увидели в путче надежду на установление новых

vom 5.6.1920.

²⁹⁴ Das Wehrkreiskommando gegen Militärputsch-Gerüchte in Ostpreußen // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 30. April. S. 1.

²⁹⁵ BArch. R 43-I/1848. Bl. 188. Tätigkeitsbericht des Reichs- u. Staatskommissars für Ostpreussen für die Zeit vom 1. April bis 30. Juni 1920. 3.7.1920.

²⁹⁶ Ibid. Bl. 156. Der Polizeipräsident von Königsberg an den preußischen Minister des Innern, Königsberg, 11.6.1920.

²⁹⁷ Ibid. Bl. 227. Telegramm des Polizeipräsidenten von Königsberg, Königsberg, 23.7.1920.

отношений между центром и периферией, тем более что члены нового правительства, хотя и не были близкими друзьями восточнопрусских деятелей, все же были им «классово близки».

Во-вторых, можно предположить, что путч имел парадоксальные последствия для отношений между Кёнигсбергом и Берлином. Вместо того, чтобы подтвердить представления о провинции как о реальном очаге антиправительственного выступления, путч выявил расхождения между представлениями берлинских чиновников о Восточной Пруссии как о консервативной «Вандее» и реальным ходом путча в провинции. В Кёнигсберге и других городах в ходе «пяти мартовских дней» не наблюдалось массовой путчистов среди населения.

В-третьих, на взаимоотношения центра и провинции повлияла начавшаяся после путча демократизация бюрократического аппарата. Правительство Пруссии назначило на пост обер-президента искреннего демократа и сторонника республики Э. Зира. Однако на нижнем уровне бюрократии, прежде всего на уровне ландратов, итоги демократизации выглядели более сомнительными. Комиссия Боровски не смогла во многих случаях привести неопровержимые доказательства виновности чиновников, подозреваемых в поддержке путча, сторонники Каппа не понесли сурового наказания, часто они тихо покидали свою должность и впоследствии строили успешные политические карьеры. Столь же ограниченный характер носили и чистки в военном руководстве. Существенную роль сыграл и внешнеполитический фактор — предстоящий Варминьско-Мазурский плебисцит, из-за которого правительство не могло осуществлять кадровые перестановки Алленштайнском правительственном округе.

1.4. Кёнигсберг и Берлин:

поиски формулы бюрократического взаимодействия

Первая мировая война привела к изменению характера взаимоотношений между центральными органами власти и Восточной

Пруссией. Провинциальные чиновники во время войны столкнулись с непростой ситуацией. При отсутствии четких указаний из Берлина им приходилось иметь дело со сложными и нестандартными процессами: эвакуацией населения из приграничных районов, размещением беженцев, восстановлением разрушенных населенных пунктов. С другой стороны, война способствовала изменению образа провинции в массовом сознании немцев: раньше Восточная Пруссия считалась отсталой восточной периферией, но события августа 1914 г. придали ей особое символическое значение. Победа германских войск в битве при Танненберге в 1914 г. превратила провинцию в символ стойкости и преданности рейху, в «форпост Германии на Востоке»²⁹⁸. По всей Германии последовали акции солидарности с провинцией, проходили сборы средств на восстановление разрушенных восточнопрусских населенных пунктов²⁹⁹.

После заключения в марте 1918 г. Брест-Литовского мира провинция стала играть все более важную роль во внешнеполитической стратегии Германии на Востоке. Теперь она рассматривалась германским политическим и военным руководством как важное связующее звено между метрополией и обширными территориями в Юго-Восточной Прибалтике и Восточной Европе, на которые Германия стремилась распространить свое политическое и экономическое влияние³⁰⁰. Однако в том же году эта новая роль была утрачена: революция и подписание Версальского мирного договора привели к кардинальному изменению сложившегося в марте — ноябре положения — провинция оказалась на периферии внимания новых республиканских властей.

²⁹⁸ См. подробнее по этой теме: *Traba R.* Ostpreußen — die Konstruktion einer deutschen Provinz. Eine Studie zur regionalen und nationalen Identität 1914–1933. Osnabrück, 2010. S. 42–43, 367–373; *Borm A.* Op. cit. S. 58–62; *Kossert A.* Op. cit. S. 209–211.

²⁹⁹ *Traba R.* Op. cit. S. 42–43.

³⁰⁰ *Hertz-Eichenrode D.* Op. cit. S. 3. Одним из самых масштабных проектов, направленных на расширение влияния в регионе через Восточную Пруссию, был разработанный в сентябре 1918 г. проект расширения провинциальных водных путей на Литву, Украину и Польшу. См. подробнее: *Contag M., Simon F.* Königsbergs Großschiffahrtswege nach Litauen, der Ukraine und Polen. Königsberg, 1918.

Тем более в прошлое ушли и связанные с провинцией внешнеполитические проекты в Восточной Европе и в Юго-Восточной Прибалтике.

В первые послевоенные годы восточнопрусские политические и экономические элиты стали искать новые способы взаимодействия с правительством рейха и Пруссии. Разные провинциальные политические и экономические игроки стремились обеспечить провинции особый статус, учитывающий ее непростое положение. Поиски новой формулы взаимодействия осложнялись внутривнутриполитической нестабильностью, неясностью будущих границ, наличием германо-прусского дуализма, противоречиями и конфликтами между различными группами внутри восточнопрусского истеблишмента.

Как было показано во втором параграфе, радикальные проекты по разделу Пруссии и проект «Восточного государства» не получили поддержку со стороны истеблишмента. Другим шагом обер-президента А. Батоцки к увеличению самостоятельности провинции стало введение в январе 1919 г. должности имперского и государственного комиссара Восточной и Западной Пруссии и оккупированных районов бывшей Российской империи³⁰¹. Первоначально, во время Первой мировой войны, институт рейхскомиссаров создавался для решения вопросов экономического характера (например, была введена должность рейхскомиссара по распределению угля) или для управления оккупированными территориями³⁰². Инициатором назначения Виннига был А. Батоцки³⁰³, его предложение — для более эффективного «противодействия большевистской России» на Востоке — поддержал и глава

³⁰¹ В оригинале должность Виннига называлась „Reichs- und Staatskommissar für Ost- und Westpreußen und die besetzten ehemals russischen Gebiete“, что переводится как «имперский и государственный комиссар в Восточной и Западной Пруссии и оккупированных районах бывшей Российской империи». В тексте диссертации чаще используется более короткая формулировка, принятая как в немецкой, так и в российской историографии — рейхскомиссар.

³⁰² О конфликте, связанном с комиссариатами на оккупированных территориях во время Первой мировой войны см. подробнее: *Ланник Л.В.* Брестская система... С. 311.

³⁰³ PAAA. RZ 201/21629. Bl. 27–28. Telegramm des Oberpräsidenten von Ostpreußen an den Volksbeauftragten Ebert, Königsberg, 18.1.1919.

внешней политики У. фон Брокдорф-Ранцау³⁰⁴. Восемнадцатого января Батоцки телеграфировал Эберту, что во время пребывания Виннига в Кёнигсберге ознакомил его с предложением и получил от того согласие³⁰⁵.

Проект распоряжения об учреждении должности отложился в актах МИД, автор документа неизвестен, однако характер рукописных правок указывает на то, что документ был составлен в Берлине, а не в Кёнигсберге³⁰⁶. Согласно источнику, уполномоченный должен был действовать по указаниям правительства рейха, а при невозможности оперативно согласовать действия — по собственному усмотрению. Ему предписывалось принимать все необходимые меры для подавления движений, направленных против республики, защищать границы, для поддержания мира вести переговоры от имени рейха с правительствами соседних областей, а в случае неизбежности военных действий обеспечить объединение всех сил обеих провинций для обороны. Гражданские органы власти должны были подчиняться Виннигу, а военные — действовать по согласованию с ним, следуя указаниям правительства рейха³⁰⁷.

Примечательно, что в сопроводительной записке был поставлен вопрос о контроле со стороны советов: отмечалось, что, пока советы существуют, контроль над действиями чиновника надлежало бы осуществлять провинциальному совету рабочих и солдатских депутатов Восточной Пруссии

³⁰⁴ Der Staatssekretär des Auswärtigen Amts Graf von Brockdorff-Rantzau an das preußische Staatsministerium (23. Januar 1919) // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. I. Göttingen, 1982. S. 209–210.

³⁰⁵ В случае возникновения сложностей с включением Западной Пруссии в сферу компетенций рейхскомиссара Батоцки предлагал ограничиться Восточной Пруссией, см.: BArch. R 43-I/1844. Bl. 3. Telegramm aus Königsberg, Pr. Den 18. Januar 1919 an Volksbeauftragten Ebert, Berlin.

³⁰⁶ PAAA. RZ 201/21629. Bl. 29. Entwurf einer Verordnung über die Schaffung des Amtes eines Reichsbeauftragten für die Provinzen Ost- und Westpreußen, o. D. [Januar 1919].

³⁰⁷ При этом примечательно, что статс-секретарь не знал, как в точности называется предполагаемое для Виннига ведомство: в одном документе он называет его правительственным комиссаром, а в другом пишет, что Винниг должен возглавить «Центральное бюро по борьбе с большевизмом на востоке» („Zentralstelle gegen den Bolschewismus im Osten“). См.: BArch. R 43-I/1844. Bl. 4. Auswärtiges Amt an den Regierungskommissar Winnig, Berlin, 21.1.1919; Ibid. Bl. 5. Auswärtiges Amt an Winnig und Oberpräsident von Batocki, 21.1.1919.

с участием делегатов западнопрусского совета, однако в текст распоряжения это вносить не следует, достаточно соответствующим образом проинструктировать самого уполномоченного³⁰⁸.

Само назначение было произведено, однако, еще до утверждения распоряжения. Двадцать первого января 1919 г. статс-секретарь МИД У. Брокдорф-Ранцау известил Виннига о том, что тот назначен, и просил его «действовать по согласованию с соответствующими обер-президиумами»³⁰⁹. В тот же день о назначении было уведомлено правительство Пруссии, которое согласилось на назначение 24 января.

Этот эпизод свидетельствует о том, что у центральных властей первоначально явно отсутствовало четкое представление о статусе, полномочиях и даже наименовании должности Виннига. Так, относительно последнего в официальных документах встречаются различные формулировки («рейхскомиссар», «правительственный комиссар», «уполномоченный рейха»), а само распоряжение о полномочиях Виннига было подписано министром-президентом Пруссии лишь в апреле 1919 г.³¹⁰ До этого рейхскомиссар даже несколько раз угрожал подать в отставку из-за отсутствия четко прописанных полномочий³¹¹.

Характеризуя усилия Батоцки, направленные на установление прямого контакта с федеральными ведомствами в обход Пруссии, можно отметить, что они оказались безуспешными: в этот период власти на уровне рейха редко обращали внимание на Восточную Пруссию. У первого президента Веймарской республики Фридриха Эберта, видимо, отсутствовало четко сформулированное мнение относительно дальнейшей судьбы этой провинции, внимание рейхспрезидента к самой восточной провинции было

³⁰⁸ PAAA. RZ 201/21629. Bl. 30. Entwurf einer Verordnung über die Schaffung des Amtes eines Reichsbeauftragten für die Provinzen Ost- und Westpreußen, o. D. [Januar 1919]. При этом в «преамбуле» документа осталась формулировка о согласовании назначения с советами.

³⁰⁹ BArch. R 43-I/1844. Bl. 4. Auswärtiges Amt an den Regierungskommissar Winnig, Berlin, 21.1.1919.

³¹⁰ PAAA. RZ 201/22015. Bl. 88. Vollmacht für Reichs- und Preußischen Staatskommissar Herrn Winnig Königsberg i. Pr., 15.4.1919.

³¹¹ *Schumacher R. Op. cit. S. 55.*

эпизодическим. Роль посредника, курировавшего в том числе восточнопрусский вопрос, в конце 1918 — первой половине 1919 г. исполнял референт МИД и шеф президентского бюро Рудольф Надольны, родившийся в Восточной Пруссии — на Мазурах³¹². Конкретные задачи, связанные с региональной политикой, решал рейхсканцлер. Но в период канцлерства Ф. Шейдемана — с февраля по июнь 1919 г. — восточнопрусские проблемы разбирались только на трех заседаниях правительства (хотя заседания проходили как минимум несколько раз в неделю)³¹³.

После провала реализации идеи «Восточного государства» и подписания Версальского мирного договора в конце июня 1919 г. А. Батоцки подал в отставку. Его преемником на этой должности стал А. Винниг. До марта 1920 г. он совмещал должности рейхскомиссара и обер-президента. Винниг отличался от предшественника тем, что мыслил масштабнее и не фокусировался на провинциальных делах. Рейхскомиссара первоначально волновало главным образом сохранение германского влияния в Прибалтике. Именно в рамках этой задачи необходимо было стабилизировать политическую и экономическую обстановку в Восточной Пруссии в январе — марте 1919 г. После назначения на должность обер-президента Винниг занялся и провинциальными делами. По его собственным воспоминаниям, постижение всех бюрократических правил первое время давалось ему с трудом³¹⁴.

Важно отметить, что Винниг имел особое положение в рамках сложно устроенного треугольника бюрократических институтов разного уровня: Восточная Пруссия — Пруссия — рейх. С одной стороны, он был близко знаком с Батоцки и поддерживал с ним связь даже после отставки³¹⁵. Это обеспечило ему поддержку внутри провинции со стороны консервативных

³¹² Сам Надольны в мемуарах писал, что в этот период «его сердце волновали прежде всего вопросы, связанные с востоком Германии». См.: Nadolny R. *Op. cit.* S. 129.

³¹³ Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. Das Kabinett Scheidemann. См. документы: 42, 52b, 72.

³¹⁴ Winnig A. Heimkehr. S. 231.

³¹⁵ Важно указать, что Батоцки сам указал на Виннига как на своего преемника на должности. См. подробнее: Winnig A. Heimkehr. S. 242–243.

политических кругов. С другой стороны, Винниг был членом СДПГ, что открывало ему возможности для выстраивания диалога и с прореспуббликански настроенными силами. Помимо этого, благодаря обширному опыту работы с профсоюзами и службе в Прибалтике, Винниг имел обширные связи среди политической и военной элиты, что позволяло продвигать интересы провинции как на уровне Пруссии, так и всего рейха.

Однако в этот период механизм продвижения интересов не был институционализирован. При канцлере Г. Бауэре восточнопруссские проблемы становились частью повестки заседаний правительства четыре раза (заседания также проходили несколько раз в неделю). На первых порах бóльшую роль играли личные связи Виннига и кулуарные переговоры. Совмещение должностей обер-президента и рейхскомиссара порождало серьезные проблемы, связанные с разграничением компетенций. Распоряжение Эберта очерчивало полномочия рейхскомиссара лишь приблизительно, и Винниг, опираясь на предоставленную ему фактически свободу действий, проводил самостоятельную линию, нередко вступая в конфликт с правительством Пруссии³¹⁶. Так, летом — осенью 1919 г. разразился конфликт между Виннигом и экономическими и продовольственными инстанциями рейха и Пруссии. В конце июля — начале августа Винниг, пытаясь воспрепятствовать оттоку продовольствия из провинции, ввел запрет на вывоз из провинции зерна, муки, бобовых, рыбы и других продуктов³¹⁷. По оценке историка Э. Аймерса, эта «восточнопрусская акция» могла привести к серьезным экономическим проблемам на уровне всей страны³¹⁸. Министерство продовольствия рейха отреагировало жестко, пригрозив отставкой руководящих чиновников³¹⁹. Даже прусский министр внутренних дел В. Гейне,

³¹⁶ Этот случай не был исключительно восточнопруссским. Институт рейхскомиссаров в других восточных провинциях порождал подобные конфликты, см., например, случай силезского рейхскомиссара О. Хёрзинга: *Кретинин С.В.* Сопротивление политике демократизации Веймарской республики в Пруссии в 1918–1921 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 3 (27). С. 343.

³¹⁷ *Eimers E.* Op. cit. S. 184.

³¹⁸ Ibid.

³¹⁹ Ibid.

обыкновенно поддерживавший Виннига, считал его требования экономической автономии Восточной Пруссии неосуществимыми и пытался отговорить его от их выдвижения³²⁰.

В целом, растущее сопротивление экономической политике Берлина воспринималось в центральных инстанциях с большим недоверием. Следует сказать, что и провинциальные представители с недоверием смотрели на чиновников из центральных ведомств. Вильгельм фон Гайль вспоминал, что «хотя в берлинских министерствах еще и сидели знающие специалисты, зараженное парламентаризмом руководство при каждом шаге учитывало прежде всего партийные интересы»³²¹. Отсутствие внимания к проблемам Восточной Пруссии Гайль объяснял двумя причинами. Во-первых, влиятельные члены правительства не имели достаточных знаний о восточных регионах страны и основывались на стереотипах о Восточной Пруссии как земле «латифундистов» и «агариив»³²². Во-вторых, малонаселенная провинция не могла существенно повлиять на исход тех или иных выборов и именно поэтому, по мнению Гайля, находилась на периферии внимания берлинских чиновников из «массовых партий»³²³. Первый тезис Гайля подтверждается, если проанализировать биографии членов Совета народных уполномоченных и правительств рейха в 1918–1923 гг. Из 56 правительственных чиновников лишь шестеро родились в восточных провинциях Пруссии, в Восточной Пруссии — только трое³²⁴.

³²⁰ *Shindo R.* Op. cit. S. 82–83; *Hertz-Eichenrode D.* Op. cit. S. 24.

³²¹ BArch. N 1031/2. Bl. 355–356. Wilhelm Freiherr von Gayl. Mit Schwert und Feder! Erinnerungen an Front – und Verwaltungsdienst in den Jahren 1914 / 1919.

³²² Ibid. Bl. 356.

³²³ Ibid.

³²⁴ Проанализированы составы Совета народных уполномоченных и правительств Веймарской республики (от первого кабинета Филиппа Шейдемана до второго кабинета Густава Штресемана). В восточных провинциях родились: Гуго Гаазе (Восточная Пруссия), Отто Ландсберг (Верхняя Силезия), Ойген Шиффер (Силезия), Георг Готхайн (Силезия), Густав Бауэр (Восточная Пруссия), Герхард фон Каниц (Восточная Пруссия). Для сравнения: из Рейнской области и Пфальца происходило 10 членов правительства (Йоганнес Белль, Йоганнес Гизбертс, Эдуард Давид, Вильгельм Майер, Андреас Гермес, Вальтер Симонс, Генрих Браунс, Йоганнес Фукс, Карл Яррес, Вильгельм Маркс).

Члены правительства рейха и Пруссии, в свою очередь, тоже не доверяли представителям провинции. Так, Густав Бауэр опасался союза Виннига с консервативными аграриями, а Отто Браун считал, что стремление Виннига увеличить полномочия рейхскомиссара — это «реликт провалившихся автономистских устремлений Батоцки»³²⁵. Обе центральные инстанции — и правительство рейха, и правительство Пруссии — не хотели создавать прецедент: особых условий могли потребовать и другие провинции, что вело бы к подрыву экономического единства страны. Вовлеченные в обсуждение этого вопроса ведомства настаивали, что особое экономическое положение Восточной Пруссии приведет к «немедленному краху всего продовольственного хозяйства страны в течение нескольких недель»³²⁶. Помимо этого, по мнению представителей центра, изменение продовольственного режима в провинции немедленно вызвало бы такие же требования в Силезии и Шлезвиг-Гольштейне. Примечательно, что в этот период Померания, Силезия и Бранденбург уже заявили притязания на положение, аналогичное восточнопрусскому, схожие требования имелись и в Рейнской области. Рейхсминистр по делам продовольствия Шмидт прямо потребовал от Виннига согласиться с правительственной политикой и «неуклонно проводить ее через все подведомственные ему инстанции»³²⁷.

Однако Винниг продолжал настаивать на особом положении. После вступления в силу Версальского мирного договора 10 января 1920 г. обер-президент обратился к правительству рейха, настаивая на передаче «провинциальной инстанции» (обер-президенту или рейхскомиссару) расширенных полномочий для самостоятельных действий в экономической сфере. Берлин это отклонил: и комиссар по народному продовольствию, и министерство экономики рейха возражали со ссылкой на единство экономической политики, а попытки восточнопруссских аграриев

³²⁵ *Shindo R.* Op. cit. S. 91.

³²⁶ *Eimers E.* Op. cit. S. 185.

³²⁷ *Ibid.*

воспрепятствовать вывозу зерна в западногерманские города лишь укрепили в берлинских хозяйственных ведомствах неприятие восточнопрусских автономистских устремлений. Винниг и представители провинциальной элиты продолжали настаивать на особом статусе и саботировали хлебные поставки. В этот период ни одна провинция не нарушала нормы обязательной сдачи продовольственного зерна так, как Восточная Пруссия³²⁸.

Эта ситуация послужила непосредственным толчком к первой попытке институционализации взаимодействия между провинцией и центральными властями. С 9 по 11 марта 1920 г. в Берлине проходила первая Восточнопруская конференция — переговоры в широком составе между представителями прусского и германского правительств и представителями Восточной Пруссии. Со стороны рейха и Пруссии на конференции присутствовали рейхсканцлер Г. Бауэр, министр-президент Пруссии П. Хирш и руководители ряда министерств и ведомств (от ведомств рейха — 21, от прусских — 23). Со стороны Восточной Пруссии Виннигу удалось собрать широкое представительство (28 человек) из ведущих провинциальных чиновников (М. Брюннек, Г. Ломайер, В. Гайль), членов руководства экономических объединений (Сельскохозяйственной и Торгово-промышленной палат), а также депутатов Национального собрания от Восточной Пруссии³²⁹.

В первый день конференции представители провинции изложили основные требования. Во-первых, они надеялись законодательно оформить совмещение должностей рейхскомиссара и обер-президента и обеспечить подчинение этому руководителю всех провинциальных чиновников, независимо от их статуса. Фактически эти две должности уже совмещал А. Винниг³³⁰. Среди других требований фигурировало предоставление провинции особого правового и экономического статуса, усиление охраны

³²⁸ Eimers E. Op. cit. S. 186.

³²⁹ BArch. R 601/601. Bl. 17–18. Anwesenheitsliste am 9. März 1920. Besprechung über Ostpreußen im Ministerium des Innern.

³³⁰ Groeben K., von der. Op. cit. S. 243.

границы³³¹. Провинциальные деятели также настаивали на создании специального Восточнопрусского представительства в Берлине и на обязательном участии уполномоченного от провинции в обсуждении восточнопрусских вопросов в Министерстве иностранных дел. В феврале 1920 г. вопрос об участии Восточной Пруссии в переговорах с другими странами особенно обострился из-за того, что представителей провинции не пригласили в Варшаву на переговоры по организации железнодорожного транзита через «польский коридор»³³².

В целом можно отметить, что выдвинутые требования отражали общую позицию делегации, состоявшей из представителей различных политических сил Восточной Пруссии. В частности, эти требования публично поддерживали провинциальное правление СДПГ и представители НДП³³³. Вопрос о создании представительства не вызвал особого сопротивления со стороны центральных властей³³⁴, хотя чиновники как Пруссии, так и рейха обычно негативно реагировали на инициативы по созданию новых органов. Возможно, благожелательная реакция была связана с намерением учредить Восточнопрусское представительство в качестве одного из подразделений МВД.

Другая ситуация сложилась во время обсуждения возможности совмещения должностей рейхскомиссара и обер-президента и расширения полномочий Виннига. Особенно решительно против этого высказались двое уроженцев Восточной Пруссии — Г. Бауэр и О. Браун. Первый предположил, что эта идея возникла в аграрных кругах, и заявил: «Виннигу нельзя давать чрезвычайные полномочия». О. Браун указал, что наделенного такими полномочиями рейхскомиссара можно будет считать «губернатором», а вся эта

³³¹ *Shindo R.* Op. cit. S. 90.

³³² См. подробнее об этом сюжете в разделе 3.1 настоящей диссертации.

³³³ *Groeben K., von der.* Op. cit. S. 243; *Ostpreußens Verfassung // Königsberger Hartungsche Zeitung.* 11. März. 1920. S. 1.

³³⁴ BArch. R 601/601. Bl. 16. Niederschrift über die Verhandlung der Ostpreußenkonferenz vom 9. März 1920 im Festsaal des Ministeriums des Innern.

затя является следствием неудачных автономистских планов А. Батоцки³³⁵. В итоге стороны сошлись на том, что этот вопрос требует дальнейшего обсуждения, а пока что необходимо без радикальных изменений в структуре управления выстроить более тесное взаимодействие между рейхскомиссаром и провинциальными органами Восточной Пруссии³³⁶.

Реализовывать программу А. Виннига, отстраненного после Капповского путча, предстояло уже следующему обер-президенту — Э. Зиру. Первые месяцы его деятельности протекали в неблагоприятных условиях: с одной стороны, вследствие путча было подорвано доверие между Берлином и Кёнигсбергом, с другой — произошла смена правительственных кабинетов на уровне рейха и Пруссии. В следующем июне прошли выборы в рейхстаг, что изменило общее соотношение сил. Важен и внешнеполитический аспект: на июль были назначены плебисциты в Вармии и Мазурах. В этих сложных обстоятельствах Зир попытался воплотить в жизнь договоренности, достигнутые на первой Восточнопрусской конференции.

Вероятно, осознавая, что в этих условиях сложно рассчитывать на серьезные преобразования в управлении провинции, Зир решил пойти на снижение ставок и реализовать наименее проблематичное требование, связанное с созданием Восточнопрусского представительства в Берлине. Однако и здесь возникли сложности. Во-первых, существование подобных провинциальных представительств в столице не было предусмотрено Веймарской конституцией, нарушало логику политического устройства республики и не соответствовало национальным традициям, так как в истории Германии наличие подобных институтов было прерогативой самостоятельных частей союза (королевств, земель и т. д.), но не отдельных провинций. Во-вторых, учреждение такого представительства привело бы к обострению проблемы германо-прусского дуализма: прусские ведомства были недовольны

³³⁵ *Shindo R.* Op. cit. S. 91–92.

³³⁶ BArch. R 43-I/1847. Bl. 236f. Niederschrift über die Verhandlung der Ostpreußenkonferenz vom 11. März 1920 im Ministerium des Innern.

тем, что восточнопрусский представитель мог действовать в обход их. И, в-третьих, споры возникли и внутри провинциальной политической элиты: представители консервативного лагеря не желали, чтобы интересы провинции в Берлине представлял враждебный им ставленник демократического обер-президента Э. Зира. Таким образом, локальный конфликт вокруг Восточнопрусского представительства отражал общее напряжение веймарской модели федерализма. Скрытый германо-прусский дуализм, по наблюдению О.Г. Субботина, оказывал дестабилизирующее влияние на государство. Поскольку Пруссия охватывала большую часть рейха и тяготела к модели децентрализованного унитарного государства, политика рейха во многих вопросах зависела от согласия Пруссии³³⁷.

В ходе обсуждений между представителями рейха, Пруссии и провинции было решено, что обер-президент будет предлагать кандидатуру руководителя Восточнопрусского представительства, а назначаться он будет правительством Пруссии при согласовании с правительством рейха³³⁸. Далее, однако, возникла новая проблема: министр внутренних дел рейха Эрих Кох-Везер предлагал не создавать новый орган, а организовать в рамках своего ведомства «Восточный отдел» („Ostdezernat“), который подчинялся бы одновременно МВД рейха и Пруссии³³⁹. Обер-президент Зир решительно отверг эту идею, так как он видел смысл Восточнопрусского представительства не в усилении контроля над провинцией со стороны центра, а наоборот — в информировании о проблемах провинции и лоббировании интересов ее жителей в Берлине³⁴⁰.

Понимая, что переговоры о создании представительства затягиваются, Зир решил поставить менее амбициозную задачу и предложил перед учреждением нового органа ввести должность представителя обер-президента

³³⁷ Субботин О.Г. К вопросу о государственно-территориальном устройстве... С. 219–220.

³³⁸ BArch. R 601/601. Bl. 20. Niederschrift über die Verhandlung der Ostpreußenkonferenz vom 11. März 1920 im Ministerium des Innern.

³³⁹ Shindo R. Op. cit. S. 99.

³⁴⁰ Ibid. S. 99–100.

в Берлине. В июне 1920 г. обер-бургомистр Остероде Кристиан Хербст занял должность «временного представителя обер-президента Восточной Пруссии при министерствах рейха и Пруссии и восточнопрусского поверенного»³⁴¹. Примечательно, что по этому вопросу развернулась политическая борьба, так как Э. Кох-Везер попытался назначить на эту должность своего товарища по Немецкой демократической партии и обер-бургомистра Торна Арнольда Гассе³⁴², который, в отличие от баварца Хербста, был уроженцем Восточной Пруссии. Зир, однако, отстоял своего кандидата, придавая большое значение доверительным отношениям со своим представителем.

Министр-президент Пруссии дал указания министрам на всех уровнях оказывать восточнопрусскому уполномоченному «всестороннюю поддержку» и привлекать к решению вопросов, касающихся провинции³⁴³. Однако круг полномочий представителя изначально не был четко определен, формировался постепенно и хаотично в зависимости от появления тех или иных проблем в жизни провинции. Это привело к конфликту с прусскими ведомствами, т. к. большинство вопросов, с которыми сталкивался Хербст, относилось к компетенции рейха. Таким образом, представитель, несмотря на формальное подчинение правительству Пруссии, фактически поддерживал более тесные контакты с ведомствами на уровне рейха — министерством иностранных дел, министерством внутренних дел, министерством экономики и министерством транспорта. Так, например, в конце 1920 г. представитель Восточной Пруссии участвовал в парижских переговорах по вопросам транспортного сообщения через «польский коридор».

Конфликт перешел в открытую фазу, когда Хербста, наряду с прусскими властями, начали игнорировать ведомства на уровне рейха. В мае 1921 г. обер-президент Зир выразил недовольство рейхсканцлеру и прусскому министру

³⁴¹ Sitzung der Staatsregierung am 14. Juni 1920 // Die Protokolle des Preußischen Staatsministeriums 1817–1934/38. Bd. 11/I. 14. November 1918 bis 31. März 1925. Hildesheim, 2002. S. 182.

³⁴² Shindo R. Op. cit. S. 100.

³⁴³ BArch. R 601/601. Bl. 22. Der Präsident des Staatsministeriums an sämtliche Reichs- und Staatsminister, Berlin, 26.6.1920.

внутренних дел из-за того, что, по словам Хербста, в ряде ключевых департаментов в отдельных ведомствах и не знали о существовании Восточнопрусского представительства³⁴⁴. Вследствие этого вопросы, имеющие важное значение для провинции, нередко обсуждались на межведомственных совещаниях без участия уполномоченного представителя. В связи с этим обер-президент просил ведомства на уровне рейха и Пруссии обеспечить участие представителя провинции в обсуждении всех вопросов, касавшихся Восточной Пруссии. Кроме того, он требовал обеспечить участие Хербста в заседаниях правительственных кабинетов рейха и Пруссии при обсуждении провинциальных проблем.

Министр-президент Пруссии хотя и признал необходимость выстраивания тесного взаимодействия между центральными и провинциальными органами власти, но дипломатично отказался удовлетворить просьбу обер-президента по приглашению Хербста на заседания правительства Пруссии³⁴⁵. Он подчеркнул, что приглашение провинциальных референтов на заседания подобного уровня возможно лишь в случае обсуждения «вопросов чрезвычайной важности». Министр-президент также просил рейхсканцлера направить циркулярное письмо с аналогичной позицией в ведомства на уровне рейха³⁴⁶. Министр-президент Браун пристально следил за тем, чтобы Хербст не превышал полномочия. Он резко отчитал его за участие в переговорах в Париже³⁴⁷.

Подобная позиция чиновников центрального аппарата привела к тому, что восточнопрусский представитель оказался в непростом положении. Его полномочия не были точно определены, берлинские ведомства могли его игнорировать, не опасаясь обвинений в том, что они не учитывают интересы провинции, так как у провинции был и второй представитель.

³⁴⁴ BArch. R 43-I/1850. Bl. 102. Der Oberpräsident der Provinz Ostpreußen an die Reichskanzlei durch das preußische Ministerium des Innern, Königsberg, 10.5.1921.

³⁴⁵ Ibid. Bl. 106. Der Preußische Ministerpräsident an sämtliche Staatsminister, an den Oberpräsident von Ostpreußen sowie an den Reichskanzler, Berlin, 4.6.1921.

³⁴⁶ Ibid.

³⁴⁷ Groeben K., von der. Op. cit. S. 249–250.

После ухода Виннига было разрушено и хрупкое равновесие между демократами и консерваторами в представлении интересов провинции в Берлине. В 1921 г. В. фон Гайль был избран провинциальным ландтагом на должность представителя Восточной Пруссии в рейхсрате. Это привело к возникновению дуализма в представлении интересов Восточной Пруссии в Берлине³⁴⁸. Их продолжал представлять ставленник демократического обер-президента К. Хербст (что особенно раздражало консерваторов, так как НДП не выражала интересы большей части восточнопрусского электората)³⁴⁹, но также представителем был известный своей антиреспубликанской позицией В. фон Гайль. Возникновение подобной ситуации стало возможно благодаря т. н. *clausula antiborussica* (ст. 63 Веймарской конституции): половиной «пруссских» голосов в рейхсрате распоряжались провинции, направлявшие туда представителей по своему усмотрению через провинциальные собрания. Так, мера, введенная Национальным собранием для ослабления влияния Пруссии, на практике усиливала позиции национал-консерваторов, преобладавших в местных парламентах³⁵⁰.

Представители консервативного лагеря стремились воспользоваться тем, что ведомства на уровне рейха отрицательно отреагировали на деятельность К. Хербста. М. фон Брюннек и провинциальное собрание предложили объединить Восточнопрусское представительство в руках одного человека — В. фон Гайля. Они критиковали существующее Восточнопрусское представительство как малоэффективный орган и настаивали на том, что интересы жителей провинции может представлять лишь тот чиновник, который избран органом провинциального самоуправления³⁵¹. Руководствуясь стремлением уменьшить государственные расходы, должность представителя предлагал ликвидировать и министр финансов Фридрих Земмиш, он считал,

³⁴⁸ *Shindo R.* Op. cit. S. 104.

³⁴⁹ *Groebe K., von der.* Op. cit. S. 245.

³⁵⁰ *Субботин О.Г.* Место и роль рейхсрата... С. 161–163.

³⁵¹ *Hertz-Eichenrode D.* Op. cit. S. 46–47.

что эффективнее будет сосредоточить все в руках Гайля³⁵². Комментируя эти выпады, Зир подчеркивал, что «учреждение представительства в Берлине должно обеспечить связь между провинцией, положение которой напоминает положение колонии, и остальными частями рейха и Пруссии». По мнению обер-президента, сделать это будет невозможно, если представлять интересы провинции будет единолично В. фон Гайль, поскольку внутри провинции ему противостоит оппозиция из представителей партий Веймарской коалиции, а также Гайль имеет иные взгляды на приобщение социал-демократии к государственным задачам³⁵³.

Социал-демократы критиковали Гайля в провинциальном собрании. Депутат Гердер выступил с речью, в которой обвинил Гайля в сотрудничестве с антиреспубликанским Восточнопрусским патриотическим союзом, напомнил депутатам, что именно Гайль сопровождал Пауля фон Гинденбурга во время его скандального визита в Восточную Пруссию³⁵⁴. Главным же упреком было то, что Гайль, как член рейхсрата, не поддержал Закон о защите республики³⁵⁵. К критике присоединились и представители НДП, в «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» была опубликована статья, направленная против идеи передать представительство уполномоченному в рейхсрате. Автор доказывал, что соединение двух должностей лишь породило бы новые конфликты и привело бы к смешению компетенций. Совокупное представление интересов возможно лишь через обер-президиум, в котором сходятся все нити провинциальных органов власти. Требование правых партий упразднить Восточнопрусское представительство автор статьи связал с партийной борьбой: правые не выдвинули бы его, будь обер-президент их однопартийцем³⁵⁶.

³⁵² *Shindo R.* Op. cit. S. 110.

³⁵³ *Groebe K., von der.* Op. cit. S. 246.

³⁵⁴ BAArch. N 1031/16. Bl. 4f. Kritik an v. Gayls Berufung in den Reichsrat.

³⁵⁵ Ibid. Bl. 10. Vorschläge v. Gayls zur Bildung einer amtlichen Vertretung der Provinz Ostpreußen bei der Reichs- und Staatsregierung, 1922.

³⁵⁶ Dy. Ein Sturmverlauf gegen den Ostpreußenvertreter // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1921. 28. Juni. S. 1–2.

Сам В. фон Гайль считал, что дело не в том, кому передать Восточнопрусское представительство, а в том, что существующая форма представления интересов провинции в принципе непригодна. В недатированной записке из его личного фонда он доказывал, что представительство по своей форме является лишь связующей инстанцией между обер-президентом и берлинскими ведомствами, которая «действует лишь по указанию государственных инстанций и представляет исключительно мнения должностных лиц», а потому не соответствует тем пожеланиям, которые высказывались в провинции с 1919 г. По мнению В. фон Гайля, провинции в Берлине нужен был не зависящий от ведомств чиновник, а орган, который обладал бы «доверием подавляющего большинства населения провинции, в особенности — ее экономических объединений»³⁵⁷. Гайль писал, что ему поступает множество ходатайств от отдельных провинциальных общин, Сельскохозяйственной палаты, различных союзов, интересы которых не представлены в рамках существующего механизма взаимодействия³⁵⁸.

Гайль предложил решение проблемы: Восточнопрусское представительство в Берлине должно было состоять из двух чиновников — представителя обер-президента и уполномоченного провинции в рейхсрате³⁵⁹. Руководящую роль должен был играть последний, однако при расхождении позиций между чиновниками исключались любые самостоятельные действия: уполномоченный обязывался сообщить обер-президенту о конфликте, далее оба представителя должны были выступать перед ведомствами исключительно совместно, какие-либо сепаратные действия не допускались³⁶⁰. Тем самым проект Гайля был нацелен на то, чтобы в условиях уже сложившегося дуализма не допустить открытого конфликта между двумя должностными лицами, от которого пострадала бы провинция, или хотя бы обрисовать правила борьбы.

³⁵⁷ BArch. N 1031/16. Bl. 6–7. Vorschläge v. Gayls zur Bildung einer amtlichen Vertretung der Provinz Ostpreußen bei der Reichs- und Staatsregierung, 1922.

³⁵⁸ Ibid. Bl. 8.

³⁵⁹ Ibid. Bl. 10–11.

³⁶⁰ Ibid. Bl. 12.

Руководители берлинских ведомств должны были услышать в любой ситуации два разных мнения.

Точка в споре была поставлена в начале 1922 г., когда правительство окончательно закрепило Восточнопрусское представительство за ставленником обер-президента; чтобы хотя бы внешне избежать конфликта, представительство было переименовано в «представительство обер-президента Восточной Пруссии»³⁶¹. Однако в следующем году новый министр финансов Э. фон Рихтер снова предложил ликвидировать представительство. Тогда восточнопрусские торговые палаты предложили взять на себя часть расходов на его содержание³⁶².

Если попытаться реконструировать круг занятий К. Хербста и Ф. Франкенбаха³⁶³, то можно сказать, что эти чиновники по большей части участвовали в обсуждении внешнеполитических вопросов, так или иначе связанных с Восточной Пруссией. Сам Франкенбах писал в 1925 г., что в последние годы участвовал «в ряде заседаний и переговоров по заключению договоров с восточными государствами — Россией, Польшей, Литвой и Латвией»³⁶⁴.

Примечательно, что дуализм Восточнопрусского представительства основывался не только на политическом размежевании (консерваторы — демократы), но и на экономической конкуренции. Провинциальное собрание и, соответственно, В. фон Гайль стремились продвигать интересы восточнопрусских крупных землевладельцев. Обер-президент и его представитель в Берлине делали ставку на лоббирование интересов Торгово-промышленной палаты Кёнигсберга, от которой восточнопрусский представитель даже получал часть своего содержания³⁶⁵.

Специфика восточнопрусского случая становится яснее при сопоставлении с другой периферией Веймарской республики, переживавшей

³⁶¹ *Groebe K., von der.* Op. cit. S. 247. Хотя во внутриведомственной переписке в последующие годы еще периодически фигурировало старое название.

³⁶² *Shindo R.* Op. cit. S. 110.

³⁶³ Фридрих Франкенбах возглавил представительство в Берлине в конце 1921 г.

³⁶⁴ *Ibid.* S. 112.

³⁶⁵ *Ibid.* S. 110.

в те же годы глубокий кризис — с Рейнской областью. В обоих регионах сочетание внешней угрозы с неуверенностью в дееспособности центральных властей породило проекты, связанные с изменением статуса провинций. В обоих случаях автономистское (или даже сепаратистское) движение потерпело поражение, но причины на востоке и на западе были различны. Рейнское движение во главе с обер-бургомистром Кёльна Конрадом Аденауэром, выросшее из католического антипруссского ресентимента и поддержанное партией Центра, в своем умеренном варианте добивалось раздела Пруссии и создания «Западногерманской республики» как новой земли в составе рейха³⁶⁶; его поражение было предопределено консолидированным отпором центра и компрометирующими связями между радикальным крылом и оккупационными властями³⁶⁷. Восточнопруссские проекты — от «Восточного государства» до особого экономического режима — так и не были до конца реализованы не столько из-за сопротивления центра, сколько из-за раскола самих провинциальных элит, часть которых использовала «призрак сепаратизма» исключительно как инструмент давления на центр.

Первый институциональный ответ центра на оба кризиса оказался симметричен: были введены должности рейхскомиссаров как посредников между Берлином и Кёльном/Кёнигсбергом. Однако последующие институциональные решения отличались: в то время как Восточнопруссское представительство было с трудом создано и функционировало со сбоями, для Рейнской области в августе 1923 г. на уровне рейха было создано отдельное министерство оккупированных территорий. Эта институциональная асимметрия зафиксировала в итоге диспропорцию внимания центра. Рейнский вопрос в силу французского фактора и реальной угрозы утраты экономически важного региона оставался в 1919–1924 гг. приоритетным для ведомств рейха

³⁶⁶ Köhler H. Adenauer und die rheinische Republik. Der erste Anlauf 1918–1924. Opladen, 1986. S. 15, 47.

³⁶⁷ Bender P. Eine Rheinische Republik? Die ersten Rheinstaatsbestrebungen 1918/1919 in Zeiten des völker- und verfassungsrechtlichen Umbruchs. Berlin, 2019. S. 224–258; Köhler H. Op. cit. S. 180–181.

и Пруссии³⁶⁸. В итоге, несмотря на глубокий кризис, развернувшийся в Восточной Пруссии, провинция постоянно проигрывала конкуренцию за внимание центра, что и закрепил неологизм „Ostpreußenmüdigkeit“ («усталость от Восточной Пруссии»). Сравнение, таким образом, позволяет увидеть, что степень внимания Берлина к периферии определялась не глубиной региональных проблем, а масштабом и реальностью угрозы территориальной целостности рейха.

В рамках настоящего параграфа были последовательно рассмотрены различные этапы выстраивания бюрократического взаимодействия между Кёнигсбергом и Берлином в 1918–1923 гг.

Первый этап — с ноября 1918 г. по июнь 1919 г. — связан с попыткой перестроить отношения с Пруссией в рамках реформирования территориально-административного устройства Германии. Ключевую роль на этом этапе играл обер-президент Адольф фон Батоцки. Его отставка ознаменовала переход ко *второму* этапу (июль 1919 г. — март 1920 г.), который был связан со стремлением провинциальных элит добиться для провинции особого экономического и политического положения посредством выстраивания новых институтов — экономического окружного совета Восточной Пруссии и должности рейхскомиссара востока (Reichskommissar des Ostens). На *третьем* этапе (март 1920 г. — 1923 г.), начавшемся после провала Капповского путча, провинциальные элиты отказались от планов по учреждению должности рейхскомиссара востока и окружного экономического совета и сосредоточились на попытке создать Восточнопрусское представительство в Берлине.

В итоге представителям центра и провинции в рамках изучаемого периода так и не удалось изобрести новую формулу взаимодействия. Неудачу можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, важную роль сыграло политическое размежевание внутри самой провинции. Демократы и консерваторы, промышленный Кёнигсберг и

³⁶⁸ Köhler H. Op. cit. S. 9.

аграрные районы провинции, Торгово-промышленная палата и Сельскохозяйственная палата — все эти группы соперничали по поводу того, кто именно будет лоббировать интересы провинции в Берлине. Это привело к двойному представительству: Восточная Пруссия была единственной провинцией в Веймарской республике, которая имела двух специальных представителей от исполнительной и законодательной власти. Однако двойное представительство и рассогласованность действий не только не усилили представленность интересов провинции в Берлине, но и способствовали ослаблению внимания центральных деятелей к провинциальным проблемам. Симптоматично, что в лексиконе берлинских чиновников, по воспоминаниям современников, появилось даже специальное выражение — „Ostpreußenmüdigkeit“, обозначающее «усталость от Восточной Пруссии»³⁶⁹.

Во-вторых, к внутренним факторам слабой результативности взаимодействия центра и провинции следует отнести и то, что в этот период существенную часть восточнопрусской элиты в Берлине (особенно в правительстве Пруссии) воспринимали как консервативных юнкеров, склонных к автономистским и антиреспубликанским проектам. Укоренению такой репутации способствовали и сюжет, связанный с «Восточным государством», и участие провинциальных элит в Капповском путче. Все это в совокупности создавало недоверие к Восточной Пруссии в Берлине, преодолеть которое не смог и демократический обер-президент Э. Зир.

В-третьих, чиновники центральных органов власти с недовольством отреагировали на введение новой должности представителя и нарушение действующей системы управления. Они воспринимали инициативу, связанную с Восточнопрусским представительством, как угрозу и без того хрупкой структуре распределения полномочий между рейхом и Пруссией. В результате провинция оказалась между двумя уровнями власти, не имея ни одного надежного и устойчивого партнера.

³⁶⁹ *Shindo R. Op. cit. S. 138; Groeben K., von der. Op. cit. S. 259.*

Из всего этого можно сделать вывод, что в изучаемый период интересы Восточной Пруссии в структуре власти Веймарской республики представлялись не системно, а хаотично. По большей части, это была не целенаправленная и продуманная политика, а совокупность разрозненных ситуативных инициатив и реакций. Обер-президент Зир и представители провинциального ландтага стремились компенсировать институциональную слабость за счет личных контактов, но многоуровневая конкуренция бюрократий на уровне рейха и Пруссии не позволила сформировать устойчивую модель лоббирования.

Глава 2. Восточнопрусский эксклав и центральные власти: социально-экономические аспекты взаимодействия

2.1. Последствия войны для региональной промышленности и транспортной системы.

Первые правительственные программы помощи

Восточная Пруссия принадлежала к заэльбским прусским провинциям с особой экономической структурой, отличавшей их от других регионов страны благодаря преобладанию сельского хозяйства и, соответственно, отсутствию крупных индустриальных центров. Отставание в индустриализации провинции объяснялось несколькими причинами: ее периферийным географическим положением, удаленностью от главных центров добычи сырья, дефицитом природных ресурсов и так далее.

Основной чертой индустриального развития провинции в конце XIX — начале XX века было устойчивое отставание от среднепрусских темпов модернизации. Рост числа занятых в промышленности (с 113 тыс. в 1882 г. до 155 тыс. в 1907 г.)³⁷⁰ был недостаточным для формирования развитого индустриального сектора. Так, в 1907 г. доля занятых в промышленности (включая ремесленные производства и строительство) составляла в регионе лишь 17,3 на 100 экономически активных лиц, в том же году в среднем по Пруссии этот показатель достигал 31,7³⁷¹. Более детальное рассмотрение данных на 1907 г. по разным отраслям промышленности показывает также и другие отличия (табл. 1).

Первая мировая война значительно осложнила экономическое положение Восточной Пруссии. После 1914 г. существенные изменения произошли в главных сферах экономики: сельском хозяйстве, промышленности, торговле.

³⁷⁰ *Richter F.* Aspekte der Industrieentwicklung in Ostpreussen zwischen den Weltkriegen // Zwischen den Weltkriegen. Teil I: Politik im Zeichen Parteien, Wirtschaft und Verwaltung im Preussenland der Jahre 1918–1939. Lüneburg, 1986. S. 140.

³⁷¹ Ibid.

Отрасли промышленности	В среднем по Пруссии на 10 тыс. жителей	В Восточной Пруссии на 10 тыс. жителей
Занятые в машиностроении	172	66
Занятые в химической промышленности	27,9	5,7
Занятые в текстильной промышленности	117	11,1

Таблица 1. Занятые в различных отраслях промышленности в среднем по Пруссии и в Восточной Пруссии (на 1907 г.)³⁷²

Анализ влияния Первой мировой войны на промышленное развитие затрудняется тем, что в годы войны не велся полноценный статистический учет, отражавший динамику развития в различных отраслях промышленности. Хотя Восточная Пруссия не относилась к главным промышленным центрам Германии, все же в этом регионе еще до войны были созданы отдельные конкурентоспособные предприятия, ориентировавшиеся на общегерманский и восточноевропейский рынок. К их числу относились вагоностроительный завод «Штайнфурт» и металлургический завод «Унион Гисерай», которые располагались в Кёнигсберге. Помимо этого, после войны к Восточной Пруссии был присоединен крупный западнопрусский промышленный город Эльбинг, где располагались машиностроительный завод «Комник» и верфь «Шихау»³⁷³.

Во время войны эти предприятия потеряли традиционные рынки сбыта, что резко подорвало их рентабельность. В первые послевоенные годы высокая инфляция способствовала тому, что эти предприятия получили конкурентные преимущества в глазах зарубежных потребителей, однако после стабилизации национальной валюты в 1923 г. это преимущество было утрачено³⁷⁴. Для полноценного анализа экономической ситуации важно иметь в виду, что в 1917–1922 гг. в Германии активизировалось стачечное движение. Начиная с

³⁷² Источник: *Richter F.* Op. cit. S. 140–141.

³⁷³ *Hertz-Eichenrode D.* Op. cit. S. 124.

³⁷⁴ *Ibid.* S. 124–125.

1917 г. статистическое бюро публиковало статистику стачек по отдельным областям Германии. Согласно данной статистике, число бастующих рабочих в 1917 и 1919 гг. было невелико — 1230 человек на пяти предприятиях (в 1917 — 1003 человека на трех предприятиях, в 1919 — 227 человек на двух предприятиях)³⁷⁵. За революционный 1918 г. статистика отсутствует. В 1920 г., судя по статистике, произошло многократное увеличение числа бастующих — 44 937 человек. Столь резкий рост этого показателя нельзя объяснить исключительно тем, что в 1920 г. к Восточной Пруссии были присоединены промышленные центры Западной Пруссии. Кризис провинциальной промышленности привел в итоге к активному вмешательству государства, что наиболее ярко отразилось на примере верфи «Шихау», которая, несмотря на наличие государственных дотаций, в 1929 г. перешла в государственную собственность³⁷⁶.

Понять некоторые тенденции в развитии провинциальной экономики во время войны можно и на основе данных о грузовых железнодорожных перевозках. Согласно официальной статистике, с 1915 г. резко упали объемы железнодорожных перевозок, особенно в портовых районах³⁷⁷. Наибольшая устойчивость наблюдается в грузоперевозках между провинцией и другими регионами Германии: даже в 1916–1917 гг. объемы приема грузов сохранились на относительно высоком уровне³⁷⁸. В то же время сократились экспортные потоки с другими странами, что отражало возрастающую зависимость региона от остальной Германии и утрату роли Восточной Пруссии как моста между Российской империей и Европой. Попытка восстановления транспортной активности в 1919–1920 гг. привело лишь к частичной компенсации утраченных объемов: общий сухопутный грузооборот остался заметно ниже уровня 1913 г.

³⁷⁵ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 40. 1919. Berlin, 1919. S. 100; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 41. 1920. Berlin, 1920. S. 61.

³⁷⁶ Hertz-Eichenrode D. Op. cit. S. 125.

³⁷⁷ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 35. 1916. Berlin, 1916. S. 41.

³⁷⁸ Ibid; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 37. 1917. Berlin, 1917. S. 51.

Кризисные тенденции во время и после войны наблюдались в развитии кёнигсбергского порта. Положение усугублялось природными и инфраструктурными ограничениями. Малая глубина залива Фришес Хафф (около четырех метров) не позволяла крупным морским судам входить в кёнигсбергский порт, их приходилось разгружать в Пиллау и везти грузы дальше по железной дороге; прорытый еще в 1889—1901 гг. морской канал глубиной 6,5 м решал проблему лишь отчасти³⁷⁹.

Примечательно, что в первые годы войны развитие порта не прекращалось. Именно в 1914—1915 гг. были окончательно оформлены амбициозные планы реконструкции и расширения портового комплекса. Предполагалось обустроить новые гавани, возвести зернохранилища, модернизировать железнодорожную инфраструктуру. Летом 1915 г. проект был окончательно утвержден, начались строительные работы, в рамках которых широко применялся труд военнопленных³⁸⁰. К концу войны, однако, динамика развития порта резко изменилась. Уже в 1916—1917 гг. образовался дефицит строительных ресурсов, топлива, военное ведомство перестало выделять военнопленных³⁸¹. В этих условиях центральные ведомства приняли решение заморозить крупные инфраструктурные проекты, связанные с модернизацией порта.

Не менее важны изменения в уровне благосостояния населения. Разрыв экономических связей с Россией и экономическая блокада Германии привели к нехватке продовольствия и повышению цен, с 14 марта 1915 г. в Кёнигсберге были введены хлебные карточки³⁸². Другая проблема, связанная с войной, — проблема беженства. В зарубежной историографии фигурируют разные

³⁷⁹ Borm A. Op. cit. S. 116.

³⁸⁰ Kutschke C. Königsberg als Hafenstadt. Königsberg, 1930. S. 22.

³⁸¹ Ibid.

³⁸² Gause F. Op. cit. S. 9; резкое повышение цен фиксировал в своих дневниках кёнигсбергский пастор Пауль Томашки (см.: Paul Thomaschki: Veränderungen in den Lebensumständen, Entwicklung der Preise. URL: <https://www.dhm.de/lemo/zeitzeugen/paul-thomaschki-auszuege-aus-dem-kriegstagebuch-1914-1918-lebensumstaende>) (дата обращения: 03.10.2025).

цифры, связанные с количеством беженцев: от 100 тыс. до 870 тыс.³⁸³ Многие жители приграничных районов устремились в провинциальную столицу, которая в тот момент также не воспринималась как безопасное место. Восемнадцатого августа 1914 г. губернатор крепости Кёнигсберг генерал-лейтенант Гюнтер фон Папприц рекомендовал тем, «кто в случае осады города может оказаться в тяжелом положении, отправиться в более западные районы внутри Германии»³⁸⁴. У представителей гражданской власти на всех уровнях отсутствовали четкие инструкции на случай вражеского вторжения, не был продуман механизм эвакуации³⁸⁵. На этом фоне часто происходили конфликты между чиновниками и военными³⁸⁶. В атмосфере всеобщего хаоса в некоторых районах образовались настоящие банды грабителей, которые, когда деревня или усадьба едва были покинуты, забирали «все, что не было прибито гвоздями»³⁸⁷.

Таковы общие контуры экономического развития Восточной Пруссии в 1914–1923 гг. Война и первые послевоенные годы продемонстрировали уязвимость провинциальной экономики, основанной на сельском хозяйстве. Аграрный сектор вследствие войны понес тяжелые потери; промышленные предприятия потеряли рынки сбыта, столкнулись с дефицитом сырья, кадровыми проблемами и растущей социальной напряженностью, проявившейся в стачечном движении. Статистика транспортных портовых перевозок фиксирует резкое падение экспорта, Восточная Пруссия теряет роль крупного транзитного узла. В этих условиях в начале 1920-х гг. центральным и провинциальным органам власти необходимо было разработать систему мер

³⁸³ См. подробнее: *Дементьев И.О.* «Исключения из общего правила»: смена вех в дискуссиях западных историков о характере русской оккупации Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны // Калининградские архивы. Калининград, 2014. Вып. 11. С. 75–88; *Kossert A.* Op. cit. S. 200.

³⁸⁴ [Der Gouverneur der Festung Königsberg verbietet...] // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1914. 18. August (Abendausgabe). S. 1.

³⁸⁵ *Zimmermann J.* Tannenberg 1914. Der Erste Weltkrieg in Ostpreußen. Oldenbourg, 2021. S. 120–121.

³⁸⁶ Ibid. S. 136–137.

³⁸⁷ Ibid. S. 138.

для преодоления создавшегося кризисного положения, чтобы вернуться к довоенному экономическому уровню.

Историю программы экономической помощи Восточной Пруссии можно поделить на два периода. Отличительной особенностью первого периода (1914–1920 гг.) было то, что меры помощи провинции носили разрозненный характер, зависели от личных взаимоотношений между представителями центра и провинции. Помимо этого, важно, что во время Первой мировой войны помощь Восточной Пруссии использовалась как пропагандистский и мобилизационный инструмент во внутренней политике. Второй этап, начавшийся в 1922 г., характеризуется тем, что экономическая помощь приобрела системный характер.

Первые инициативы экономической помощи Восточной Пруссии начались еще во время войны. В 1915 г., на фоне общенационального патриотического подъема после августа 1914 г., возникло негосударственное объединение «Помощь Восточной Пруссии» („Ostpreußenhilfe“). В рамках этой общественной организации совместно действовали различные благотворительные общества, обеспечивавшие компенсационные выплаты жителям провинции за утраченное имущество и оказывавшие им материальную помощь³⁸⁸. Руководил объединением родившийся в Восточной Пруссии полицай-президент Шёнеберга Бернд фон Людингхаузен. Организация координировала усилия немецких городов, желавших взять «шефство» над каким-либо пострадавшим в результате войны восточнопрусским населенным пунктом³⁸⁹. Так, например, жители Гессена собирали деньги на восстановление округа Олецко³⁹⁰, а жители Тюрингии взяли «шефство» над поселениями в округе Прейсиш-Эйлау³⁹¹.

Одним из требований провинциальной делегации на Восточнопрусской конференции в марте 1920 г. было создание Окружного экономического совета

³⁸⁸ Borm A. Op. cit. S. 59.

³⁸⁹ Wohlfahrtspflege // Deutscher Reichsanzeiger und Preußischer Staatsanzeiger. 1915. 22. April. S. 2–3.

³⁹⁰ Aus der Heimat // Ostgalizische Feldzeitung. 1917. 23. Juli. S. 4.

³⁹¹ Aus der Heimat // Ostgalizische Feldzeitung. 1917. 17. September. S. 4.

(Bezirkswirtschaftsrat). Формирование экономического совета рейха и окружных советов было предусмотрено статьей 165 Веймарской конституции³⁹². Учреждение советов должно было способствовать демократизации экономики, чтобы рабочие и служащие наравне с предпринимателями участвовали в регулировании условий труда и заработной платы, а также в обсуждении региональных экономических проблем.

Согласно составленному правительством Пруссии в апреле 1920 г. положению о Восточнопрусском временном окружном экономическом совете³⁹³, совет должен был координировать интересы ключевых экономических групп в условиях перехода от военной экономики к мирной. Совет должен был включать в свой состав представителей разных экономических организаций и госслужащих. В положении было прописано условие обязательного паритета между работниками и работодателями. Функции совета включали консультирование провинциальных и центральных органов власти по вопросам социально-экономического развития провинции, подготовку заключений по проектам, а также выработку согласованных позиций различных провинциальных экономических групп. Учреждение такого органа было направлено на усиление взаимодействия как внутри провинции, так и между провинцией и центром.

Четырнадцатого мая в Кёнигсберге состоялись дополнительные переговоры между представителями министерств и Восточной Пруссии. В ходе переговоров представители Торговой палаты Кёнигсберга, Сельскохозяйственной провинциальной палаты и профсоюзов решительно отвергли проект положения, поскольку в нем не были учтены требования и пожелания восточнопрусской стороны. Представители названных экономических объединений подчеркивали, что «при предусмотренном составе окружного экономического совета не удастся создать

³⁹² Die Verfassung des Deutschen Reiches („Weimarer Reichsverfassung“). URL: <https://www.verfassungen.de/de19-33/verf19-i.htm> (дата обращения: 21.10.2025).

³⁹³ BArch. R 43-I/1848. Bl. 32f. Entwurf einer Verordnung über den vorläufigen Bezirkswirtschaftsrat von Ostpreußen. Begründung, April, 1920.

работоспособный орган»³⁹⁴. После подобного демарша представители министерств объявили о прекращении работы над проектом окружного экономического совета. Прусский министр торговли объяснил ситуацию тем, что восточнопруссских представителей не устроили не формальные пункты, содержащиеся в проекте, а то, что данный проект не оставлял места для той автономии в решении экономических вопросов, к которой стремились в Восточной Пруссии³⁹⁵. В итоге вместо влиятельного окружного экономического совета в 1921 г. был создан орган с менее амбициозными задачами — Восточнопруссский экономический совет, имевший чисто консультативные функции.

Колоссальные сдвиги в решении восточнопруссских экономических проблем произошли в начале 1921 г. Хотя исследователи часто связывают увеличение масштаба помощи с именем Э. Зира³⁹⁶, примечательно, что инициатива комплексной программы помощи Восточной Пруссии зародилась в рядах Немецкой национальной народной партии. Именно они первыми публично сформулировали необходимость системного подхода к решению восточнопруссских проблем. Выражение «Восточнопрусская программа» первым употребил экономист и член партии Отто Гётцш в статье «Восточная Пруссия и рейх» в январе 1921 г.³⁹⁷ Название программы — „Ostpreußenprogramm“ — видимо, должно было отсылать к „Ostmarkenprogramm“ — программе помощи восточным районам рейха, предпринятой в 1902 г. канцлером Бюловым. В обширной статье Гётцш очертил комплекс мер, необходимых для стабилизации экономики провинции, подчеркнул важность учета восточнопруссских интересов. Он сделал акцент на поддержке сельского хозяйства, предложил скорректировать налоговую и таможенную политику, развивать Кёнигсбергский порт³⁹⁸. Особое внимание

³⁹⁴ Hertz-Eichenrode D. Op. cit. S. 32.

³⁹⁵ Ibid.

³⁹⁶ Borm A. Op. cit. S. 4.

³⁹⁷ Hoetzsch O. Ostpreußen und das Reich // Neue Westfälische Volkszeitung. 1921. 26. Januar. S. 1–2.

³⁹⁸ Ibid. S. 1.

Гётцш уделит сотрудничеству между рейхом и Восточной Пруссией: «Если Восточная Пруссия должна и далее оставаться для нас пограничным форпостом, то и весь рейх обязан приносить соразмерные жертвы. Необходима сознательная, дальновидная и самоотверженная политика в отношении Восточной Пруссии»³⁹⁹.

После публикации Гётцша на заседании рейхстага 21 января 1922 г. депутат от НННП граф Каниц выступил с парламентским запросом, касавшимся экономического положения Восточной Пруссии. Он начал свою речь с «ритуальных фраз» об особом положении провинции — «единственной колонии Германии»⁴⁰⁰. Депутат указывал на ненадежность транзита через «польский коридор» и постоянные угрозы со стороны Польши. Выступающий подверг критике правительство рейха за недооценку специфики региона и за отсутствие системных мер помощи Восточной Пруссии⁴⁰¹.

Отсутствие внимания к провинциальным проблемам, по мнению выступающего, привело к тому, что стоимость жизни в Восточной Пруссии существенно превышала средние показатели по рейху⁴⁰². Конкретной причиной этого стали завышенные тарифы на грузоперевозки — высокая премия за риск, которую отправители и получатели должны платить, чтобы обеспечить надежность поставок. Это в первую очередь отразилось на перевозках угля, железа и строительных материалов. Каниц привел и конкретные цифры: «стоимость вагона цемента и извести в Кёнигсберге летом [1921 г.] была примерно на 300 марок выше, чем в Берлине...»⁴⁰³. Логистические сложности особенно отразились на стоимости угля: по сведениям депутата, стоимость угля, доставленного по железной дороге с территории основной Германии в Восточную Пруссию, была на 100 марок

³⁹⁹ Ibid. S. 2.

⁴⁰⁰ Verhandlungen des Reichstages. I. Wahlperiode 1920. Bd. 352: Stenographische Berichte. Von der 151. Sitzung am 16. Dezember 1921 bis zur 172. Sitzung am 17. Februar 1922. Berlin, 1922. S. 5448.

⁴⁰¹ Ibid.

⁴⁰² Ibid. S. 5449.

⁴⁰³ Ibid. S. 5450.

выше⁴⁰⁴. Если уголь доставлялся по морю, то цена была выше уже на 750 марок⁴⁰⁵.

В конце выступления Каниц озвучил и план действий. Он предложил правительству рассмотреть идею создания фонда «уравнивания тарифов на грузоперевозки». Помимо этого, депутат предложил ввести особые тарифы на перевозки для Восточной Пруссии. Это предложение осложнялось тем, что, согласно ст. 365 Версальского мирного договора, товары Союзных и Объединившихся держав, направлявшиеся в Германию или проходившие транзитом через ее территорию, должны пользоваться на германских железных дорогах наиболее благоприятным режимом наравне с аналогичными германскими грузами⁴⁰⁶. Эта статья существенно ограничивала возможность введения специальных льготных тарифов для Восточной Пруссии.

За выступлением Каница, завершившимся бурными аплодисментами правых депутатов, последовала речь госсекретаря из рейхсминистерства транспорта. Он заверил депутатов, что по всем затронутым проблемам в министерстве ведется работа, но есть много сложностей. Например, создание льготных тарифов для провинции невозможно, так как в этом случае такие же тарифы, согласно ст. 365 Версальского мирного договора, потребуют для себя и страны Антанты.

Подробное рассмотрение ситуации с железнодорожными тарифами показывает, что в этой сфере сложилась ситуация, противоречившая всем принципам капиталистической экономики. В апреле 1922 г. министр транспорта рейха сообщал, что польская сторона требовала выплачивать ей тарифную плату за движение немецких поездов по территории «коридора» и что таким образом, по мнению министра, имитировались условия, будто эта территория осталась в составе Германии. Выплата этих тарифов была бы финансовым бременем для железнодорожной администрации⁴⁰⁷.

⁴⁰⁴ Ibid.

⁴⁰⁵ Ibid.

⁴⁰⁶ Versailler Vertrag. Artikel 365. URL: <http://www.documentarchiv.de/wr/vv12.html> (дата обращения: 20.03.2026).

⁴⁰⁷ BAArch. R 43-I/1850. Bl. 249. Der Reichsverkehrsminister an den Reichskanzler und sämtliche Reichsminister, Berlin, 7.4.1922.

В этих условиях в марте 1922 г. обер-президент, видимо, стремился перехватить инициативу у консерваторов и собрал ключевых представителей экономической и политической элиты провинции на совещание в обер-президиуме, где информировал их о разработке Восточнопрусской программы. Различные политические и экономические игроки должны были прислать свои предложения и требования, а обер-президиум должен был составить комплексную программу.

Кёнигсбергская торгово-промышленная палата подчеркнула важность возобновления торговых отношений с восточноевропейскими государствами. Представители палаты считали, что отказ Советской России от признания условий Версальского договора создает возможность для экономического партнерства с Германией. Помимо этого, представители палаты выступали за начало переговоров с Литвой. В перспективе представители кёнигсбергских торговых и промышленных кругов хотели вернуться к условиям германо-российских торговых договоров 1894 г.⁴⁰⁸ Это предложение поддержал и магистрат Тильзита, так как разрыв экономических связей с востоком отрицательно сказался на развитии города. Отдельным требованием магистрата Тильзита было восстановление свободного судоходства по Неману⁴⁰⁹.

Регирунгспрезиденты в Алленштайне и Мариенвердере большее внимание уделили вопросам безопасности и сохранения «немецкой идентичности». Регирунгспрезидент Теодор фон Баудиссин требовал поддерживать полицейские силы в пограничье для защиты от «большевистских элементов» и польской агитации. Примечательно, что Баудиссин в своих требованиях вышел за пределы Восточной Пруссии и предлагал прописать в программе необходимость финансовой поддержки немецких организаций в Данциге для сохранения немецкого характера города.

⁴⁰⁸ *Shindo R.* Op. cit. S. 141.

⁴⁰⁹ *Ibid.* S. 141–142.

Хотя эти требования не вошли в последовавший позже меморандум Э. Зира, они отражали определенную стратегию провинциальных деятелей, которые хотели повысить внимание к восточнопрусской проблеме за счет ее масштабирования до международного уровня, что проявилось в меморандуме Э. Зира от 18 апреля 1922 г., который начинался с того, что главное требование провинции состоит в ликвидации «коридора» и воссоединении с основной территорией рейха⁴¹⁰. Переходя к экономической части, Зир писал, что Восточная Пруссия и до войны была «дотационным регионом», в условиях диктата Версаля она сохранит этот статус, однако экономическая помощь провинции со стороны центра должна носить системный характер, выходить за рамки единичных краткосрочных решений⁴¹¹. В представленной программе отсутствовали указания на точные денежные суммы и сроки выполнения. Финансовые требования обер-президент разделил на две группы — единовременные и постоянные.

К проектам, требовавшим единовременных финансовых вложений, Зир отнес в первую очередь инфраструктурные проекты, связанные с модернизацией кёнигсбергского порта и железных дорог в провинции⁴¹². Помимо этого, единовременное финансирование требовалось для оплаты государственных заказов восточнопрусским предприятиям, на прокладку морского подводного кабеля связи, строительство новых дорог⁴¹³.

Требования относительно постоянных нужд касались, во-первых, кредитования провинциальных предприятий, чьи долги обер-президент предлагал заморозить⁴¹⁴. Во-вторых, в проекте содержалось требование субсидирования тарифов на уголь, поставляемый в Восточную Пруссию. Чтобы преодолеть угольный кризис, обер-президент также предлагал ускорить

⁴¹⁰ BArch. R 43-I/1850. Bl. 254. Der Oberpräsident der Provinz Ostpreußen. Denkschrift zum Ostpreußenprogramm, Königsberg, 18.4.1922.

⁴¹¹ Ibid.

⁴¹² Ibid.

⁴¹³ Ibid.

⁴¹⁴ Ibid. Bl. 255f.

электрификацию провинции и освоение торфяных месторождений, а также использовать гидроэнергетические ресурсы⁴¹⁵.

На состоявшемся в мае совещании в Берлине выполнение программы было распределено между рейхом, Пруссией и провинцией. Министерства на уровне рейха должны были курировать крупные инфраструктурные проекты (порт, железные дороги), прусские ведомства занимались внутренним водным сообщением, строительством автомобильных дорог и кредитной политикой, провинциальные ведомства — вопросами внутренней колонизации и разработкой месторождений полезных ископаемых.

Германо-прусский дуализм привел к негативным последствиям и для «Восточнопрусской программы». В июле 1923 г. рейхсминистр транспорта подверг критике действия прусского государственного министерства в рамках программы. В первую очередь критике подвергся прусский подход к финансированию, представители Пруссии настаивали на том, что финансирование программы должно проходить через систему гарантий. Суть этой системы сводилась к тому, что наряду с дотациями со стороны рейха и Пруссии в финансировании всех проектов будут участвовать и частные инвесторы, торговые объединения и муниципалитеты. Они должны были подтверждать готовность хотя бы частично участвовать в финансировании того или иного проекта. Представители рейха настаивали на том, что необходимо перейти к системе прямого финансирования. Министр-президент Пруссии, напротив, настаивал на том, что подобная система создаст массу рисков: либо на уровне Пруссии и рейха будет сложно заложить в бюджет финансирование, либо будут финансироваться неэффективные проекты, так как изначально не будет понятно, нужны они кому-то или нет⁴¹⁶.

В декабре 1923 г. в Министерстве внутренних дел был составлен первый общий отчет о ходе выполнения «Восточнопрусской программы».

⁴¹⁵ Ibid.

⁴¹⁶ BArch. R 43-I/1851. Bl. 102–107. Der Preußische Ministerpräsident an den Reichskanzler, Berlin, 8.12.1923.

Критическое рассмотрение отчета позволяет сделать вывод о том, что проблемы с реализацией программы возникли уже на стадии выделения финансирования. Так, при рассмотрении бюджета рейха на 1923 г. рейхсрат предложил увеличить ассигнования для строительства Кёнигсбергского морского канала с 15 млн до 250 млн марок⁴¹⁷. Это позволило бы профинансировать не только подготовительные работы, но и капитальное строительство. Однако правительство рейха, учитывая тяжелое финансовое положение страны, отклонило столь масштабное увеличение ассигнований. Правительство также указало на то, что город Кёнигсберг еще не достиг соглашения по прежним кредитным договорам с Пруссией.

С реализацией других проектов также возникли сложности. Так, исследование фарватера Эльбинга показало, что дно сильно заилено, его углубление потребовало бы очень высоких затрат, которые едва ли будут соответствовать объему морского судоходства между Эльбингом и Пиллау⁴¹⁸. Та же самая ситуация сложилась и с углублением русла Прегеля в районе Инстербурга⁴¹⁹. Помимо этого, не было серьезных изменений в тарифной политике в сфере грузоперевозок. Более благоприятная ситуация наблюдалась в железнодорожном строительстве. Продвигалось строительство нескольких железнодорожных линий в провинции, часть маршрутов корректировалась⁴²⁰. Также об успехах отчиталось и министерство почты, которое в течение года построило в провинции ряд новых почтовых пунктов, обновило старые здания и построило жилье для служащих⁴²¹. Таким образом, к концу 1923 г. «Восточнопрусская программа» едва была начата.

Для понимания причин подобного провала важно понять, какая политическая обстановка была в Германии в 1923 г. В начале года французские

⁴¹⁷ Ibid. Bl. 93. Das Ostpreußenprogramm. Zusammenstellung der von den Reichsressorts zugunsten als Ostpreußenprogramms in Angriff genommenen Aufgaben, Anlage zum Schreiben des Reichsministers des Innern von 4.12.1923.

⁴¹⁸ Ibid.

⁴¹⁹ Ibid.

⁴²⁰ Ibid. Bl. 94.

⁴²¹ Ibid. Bl. 94f.

и бельгийские войска оккупировали важный промышленный район — Рурскую область, германское правительство призвало население провинции к пассивному сопротивлению. Это привело к широкой волне забастовок и протестов со стороны граждан, которые отказывались работать на французов или сотрудничать с ними. В результате кризиса германская экономика потерпела крах: началась гиперинфляция, возросла безработица, значительные слои населения лишились сбережений⁴²². Таким образом, колоссальные суммы, фигурирующие в первом отчете о выполнении «Восточнопрусской программы», в реальности выглядели намного скромнее. Так, в разделе о модернизации портовых гаваней фигурировала сумма 17 трлн 318 млрд 328 млн марок, что на 15 октября 1923 г. (дата составления отчета) составляло примерно 1155 долларов США — данной суммы не хватило бы и на минимальные ремонтные работы.

Подводя итог, можно сказать, что Первая мировая война привела к кризису восточнопрусской экономики, которая и до войны носила дотационный характер. Одновременно с этим провинция утратила важную роль транзитного пункта — «моста на восток». Вместо этого она превратилась в окруженный враждебным морем «остров» или «единственную германскую колонию» — подобные формулировки звучали и в речах депутатов рейхстага, и на правительственных совещаниях. Логистические трудности повышали потребительские и промышленные издержки, что сильно тормозило развитие промышленности в регионе, который и до Первой мировой войны не отличался высоким уровнем индустриализации.

В этих экономических условиях представители провинции боролись за признание ее особой роли, требовали от представителей центра особого подхода к решению восточнопрусских проблем. Провинциальные деятели пытались представить «Восточнопрусскую проблему» как общегерманскую — требовали поддерживать провинцию ради сохранения немецкой идентичности и противостояния польской угрозе. Эти требования

⁴²² Херберт У. История Германии в XX веке. Т. I. М., 2024. С. 232.

выдвигались особенно активно в первые четыре года после завершения войны, когда берлинские политики были заняты решением множества других вопросов и уделяли мало внимания периферийной провинции на востоке. Возможно, причина заключалась не в «усталости от Восточной Пруссии», а в том, что республиканские власти пытались построить отношения с регионами на рационалистических капиталистических принципах и не были заинтересованы в бесконечных дотациях и субсидировании проблемных окраин. Другая причина может быть в том, что приоритетное внимание к Восточной Пруссии могло вызвать недовольство в других частях Германии, в которых экономическая ситуация была не лучше.

Когда же в 1922 г. на уровне рейха и Пруссии было принято решение об учреждении «Восточнопрусской программы», ее реализация пришлось на 1923 г. — год гиперинфляции и глубочайшего кризиса Веймарской республики. Помимо этого, в первоначальном провале программы роль сыграл и уже упоминавшийся выше германо-прусский дуализм — рейх и Пруссия имели разные взгляды на финансирование крупнейших проектов и обвиняли друг друга во всех неудачах, преследовавших программу в первый год ее реализации.

2.2. Сельское хозяйство провинции и государственная миграционная политика

Сельское хозяйство было основой экономики Восточной Пруссии в конце XIX — начале XX века. Ограниченное развитие промышленности в сочетании с преобладанием обширных равнинных территорий, пригодных для земледелия и животноводства, обусловило аграрный характер экономики провинции. Регион выполнял функцию общегерманской «житницы», снабжая продовольствием более развитые в промышленном отношении и урбанизированные районы рейха. Традиционно существенная часть населения

была занята в сельском хозяйстве, на 1907 г. в сельском хозяйстве было занято 514 тыс. человек⁴²³.

Данные о посевных площадях различных культур накануне Первой мировой войны свидетельствуют о структурной стабильности сельского хозяйства (табл. 2). Доминирующей сельскохозяйственной культурой была рожь. Помимо этого, на полях Восточной Пруссии произрастали пшеница, ячмень, картофель и овес. Важной частью экономики провинции было животноводство. Накануне Первой мировой войны поголовье крупного рогатого скота варьировалось в пределах одного миллиона, это соответствовало среднепруссским показателям, при этом свиноводство и овцеводство развивались не так интенсивно, как в других частях Пруссии. Во всей Германии были известны и восточнопруссские конезаводы, самым знаменитым был Тракенен, на котором с XVIII в. разводилась одноименная порода лошадей. К 1913 г. численность лошадей возросла до 500 тыс. голов⁴²⁴. Это был один из самых высоких показателей по Пруссии.

Земледельческие районы провинции можно разделить на две группы в зависимости от того, какой тип собственности в них преобладал. С одной стороны, это были крестьянские районы, тянувшиеся от Вислы к заливу Фришес Хафф, оттуда — на юго-восток до польской границы, а затем — на восток к нижнему течению Мемеля. В этих районах располагались средние и мелкие крестьянские хозяйства. С другой стороны, в центре и юго-западной части провинции располагались районы, в которых преобладали крупные собственники — юнкеры⁴²⁵.

Несмотря на неизменную структуру сельского хозяйства, в аграрном секторе имелись и серьезные проблемы, подрывавшие его устойчивость. Статистическое исследование 1902 г., охватившее 41 865 владельцев

⁴²³ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 35. 1914. Berlin, 1914. S. 18; переписи по профессиям проводились с большими перерывами, в 1925 г. в сельском хозяйстве было занято 593 тыс. человек.

⁴²⁴ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 36. 1915. Berlin, 1915. S. 60.

⁴²⁵ Hertz-Eichenrode D. Op. cit. S. 133–135.

земельных и лесных угодий, показало, что лишь 5,5% из них были свободны от долгов, в то время как у 35% долги превышали стоимость половины имущества. К 1914 г. положение не улучшилось: количество ипотечных долгов увеличилось⁴²⁶. К этому добавлялись и демографические проблемы, наметившиеся еще в XIX в., когда в Восточной Пруссии (и в целом в Заэльбье) усилился отток населения из сельских районов. Этот процесс поглощал заметную часть естественного прироста, трансформировал демографическую структуру сельских районов. Восточнопруссские крестьяне переселялись в города (часто находившиеся на индустриально развитом западе страны), что приводило к дефициту рабочей силы и зависимости аграриев от сезонных рабочих из-за границы.

Показатель сельскохозяйственного производства	1913	1918	1919	1920	1921	1922	1923
Площадь с/х угодий (в га)	1602560	1304445	1136774	1269405	1340611	1318904	1397178
Валовый сбор зерна (в тоннах)	1811981	1058166	994674	1001010	1223255	934882	1418130
Урожайность зерновых (ц/га)	17,4	12,5	13,7	12,9	14,9	11,8	16,4
Валовый сбор картофеля (в тоннах)	2742880	1271658	911894	1678938	2150595	2392657	1910694
Урожайность картофеля (ц/га)	148,6	93,4	78,5	120,6	127,7	138,7	105,8
Поголовье крупного рогатого скота	1218320	999236	1042822	1080903	1109149	1060027	1067300
Поголовье лошадей	501550	413485	457075	479291	483654	483668	н/д

*Таблица 2. Ключевые показатели сельскохозяйственного производства в Восточной Пруссии в 1913–1923 гг.*⁴²⁷

⁴²⁶ Ibid. S. 148.

⁴²⁷ Для составления таблицы были использованы следующие источники: Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 35. 1914. Berlin, 1914. S. 42–43, 53; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 40. 1919. Berlin, 1919. S. 66–68, 83; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 41. 1920. Berlin, 1920. S. 41–42, 48; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 42. 1921–1922. Berlin, 1922. S. 56–58, 62; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 43. 1923. Berlin, 1923. S. 42–43, 46–47; Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 44. 1924–1925. Berlin, 1925. S. 56–57, 63–64.

Наиболее масштабным был приток сельскохозяйственных рабочих из Российской империи. По свидетельству русского консула в Кёнигсберге, русские рабочие стали «истинным спасением» для прусского сельского хозяйства⁴²⁸. К началу XX в. их численность в пределах Кёнигсбергского, Данцигского и Мемельского консульских округов оценивалась в 70–80 тыс. человек ежегодно. Несмотря на первоначальные попытки властей Германии ограничить эту миграцию из-за страха «славянизации», экономическая необходимость заставила их не только снять запреты, но и формализовать условия найма⁴²⁹.

Одним из ответов на отток населения из восточнопрусских аграрных районов стала концепция внутренней колонизации, последовательно отстаиваемая видным экономистом Максом Зерингом. В своих выступлениях он подчеркивал, что внутренняя колонизация не должна сводиться к обеспечению юнкерских имений рабочей силой, напротив — она предполагает принципиальное изменение структуры землевладения. Основную причину демографического и социального кризиса в сельской местности М. Зеринг усматривал в чрезмерной концентрации земли в руках юнкеров, что препятствовало устойчивому воспроизводству крестьянства и вело к увеличению количества безземельных батраков. Примечательно, что в дискуссиях с защитниками интересов юнкерства М. Зеринг сознательно маскировал идею перераспределения собственности риторикой расовой и национальной угрозы, представляя внутреннюю колонизацию как средство противодействия «колоссальному славянскому нашествию» на востоке Германии⁴³⁰.

В рамках этой концепции в 1905 г. в Восточной Пруссии было создано Земельное общество (*Ostpreußische Landgesellschaft*). Согласно

⁴²⁸ Костяшов Ю.В. Российские рабочие в Восточной Пруссии в конце XIX — начале XX века // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2010. Вып. 6. С. 149.

⁴²⁹ Там же. С. 149–150.

⁴³⁰ Nelson R.L. *Frontiers of Empire. Max Sering, Inner Colonization, and the German East, 1871–1945*. Cambridge, 2024. P. 136.

учредительному договору, основной целью общества было увеличение числа крестьянских дворов и рабочих мест в сельской местности. В соответствии с идеями Зеринга организация занималась разделением (парцелляцией) крупных сельскохозяйственных участков (имений) на мелкие или средние крестьянские владения. Общество полностью или частично выкупало крупные имения и перепродавало участки крестьянам на льготных условиях с последующей финансовой и консультационной поддержкой. К сфере компетенций общества также относилось приобретение ипотек, т. е. закладных прав на сельскохозяйственные участки⁴³¹. В наблюдательный совет общества вошли представители королевского прусского казначейства (Königlich Preußischer Fiskus), провинциальной кооперативной кассы (Provinzial-Genossenschaftskasse) и земельного банка (Landbank)⁴³². С 1909 по 1932 г. директором общества был влиятельный провинциальный чиновник, представитель Восточной Пруссии в рейхсрате (1921–1933) В. фон Гайль.

С 1906 по 1908 г. пятьсот семей переселенцев получили земельные участки из состава приобретенных обществом имений⁴³³. Большая часть переселенцев происходила из Восточной Пруссии, они составляли около 60% переселенцев, 30% приходилось на переселенцев из других регионов рейха, отдельно в отчетах общества учитывались переселившиеся из индустриальных районов (6%), переселенцы из России составляли 2–3%⁴³⁴. Уроженцы Восточной Пруссии, фигурировавшие в статистике, происходили из социально и экономически уязвимых слоев населения. Это могли быть безземельные или малоземельные крестьяне, жители менее благоприятных

⁴³¹ [Die Gesellschaft mit beschränkter Haftung...] // Deutscher Reichsanzeiger und Preußischer Staatsanzeiger. 1905. 18. August. S. 16.

⁴³² Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom März 1906 bis Oktober 1908. Königsberg, 1908. S. 5.

⁴³³ Mankowski H. Ostpreußen als Siedlungsland // Der Osten. 1920. 22. Juli. URL: h1/sh/S0212H/0175|PM20/Filmviewer (дата обращения: 09.04.2026).

⁴³⁴ Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom März 1906 bis Oktober 1908. Königsberg, 1908. Nachweisung der von der Ostpreußischen Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. zur Besiedlung angekauften Güter und der Besiedlungsergebnisse.

для сельского хозяйства районов. Новые поселенческие земли, судя по отчетам земельного общества, обустривались на юго-западе провинции, в окрестностях Ортельсбурга, Найденбурга, Гольдапа, Гердауэна.

Боевые действия, развернувшиеся в приграничных районах Восточной Пруссии в августе 1914 г., мобилизация населения, реквизиции — все это привело к глубокому аграрному кризису, который выразился в сокращении посевных площадей и сборах урожая основных сельскохозяйственных культур: пшеницы, ржи, ячменя, овса. В 1915 г., по сравнению с 1913 г., было собрано на 39% меньше ржи, на 38,1% снизился урожай пшеницы, овса — на 39,3%, ячменя — на 36,7%⁴³⁵. Помещик Юлиус фон Мирбах-Сорквиттен писал в 1915 г. о катастрофическом положении сельского хозяйства провинции, особенно в приграничных районах⁴³⁶. Причина этого положения, как можно увидеть из его статьи, заключалась не только во вторжении русских войск, но и в необходимости расквартировывать и содержать собственные войска. На этом фоне правительство и страховые общества обещали компенсации ущерба, однако точные сроки выплат определены не были. Реальность вынуждала помещиков фактически снижать сельскохозяйственное производство до минимума. К 1919 г. сельское хозяйство провинции так и не смогло вернуться к показателям последнего довоенного года. После окончания войны аграрное производство вступило в фазу крайне противоречивого и неустойчивого восстановления. Уже в 1919–1920 гг. наблюдалась попытка расширения посевных площадей по ключевым культурам, однако рост посевов носил фрагментарный характер и не сопровождался улучшением агротехнического уровня.

В этой ситуации восточнопруссские аграрии вступили в конфликт с провинциальным правительством, главной причиной которого стал вопрос цен и свободы вывоза сельскохозяйственной продукции из провинции. По сути, данный конфликт начался еще в августе 1914 г., когда правительство рейха

⁴³⁵ Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 38. 1917. Berlin, 1917. S. 16–18.

⁴³⁶ Ueber die wirtschaftliche Lage des ländlichen Grundbesitzes in den östlichen Teilen der Provinz Ostpreußen // Deutsche Tageszeitung. 1915. 7. Januar (Abendausgabe). S. 3.

ввело первые меры по регулированию цен на продовольствие и ограничило свободное обращение зерна, что заложило основу для германской экономики военного времени. Примечательно, что одним из соавторов системы «принудительной экономики» (Zwangswirtschaft) был А. фон Батоцки, с 1916 по 1917 г. он занимал должность президента Продовольственного ведомства и периодически вступал в конфликты с прусскими аграриями. Из-за своей жесткой политики он приобрел прозвище «продовольственного диктатора» (Ernährungsdiktator)⁴³⁷.

При обер-президенте А. Винниге различные лоббистские группы требовали ввести запрет на вывоз отдельных продуктов из провинции. Что примечательно, это требование выдвигали как представители правых, так и левых партий⁴³⁸. Согласно одному из правительственных отчетов конца 1919 г., население провинции воспринимало продолжающийся вывоз местной продукции на территорию рейха как несправедливую и ухудшающую положение практику⁴³⁹. Однако у обер-президента не было на это полномочий, поэтому Винниг требовал передать в его ведение запрет на вывоз из провинции⁴⁴⁰. Представители аграриев, со своей стороны, добивались создания условий для свободной торговли между восточнопрусскими производителями и потребителями из других районов рейха или из-за границы⁴⁴¹.

Судя по некоторым источникам, Винниг все-таки ввел запреты на вывоз⁴⁴². В условиях угрозы введения новых запретов закономерно развивался

⁴³⁷ См. подробнее: *Oldenburg E.* Erinnerungen. Leipzig, 1936. S. 157; *Hürter J.* Die deutsche Kriegswirtschaft im Ersten Weltkrieg // *Der Erste Weltkrieg. Deutschland und Russland im europäischen Kontext.* Berlin, 2017. S. 73.

⁴³⁸ APO. Zesp. 1088, sygn. 938. Verhandlungen des 46. Provinziallandtages, Bl. 43. Antrag des Provinziallandtages betr. Ernährungswirtschaft, 1920.

⁴³⁹ BArch. R 43-I/1847. Bl. 12. Bericht eines Gewährmannes über die Stimmung in Ostpreußen und die Bermond-Truppen, 3.11.1919 (übersandt vom Auswärtigen Amt an die Reichskanzlei, 10.11.1919).

⁴⁴⁰ Ibid. Bl. 72. Der Oberpräsident der Provinz Ostpreußen an den Ministerpräsidenten, Berlin, 11.1.1920.

⁴⁴¹ Die ostpreußische Landwirtschaft // *Deutsche Allgemeine Zeitung.* 1919. 4. Oktober (Abendausgabe). S. 1.

⁴⁴² Die Lage Ostpreußens im Februar 1920 // *Königsberger Hartung'sche Zeitung.* 1920. 22. Februar. S. 5.

черный рынок. Осенью 1919 г. это обсуждалось на собрании кёнигсбергского городского совета⁴⁴³. Городской советник Кризе, представлявший СДПГ, утверждал, что фермеры из окрестных районов предпочитают поставлять продукцию не в Кёнигсберг, а через контрабандистов — на запад рейха, где можно было получить бóльшую прибыль. По мнению советника, несколько тысяч центнеров картофеля было продано в Польшу, что усугубило продовольственный дефицит в провинциальной столице. Кризе видел в этой ситуации и политическую подоплеку, он предполагал, что фермеры стремятся довести городское население до голода и тем самым спровоцировать путчи и восстановление монархии⁴⁴⁴. Другой пример политизации продовольственного вопроса связан с предстоящим плебисцитом. Обер-президент Батоцки в июне 1919 г. предупреждал, что сельское население, недовольное действующими нормативами военной экономики, с завистью смотрит на Польшу, где чрезвычайные меры в хозяйственной жизни отсутствуют⁴⁴⁵. В конце 1919 г. в прессе раздавались голоса о том, что катастрофическая ситуация в сельском хозяйстве может сказаться и на результатах предстоящего референдума⁴⁴⁶. В следующем году схожие опасения разделялись и на уровне правительства рейха: повышение цен на хлеб в плебисцитарных районах рассматривалось как фактор, способный усилить социальное недовольство и повлиять на ход голосования. В ходе обсуждения кабинет министров принял решение заморозить цены в районах проведения плебисцита⁴⁴⁷.

⁴⁴³ Stadtverordnetenversammlung // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1919. 23. Oktober. S. 5.

⁴⁴⁴ Ibid.

⁴⁴⁵ BArch. R 601/600. Bl. 106f. Niederschrift über die Besprechung vom 5. und 6. Juni 1919 im preußischen Ministerium des Innern.

⁴⁴⁶ Die ostpreußische Landwirtschaft // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1919. 4. Oktober (Abendausgabe). S. 1.

⁴⁴⁷ Frage der Brotpreiserhöhung in den Abstimmungsgebieten von Ostpreußen, Westpreußen und Oberschlesien / Akten Reichskanzlei. URL: https://apps.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0000/mu1/mu11p/kap1_2/kap2_104/para3_2.html?highlight=true&search=ostpreussen&stemming=true&pnd=&start=&end=&field=all#highlightedTerm (дата обращения: 20.11.2025).

Подобное вмешательство в экономическую жизнь со стороны провинциальных властей воспринималось сельскохозяйственными производителями отрицательно, поскольку подрывало экономическую мотивацию собственников. Председатель провинциальной сельскохозяйственной палаты Эрнст Брандес публично заявлял, что действующая практика законодательного регулирования носит поспешный и волюнтаристский характер, а при разработке законов решающую роль часто играют партийные соображения, а не объективные законы развития экономики⁴⁴⁸. В результате на сельское хозяйство провинции распространялись общие для всей Германии налоговые обязательства, однако ценовая политика отличалась от общегерманских установок. По мнению представителей аграрных кругов, при такой системе невозможно было компенсировать возросшие издержки производства⁴⁴⁹.

Тем не менее сельское хозяйство вступило в фазу постепенного восстановления: с 1921 г. посевные площади большинства сельскохозяйственных культур, прежде всего ржи, картофеля и ячменя, начали расширяться. Однако эти успехи носили временный характер: уже в 1922–1923 гг. произошло резкое падение валового сбора зерновых культур. Особое значение в послевоенный период приобрело выращивание картофеля, который хотя и компенсировал уменьшившиеся сборы продовольственной пшеницы и ржи, но не мог обеспечить стабилизацию аграрного сектора в целом. Восстановление кормовой базы животноводства после 1918 г. происходило медленно и неравномерно. Несмотря на некоторый рост площадей луговых покосов в 1919–1921 гг., валовые заготовки сена оставались нестабильными, что напрямую сказывалось на темпах восстановления животноводства. Одним из факторов стабилизации сельского хозяйства была послевоенная гиперинфляция: обесценивание денег позволило значительной части

⁴⁴⁸ Verhandlungen der Landwirtschaftskammer für die Provinz Ostpreussen. Fünfundzwanzigste Sitzungsperiode am 26. und 27. Februar 1920. Königsberg, 1920. S. 7.

⁴⁴⁹ Die Wirtschaftspolitik des Wirtschaftsausschusses. Perfide Angriffe gegen den Oberpräsidenten // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 10. Oktober. S. 5.

землевладельцев ликвидировать задолженности, накопившиеся до и во время войны.

Примечательно, что провинциальное хозяйство не воспринималось берлинскими ведомствами как сфера, нуждающаяся в целенаправленной государственной поддержке и системном субсидировании. В ходе переговоров на первой Восточнопрусской конференции в марте 1920 г. аграрная проблематика не была выделена в качестве самостоятельного предмета обсуждения. Возможно, подобный подход отражал доминировавшее в Берлине представление о том, что аграрный сектор провинции способен функционировать на основе уже имеющихся ресурсов и без значительного вмешательства государства.

В уже упоминавшейся в предыдущем параграфе интерpellации Каница сельское хозяйство упоминалось лишь косвенно. Депутат от НННП высказался с резкой критикой транспортной и тарифной политики рейха, которую он рассматривал как один из ключевых факторов упадка сельского хозяйства провинции. Каниц указывал на то, что высокие транспортные тарифы увеличили себестоимость аграрного производства и лишали восточнопрусских фермеров возможности конкурировать с хозяйствами центральных районов рейха. В этих условиях Восточная Пруссия в послевоенный период перестала играть роль общегерманской «житницы»: при избытке сельскохозяйственной продукции местные производители не могли на равных условиях реализовать свою продукцию на общегерманском рынке⁴⁵⁰.

В «Восточнопрусской программе» сельское хозяйство провинции не было выделено в качестве самостоятельного направления. Вместе с тем в ней затрагивался ряд вопросов, непосредственно связанных с аграрной сферой, включая развитие мелиорации, обеспечение удобрениями, проведение просветительской работы среди сельскохозяйственных работников и поддержку животноводства. При этом разграничивались компетенции рейха и Пруссии: финансирование мелиорационных мероприятий, создание

⁴⁵⁰ Verhandlungen des Reichstages. I. Wahlperiode 1920. Bd. 352. S. 5448–5450.

образцовых учебных хозяйств и общее курирование аграрной сферы относились к ведению Пруссии⁴⁵¹. Участие рейхсминистерств носило опосредованный характер и сводилось к предоставлению краткосрочных кредитов и перераспределению целевых фондов. Показательны примечания, составленные в МВД, к некоторым пунктам первого отчета по «Восточнопрусской программе». Согласно этим заметкам, Восточная Пруссия в аграрной сфере уже была всем обеспечена. Таким образом, ситуация в сельском хозяйстве в начале 1920-х гг. не интерпретировалась в ведомствах рейха и Пруссии как структурный кризис, что контрастировало с многочисленными жалобами восточнопрусских аграриев.

В этих условиях правительство рейха ориентировалось не столько на восстановление довоенных показателей, сколько на стабилизацию социально-политической ситуации в деревне. Ключевым инструментом здесь была переселенческая политика, контуры которой оформились еще в кайзеровский период. Переселение сильно усложнилось на фоне Первой мировой войны, хотя некоторые сторонники идеи внутренней колонизации, напротив, рассматривали ситуацию как окно возможностей. Так, экономист Эрих Койп писал в журнале «Архив внутренней колонизации», что временная русская оккупация привела к фактическому опустошению приграничных районов провинции и разорению юнкерских хозяйств. Большая часть беженцев, по мнению автора, не должна была вернуться в родные деревни, что приведет к еще более глубокой нехватке рабочей силы. Ответом на это должна была стать интенсивная внутренняя колонизация⁴⁵².

Реальные условия, однако, не способствовали интенсификации переселенческой политики: влиял рост цен на имения, в основе которого был спекулятивный спрос со стороны разбогатевших в годы войны слоев

⁴⁵¹ BArch. R 43-I/1851. Bl. 97. Das Ostpreußenprogramm. Zusammenstellung der von den Reichsressorts zugunsten als Ostpreußenprogramms in Angriff genommenen Aufgaben, Anlage zum Schreiben des Reichsministers des Innern von 4.12.1923.

⁴⁵² *Keup E.* Zur Frage der Inneren Kolonisation in Ostpreußen // Archiv für innere Kolonisation. 1914 (November). Bd. VII. Heft 2. S. 21–22.

населения. Они стремились вложить накопленные в годы войны средства в землю, не всегда учитывая хозяйственную целесообразность таких покупок. На рынке также орудовали земельные агенты, которые дробили имения без учета сельскохозяйственных потребностей и продавали их⁴⁵³.

Парадоксально, что в этих сложных условиях в 1918 г. увеличилось число запросов в Земельное общество от потенциальных колонистов, заинтересованных в переселении в сельские районы. Так, в ноябре — декабре 1918 г. в Восточнопрусское земельное общество поступило 1000 подобных запросов, причем большинство из индустриальных районов⁴⁵⁴. Агроном и профессор Кёнигсбергского университета Бруно Скальвайт описывал эту ситуацию так: в довоенную эпоху были средства для финансирования переселения, но не было спроса, а после войны появился спрос, но уже не было средств⁴⁵⁵. Важно, однако, что изменился состав потенциальных переселенцев. Значительная часть заявителей были выходцами из промышленных районов, они не имели ни достаточных ресурсов, ни сельскохозяйственного опыта для жизни и работы в Восточной Пруссии. Многие рассчитывали получить земельный участок без какого-либо предварительного капитала. Далекая восточная провинция, видимо, воспринималась как богатый край, в котором можно без особого труда вести хозяйство⁴⁵⁶. После получения множества подобных заявок Земельное общество начало проводить разъяснительную работу, рассказывая о реальной ситуации в сельском хозяйстве провинции. После этого лишь четверть заявителей, т. е. 250 человек, не отозвала свои заявки. По большей части это были люди, которые родились и выросли в

⁴⁵³ Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom 1. April 1918 bis 31. März 1919. Königsberg, 1919. S. 9.

⁴⁵⁴ Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom 1. April 1918 bis 31. März 1919. Königsberg, 1919. S. 11; *Mankowski H.* Ostpreußen als Siedlungsland // Der Osten. 22. Juli. 1920. (Hamburgisches Welt-Wirtschafts-Archiv 0175). URL: [h1 / sh / S0212H / 0175 | PM20 Filmviewer](#) (дата обращения 09.04.2026).

⁴⁵⁵ *Skalweit B.* Ostpreußens Landwirtschaft. Die Bedeutung Ostpreußens im Wirtschaftsleben Deutschlands // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 26. September. URL: [h1 / sh / S0212H / 0086 | PM20 Filmviewer](#) (дата обращения 09.04.2026).

⁴⁵⁶ Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom 1. April 1918 bis 31. März 1919. Königsberg, 1919. S. 11–12.

деревне, затем переехали в город и потом решили снова вернуться в сельскую местность. Эта группа рассматривалась Земельным обществом как наиболее перспективная⁴⁵⁷.

Новый импульс переселенческой политике был дан 11 августа 1919 г., когда Национальное собрание приняло разработанный М. Зерингом закон о поселении (Reichssiedlungsgesetz). Этот закон закрепил и систематизировал уже существовавшую в кайзеровский период практику создания специальных поселенческих обществ (таких как Восточнопрусское земельное общество) и наделил их расширенными правовыми полномочиями. Закон предусматривал, в частности, предоставление этим обществам права преимущественной покупки земельных участков, а в исключительных случаях — и возможность отчуждения неиспользуемых земель в общественных интересах⁴⁵⁸.

Принятие этого закона сопровождалось редким для Веймарской республики межпартийным консенсусом. Политические силы от умеренных социал-демократов до представителей консервативных партий в целом поддерживали переселенческую политику, хотя исходили при этом из разных мотиваций. Левые и центристские партии рассматривали закон прежде всего как элемент социальной стабилизации, смягчения последствий войны, а также как средство предотвращения радикализации деревни. Для представителей Немецкой национальной народной партии поддержка закона носила более прагматичный характер: так они стремились избежать усиления требований о социализации крупного землевладения. Важной предпосылкой поддержки с их стороны стало то, что закон предусматривал четкие гарантии сохранения крупного землевладения⁴⁵⁹.

Примечательно, что, несмотря на в целом положительные ожидания от «закона Зеринга», реализация переселенческой политики в Восточной Пруссии вызывала сопротивление со стороны некоторых крупных

⁴⁵⁷ Ibid.

⁴⁵⁸ Reichssiedlungsgesetz. 11.08.1919. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/rsiedlg/BJNR014290919.html> (дата обращения: 11.12.2025).

⁴⁵⁹ Hertz-Eichenrode D. Op. cit. S. 308.

землевладельцев, которые воспринимали укрепление слоя мелких и средних крестьян как угрозу своему социально-экономическому положению и политическому влиянию. Юнкеры стремились саботировать поселенческие мероприятия на местах, оказывая давление на органы власти и Земельное общество. В ряде случаев это приводило к затягиванию процедур или к срыву заселения уже подготовленных участков⁴⁶⁰. Юнкеры публично настаивали на том, что мелкие хозяйства нерентабельны в условиях Восточной Пруссии⁴⁶¹.

На основе имеющейся статистики (табл. 3) можно сказать, что итоги переселенческой политики в 1918–1923 гг. выглядят весьма ограниченными. В первый послевоенный год, несмотря на рост обращений в Земельное общество, переселение носило эпизодический характер (19 переселенцев). В 1919–1920 гг. общее число переселенцев увеличилось до 149, однако рост обеспечивался в основном за счет перемещения людей внутри провинции, из других районов Германии прибыло 17 человек, а из других стран — 41. В 1920–1921 гг. поток несколько сократился (133 человека), после чего последовал заметный подъем — 355 человек в 1921–1922 гг. и 539 в 1922–1923 гг. При этом в последний год изменился и состав переселенцев: если прежде большинство составляли выходцы из Восточной Пруссии, то в 1922–1923 гг. основной прирост дали переселенцы из других районов Германии (329 человек против 201). В целом за рассматриваемый период государственная переселенческая политика не обеспечила устойчивого и массового притока населения в провинцию.

Эти цифры, однако, отражают лишь организованный поток, проходивший через каналы Земельного общества. Параллельно (и в существенно больших масштабах) шла стихийная миграция. Прежде всего в Восточную Пруссию переселялись жители территорий, утраченных по Версальскому мирному договору. По расчетам Ф. Манна, общий

⁴⁶⁰ *Siehr E.L.* Op. cit. Bl. 79–80.

⁴⁶¹ *Siedlung und Arbeiterfrage in Ostpreussen // Deutsche Allgemeine Zeitung.* 1920. 12. Juni (Abendausgabe). S. 4.

миграционный прирост в Восточной Пруссии в 1919–1923 гг. составил около 32 тыс. человек⁴⁶². Однако, по оценкам исследователей, в большинстве своем это были переселенцы из провинций, отторгнутых от Германии после войны, организовать переселение из западных или центральных областей страны так и не удалось. Когда во второй половине 1920-х годов в провинцию перестали переезжать выходцы с бывших германских земель, ситуация вернулась к чистой убыли населения⁴⁶³.

Как следует из источников, несмотря на импульс и первоначальную государственную поддержку, в 1919–1923 гг. переселенцы в Восточной Пруссии были фактически брошены на произвол судьбы: они столкнулись с нехваткой строительных материалов, подорожанием удобрений, дефицитом рабочей силы. Высокие цены на стройматериалы и строительные работы вынуждали их самостоятельно организовывать возведение жилых домов и сельскохозяйственных построек низкого качества, которые периодически разрушались. Неблагоприятным фактором являлась и политическая неопределенность в приграничных районах, снижавшая готовность переселенцев закрепляться в этих зонах.

Новой проблемой стало стремление переселенцев увеличить свои участки, которое проявлялось уже через короткое время после их заселения и нередко выходило за рамки предусмотренных законом возможностей. Значительная часть переселенцев рассматривала первоначально полученный участок не как экономически состоятельное хозяйство, а как временный этап, предполагающий последующее расширение земельной площади на льготных условиях. В результате Земельное общество сталкивалось с массовыми запросами на расширение участков, что усиливало социальную напряженность в сельской местности и подрывало исходную логику внутренней колонизации.

⁴⁶² *Hertz-Eichenrode D.* Op. cit. S. 107 (Anmerkung 34).

⁴⁶³ *Ibid.* S. 108.

Категория переселенцев	Период				
	Апрель 1918 – март 1919	Апрель 1919 – март 1920	Апрель 1920 – март 1921	Апрель 1921 – март 1922	Апрель 1922 – март 1923
Выходцы из Восточной Пруссии (чел.)	19 ⁴⁶⁴	91	68	240	201
Выходцы из других районов Германии (чел.)		17	45	94	329
Репатрианты (чел.)		41	20	21	9
Всего:	19	149	133	355	539

Таблица 3. Количество переселившихся в восточнопруссские сельские районы при поддержке Восточнопруссского земельного общества в 1918–1923 гг.⁴⁶⁵

Развитие сельского хозяйства в Восточной Пруссии в исследуемый период носило противоречивый характер. С одной стороны, провинция на протяжении многих десятилетий сохраняла аграрную специализацию, а сельское хозяйство, хотя и испытывало периодические кризисы, в целом стабильно функционировало и продолжало воспроизводиться. С другой — война обострила накопившиеся ранее структурные проблемы — дефицит рабочей силы, высокую закредитованность хозяйств и так далее. Послевоенное восстановление не сопровождалось целенаправленной модернизацией: временную стабилизацию обеспечили внешние факторы, прежде всего инфляция, которая позволила землевладельцам всех рангов избавиться от долговых обязательств.

⁴⁶⁴ В этот отчетный период переселенцы не были разделены по местам выхода.

⁴⁶⁵ Таблица составлена на основе ежегодных отчетов Восточнопруссского земельного общества, см.: Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom 1. April 1918 bis 31. März 1919. Königsberg, 1919. S. 14; Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom 1. April 1919 bis 31. März 1920. Königsberg, 1920. S. 11; Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom 1. April 1920 bis 31. März 1921. Königsberg, 1921. S. 9; Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Geschäftsbericht 1921/1922. Königsberg, 1922. S. 3; Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom 1. Januar bis 31. Dezember 1924. Königsberg, 1925. S. 10. Важно, что в данной таблице отражены только собственники, с которыми были заключены контракты, без учета их семей.

В этих условиях сельское хозяйство провинции на уровне рейха и Пруссии не воспринималось как сфера, требующая активной государственной поддержки. Доминировало представление о том, что аграрный сектор провинции в целом жизнеспособен и даже успешен. Эта мысль особенно ярко проявилась в речи рейхсканцлера В. Куно, которую он произнес на Восточной ярмарке в Кёнигсберге в июне 1923 г.: «Сельскохозяйственная выставка в рамках Восточной ярмарки произвела на меня особенно сильное впечатление, она продемонстрировала масштаб свершений, достигнутых немецкими руками, и богатство той продукции, в которой так нуждается экономика страны. Восточная Пруссия в своем хозяйственном развитии независима от рейха и может полностью полагаться на собственные силы»⁴⁶⁶.

Модернизация, возвращение к довоенным показателям и тем более рост этих показателей — все это было неактуально, так как вследствие создания «польского коридора» усложнилась логистика — восточнопруссские фермеры не могли на равных конкурировать с аграриями из других районов страны. Соответственно, государственная политика была ориентирована не на экономическое развитие, а на внутреннюю стабилизацию сельскохозяйственных районов провинции.

2.3. Восточная немецкая ярмарка как площадка для диалога между центром и периферией

В конце XIX — начале XX в. Восточная Пруссия занимала важное место в системе региональной торговли. Особое значение имели российско-германские экономические связи: с 1870-х гг. и вплоть до начала Первой мировой войны Германия стабильно занимала первое место среди внешнеторговых партнеров Российской империи. Наибольшие выгоды от двустороннего сотрудничества получал портовый Кёнигсберг: до трех четвертей морского вывоза из провинции составляли транзитные товары

⁴⁶⁶ BArch. R 43-I/1851. Bl. 25. Eine Kanzlerrede in Königsberg. 25. Juni. 1923.

русского происхождения⁴⁶⁷. Особая роль германских портов была закреплена и на дипломатическом уровне. Согласно дополнительной конвенции к договору о торговле и мореплавании между Россией и Германией (1894 г.), порты Данциг, Кёнигсберг и Мемель могли на выгодных условиях конкурировать с балтийскими портами России⁴⁶⁸. Вместе с тем через территорию провинции осуществлялся и встречный товаропоток в Россию: через Кёнигсберг поступали промышленные изделия, машины, искусственные удобрения и иные товары⁴⁶⁹. Тем самым до 1914 г. за Восточной Пруссией закрепились роль важного транзитного узла в системе регионального товарообмена.

Традиционной площадкой для расширения торговых связей в этот период были ярмарки. На ярмарках встречались производители и крупные заказчики, демонстрировалась новая продукция, устанавливались деловые контакты. Идея организовать крупную ярмарку в Кёнигсберге появилась еще до войны. Уже тогда в местной прессе высказывалась мысль о превращении города в важный ярмарочный центр северо-восточной Германии, предполагалось организовать масштабную ярмарку, на которой были бы продемонстрированы достижения германской промышленности⁴⁷⁰.

Начало мировой войны привело к разрыву сложившихся в регионе торговых связей, Кёнигсберг утратил роль центра транзитной торговли. Вместе с тем германские политические и экономические элиты первоначально рассчитывали, что в условиях формирования Брестской системы, предполагавшей сохранение германского влияния на Востоке, Восточная Пруссия сможет обрести новую роль в рамках колонизации и хозяйственного освоения территорий Обер Оста — от Балтийского моря до Беларуси⁴⁷¹.

⁴⁶⁷ Костяшов Ю.В. Восточная Пруссия в экономическом, общественном и культурном пространстве России во второй половине XIX — начале XX века // *Acta Historica Universitatis Klaipedensis*. 2012. Т. 24. С. 60.

⁴⁶⁸ *Siehr E.L.* Op. cit. Bl. 451.

⁴⁶⁹ Костяшов Ю.В. Восточная Пруссия... С. 62; *Siehr E.L.* Op. cit. Bl. 452.

⁴⁷⁰ Die Messe // *Königsberger Hartungsche Zeitung*. 1920. 22. Februar. S. 1.

⁴⁷¹ См. подробнее: Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М., 2017. С. 284–287.

Поражение Германии в войне и Ноябрьская революция положили конец этим планам. Закрепленные в Версальском мирном договоре условия радикально изменили геополитическое и экономическое положение провинции: в результате создания «польского коридора» она оказалась отделена от основной территории Германии, воссоздание польской и литовской государственности привело к появлению новых границ и таможенных барьеров. В результате прежняя система трансграничной торговли была окончательно разрушена.

Идея о том, что в условиях «диктата Версаля» провинция должна восстановить экономические связи с восточными соседями, появилась еще до подписания мирного договора со странами Антанты в первой половине 1919 г. Так, в конце мая 1919 г. в «Кёнигсбергер Хартунгше Цайтунг» была опубликована статья публициста Эдмунда Зуземиля «Предстоящая экономическая война за российские рынки», в которой автор обосновывал необходимость проникновения германского капитала на рынки так называемых «лимитрофных государств», возникших на месте Российской империи⁴⁷². По мнению Э. Зуземиля, Германия должна была как можно быстрее инвестировать в новые государственные образования, чтобы не допустить повторения ситуации 1890-х гг., когда российская промышленность ориентировалась прежде всего на английский, французский и бельгийский капиталы.

В сложившихся условиях одним из инструментов преодоления кризиса и восстановления статуса Кёнигсберга как центра региональной торговли стала организация ярмарок. Кёнигсбергские текстильщики предложили организовать ярмарку образцов собственной продукции. В этот период ярмарки возникали в разных частях Европы, они были призваны оживить утраченные в годы войны торговые связи. Так, в начале 1920-х гг. возникли

⁴⁷² *Susemihl E. Zum bevorstehenden wirtschaftlichen Kampf um die rußländischen Märkte // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1919. 31. Mai. S. 3; о Зуземиле см. подробнее: Баринов И.И., Горный А.С. Эдмунд Зуземиль и белорусское национальное движение в межвоенный период: новые документы // Беларускі археографічны штогоднік. 2020. Вып. 21. С. 131–142.*

ярмарки в Хельсинки (1920), Познани (1921), Львове (1921). Всего на 1920 г. в Германии было запланировано провести 25 ярмарок⁴⁷³, для сравнения: в 1919 г. было проведено 11 ярмарок⁴⁷⁴.

Первоначально германские власти довольно сдержанно отнеслись к инициативе текстильщиков. В условиях послевоенного кризиса власти были заняты решением более насущных экономических и политических проблем. Хотя на церемонии открытия ярмарки текстиля и присутствовали обер-президент А. Винниг, обер-бургомистр Г. Ломайер и другие провинциальные чиновники, предприятие не имело государственной финансовой поддержки. Требование поддержать организацию ярмарки не прозвучало и на первой «Восточнопрусской конференции» в марте 1920 г. В целом, февральская ярмарка имела довольно скромный характер: неблагоприятное воздействие оказали транспортные трудности, связанные с пересечением «польского коридора» — многие экспоненты не смогли приехать с основной территории Германии. Кроме того, в эти же дни проходила ярмарка в Данциге — часть потенциальных участников предпочла продемонстрировать свои товары там.

Однако уже в апреле 1920 г. восточнопрусские элиты, по-видимому, осознали, что в условиях, когда многие провинциальные требования «увязают» в берлинской бюрократии, Восточная немецкая ярмарка (Остмессе) обладает бóльшим потенциалом для получения поддержки от центра. Это был наглядный и понятный инструмент экономической мобилизации, не требовавший сложных обоснований. Главным лоббистом проекта был Г. Ломайер, он заручился поддержкой со стороны Кёнигсбергской торгово-промышленной палаты и составил письмо Э. Зиру, чтобы тот добился поддержки со стороны рейха и Пруссии. Всего требовалось 1,5 млн марок, две трети суммы готовы были предоставить городская администрация и провинциальные предприниматели, оставшуюся часть, как ожидалось, должны были выделить рейх и Пруссия⁴⁷⁵.

⁴⁷³ BArch. R 43-I/1178. Bl. 75. Geplante Ausstellungen und Messen 1920.

⁴⁷⁴ Ibid. Bl. 38. Verzeichnis der Messen des Jahres 1919.

⁴⁷⁵ Borm A. Op. cit. S. 91.

Основная аргументация при переговорах с центральными властями, по идее Г. Ломайера, строилась на том, что ярмарка «будет способствовать экономическому развитию Восточной Пруссии и укреплению связей между провинцией и рейхом»⁴⁷⁶. Э. Зир всецело поддержал проект и конкретизировал аргументацию обер-бургомистра. По его мнению, Остмессе должна была, с одной стороны, стать площадкой для взаимодействия западногерманских промышленников и восточногерманских аграриев, формируя своеобразный «экономический мост» через «польский коридор». С другой стороны, Остмессе имела и внешнеэкономическое значение, она должна была открыть германским производителям путь на рынки государств-лимитрофов⁴⁷⁷. В апреле 1920 г. во время своего первого выступления в провинциальном ландтаге он приветствовал проект ярмарки как инструмент для демонстрации достижений сельского хозяйства Восточной Пруссии⁴⁷⁸.

Первые трудности ожидали проект на уровне правительства Пруссии, когда Э. Зир обратился к прусскому министру торговли и ремесел с просьбой о поддержке Остмессе в размере 500 тыс. марок. В министерстве в целом выразили готовность содействовать инициативе, однако министр указал на общие неблагоприятные условия: в послевоенной Германии ярмарки учреждались повсеместно, это вело к раздроблению ярмарочного дела и угрожало уже подтвердившим свою эффективность крупным ярмаркам в Лейпциге и Франкфурте-на-Майне⁴⁷⁹.

В ответ на это обер-президент развернуто обосновал необходимость создания крупной ярмарки и в Кёнигсберге. Он указал на то, что ухудшение транспортного сообщения с остальной территорией Германии угрожает снабжению провинции, а оснащение восточнопрусских аграриев произведенной на западе сельскохозяйственной техникой поможет не только

⁴⁷⁶ Ibid.

⁴⁷⁷ Siehr E.L. Op. cit. Bl. 69–70.

⁴⁷⁸ APO. Zespol 1088, sygn. 938. L. 6–7. Eröffnungssitzung. Königsberg, im Landeshaus, am 19. April 1920. Ansprache von Oberpräsident Ernst Siehr.

⁴⁷⁹ Borm A. Op. cit. S. 92.

обезопасить провинцию, но и вернуть ей статус «житницы рейха»⁴⁸⁰. Подчеркивалось, что не идет и речи о конкуренции с крупными общегерманскими площадками: Остмессе будет иметь особую специализацию — установление торговых отношений с восточноевропейскими странами⁴⁸¹.

Аргументация отчасти возымела действие: в июле 1920 г. прусское правительство согласилось на единовременную субсидию в размере 100 тыс. марок. Принципиальную поддержку ярмарке выразил и прусский министр внутренних дел Карл Северинг⁴⁸², однако на первом этапе надежды на финансовую поддержку центра не оправдались.

Оргкомитет ярмарки использовал визит рейхсминистра внутренних дел Эриха Кох-Везера в Кёнигсберг для укрепления позиций проекта на уровне рейха. Министр и однопартиец Э. Зира по НДП выразил заинтересованность и пообещал поддержку, однако его слова не подкрепились действиями: финансовой поддержки не последовало.

Вскоре ситуация осложнилась из-за вынужденного переноса сроков проведения ярмарки с 15–20 августа на 26 сентября — 1 октября. Перенос был вызван забастовкой транспортных рабочих и означал дополнительные расходы в размере 500–600 тыс. марок и снижение доходов. Это побудило руководство ярмарки обратиться в министерство финансов рейха с просьбой о срочном перечислении 250–300 тыс. марок⁴⁸³. Министр финансов, ссылаясь на напряженное состояние бюджета и приоритет западных регионов (Рейнской области и Рура), отказал в поддержке, предложив изыскать финансирование на уровне Пруссии или провинции⁴⁸⁴. Перелом наступил лишь после вмешательства рейхсминистра экономики Эрнста Шольца, который добился согласования с финансовым ведомством ассигнования в размере 500 тыс.

⁴⁸⁰ Ibid.

⁴⁸¹ Ibid. S. 92–93.

⁴⁸² Deutsche Ostmesse Königsberg // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1920. 1. August. S. 6.

⁴⁸³ В Веймарской республике министерство финансов (Reichsfinanzministerium) отвечало за фискальную политику (бюджет, налоги, долги, инфляцию), в то время как министерство экономики фокусировалось на общей экономической регуляции.

⁴⁸⁴ Borm A. Op. cit. S. 94.

марок. Подчеркивалось, что субсидия выделяется с учетом исключительного значения мероприятия.

Выделение средств, видимо, связано с изменением восприятия самой ярмарки на правительственном уровне. Если рейхсминистр финансов и прусский министр торговли и ремесел, отказывая в поддержке, исходили прежде всего из прагматических соображений об экономии бюджетных средств, то Э. Кох-Везер и Э. Шольц увидели в ярмарке инструмент для демонстрации внимания центральной власти по отношению к Восточной Пруссии. Вскоре на заседании кабинета министров рейха 17 сентября министр экономики рекомендовал, чтобы рейхспрезидент и рейхсканцлер отправились на ярмарку в Кёнигсберг, а не во Франкфурт-на-Майне или Лейпциг. Поездка рейхспрезидента на восток казалась целесообразнее⁴⁸⁵. Двадцать второго сентября в берлинских газетах было объявлено, что Немецкую восточную ярмарку посетят рейхспрезидент, министр-президент Пруссии, прусский министр торговли и ремесел Отто Фишбек⁴⁸⁶.

Мероприятие рассматривалось как определенного рода рекламная акция. По приглашению «Морской службы Восточной Пруссии» представители центральных ведомств отправились в провинцию на пароходе «Герта». Они отбыли из Свинемюнде, на борту также находились тайные советники из различных министерств, литовские и финские дипломаты, представители германских деловых кругов⁴⁸⁷. Решение организовать поездку морским путем можно объяснить практическими обстоятельствами. Забастовка транспортных рабочих завершилась лишь 21 сентября⁴⁸⁸. Кроме того, возможно, что высокопоставленные гости таким образом стремились избежать проезда через «польский коридор» и связанных с этим унижительных

⁴⁸⁵ BArch. R 43-I/1359. Bl. 180f. Protokoll über die Sitzung des Reichsministeriums vom 17. September 1920 im Reichskanzlerhause.

⁴⁸⁶ Besuch der Ostmesse durch den Reichspräsidenten // Berliner Börsen-Zeitung. 1920. 22. September (Abendausgabe). S. 1.

⁴⁸⁷ Auf der Fahrt zur ersten deutschen Ostmesse. Ostsee an Bord des Dampfers „Hertha“, 24. Sept. // Berliner Börsen-Zeitung. 1920. 25. September. S. 1.

⁴⁸⁸ Ende des Stettiner Transportarbeiterstreiks // Paderborner Anzeiger. 1920. 21. September. S. 3.

процедур польского пограничного и таможенного контроля. С другой стороны, выбор морского маршрута придавал визиту демонстративный характер и превращал его в своеобразную политико-пропагандистскую акцию.

Кульминацией мероприятия стала речь Ф. Эберта на открытии ярмарки 26 сентября, в которой он подчеркнул не только экономическое, но и политическое значение ярмарки. В этой речи обнаруживается множество перекличек с процитированным ранее письмом Э. Зира. Рейхспрезидент заявил, что Остмессе должна засвидетельствовать достижения немецкого труда и предприимчивости, продемонстрировать стремление провинции к лучшему будущему. Он категорически отверг возможность ослабления торговых и любых других связей между провинцией и рейхом: «На верность, столь убедительно проявленную жителями Восточной Пруссии, рейх ответит взаимностью. Рейх всегда будет рядом с Восточной Пруссией»⁴⁸⁹.

Видимо, под демонстрацией верности подразумевались триумфальные для немцев результаты проведенного в июле плебисцита в южной части провинции. Речь Эберта была встречена аплодисментами, ее перепечатали многие провинциальные и общегерманские газеты.

В последующие годы представители центральных ведомств продолжали использовать Остмессе для демонстрации внимания и поддержки со стороны рейха по отношению к Восточной Пруссии. Присутствие на ярмарке министров и других высокопоставленных чиновников позволяло публично подчеркнуть заинтересованность правительства рейха в экономическом развитии провинции и тем самым ежегодно символически подтверждать сохранение связи между «немецким островом в славянском море» и остальной территорией Германии.

В августе 1921 г. ярмарку снова посетили представители ведомств уровня рейха и Пруссии. С приветственным словом выступил прусский министр внутренних дел Александр Доминикус. Он был знаком с Г.

⁴⁸⁹ Eröffnung der Ostmesse. Der Reichspräsident an die Ostpreußen // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1920. 27. September. S. 1.

Ломайером, поскольку ранее они вместе работали в управлении берлинского округа Шёнеберг. В этой речи министр, представлявший не только Пруссию, но и рейх, признал предприимчивость кёнигсбергских торговых кругов, сумевших создать Остмессе в сложных послевоенных условиях. При этом он подчеркнул особое значение поддержки провинции со стороны центра: «Именно потому, что мы разделены пространством, правительство чувствует себя обязанным как можно крепче связать узы и помогать Восточной Пруссии»⁴⁹⁰. Обер-президент Зир поблагодарил министра за визит и отметил поддержку ярмарки со стороны властей рейха и Пруссии, а Г. Ломайер поблагодарил прессу за освещение и рекламу ярмарки⁴⁹¹.

В следующем году на ярмарке не было рейхсканцлера или рейхспрезидента, однако уровень представительства центральных и земельных ведомств оставался исключительно высоким. По данным руководства ярмарки, о своем намерении приехать заявили министр финансов, представители МИД и министерства транспорта⁴⁹². От правительства Пруссии присутствовали министр-президент О. Браун и министр сельского хозяйства Вендорф⁴⁹³. Также в Кёнигсберг приехали такие высокопоставленные чиновники, как президент экономического совета рейха Эдлер фон Браун⁴⁹⁴ и президент рейхстага Пауль Лёбе⁴⁹⁵. Не оставил без внимания событие и Ф. Эберт: он направил приветственную телеграмму, в которой пожелал успеха Остмессе⁴⁹⁶.

В 1923 г. на открытии сельскохозяйственной выставки в рамках Восточной ярмарки с речью выступил рейхсканцлер В. Куно — беспартийный

⁴⁹⁰ Der Beginn der Deutschen Ostmesse // Berliner Börsen-Zeitung. 1921. 17. August. S. 5; Die Königsberger Messe // Hannoverscher Kurier. 1921. 19. August. S. 3.

⁴⁹¹ Von der Deutschen Ostmesse. Ein internationaler Abend // Berliner Börsen-Zeitung. 1921. 19. August. S. 1; Die Königsberger Messe // Hannoverscher Kurier. 1921. 19. August. S. 3.

⁴⁹² Mitteilungen des Messeamtes // Ostpreußische Zeitung. 1922. 15. August. S. 5.

⁴⁹³ Die 5. Königsberger Ostmesse // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1922. 16. August. S. 1.

⁴⁹⁴ Worgitzki M. Fünfte Deutsche Ostmesse // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1922. 17. August. S. 1.

⁴⁹⁵ Mitteilungen des Messeamtes // Ostpreußische Zeitung. 1922. 15. August. S. 5.

⁴⁹⁶ Ebert und die Ostmesse // Kölnische Zeitung. 1922. 14. August (Abendausgabe). S. 5.

политик и видный предприниматель, главным его принципом был примат экономики над политикой⁴⁹⁷. В речи он акцентировал внимание на хозяйственной самодостаточности Восточной Пруссии. Рейхсканцлер подчеркивал необходимость сохранения экономических связей провинции с основной территорией рейха⁴⁹⁸. Он отмечал, что регион располагает значительными ресурсами для хозяйственного восстановления Германии и способен занять важное место в системе торговли в Восточной Европе. По словам В. Куно, Восточная Пруссия уже приспособилась к новым политическим и экономическим условиям. Провинция должна стать центром «восточной экономики», поскольку Россия и балтийские государства не смогут развиваться без германской техники и капитала. Подобная расстановка акцентов вполне отвечала мировоззрению рейхсканцлера, который рассматривал торговлю с СССР прежде всего как экономическую возможность, дистанцируясь при этом от просоветского политического курса, который, по мнению Куно, ограничивал возможность получения внешних займов⁴⁹⁹. Рейхсканцлер подчеркивал особое внимание к провинции со стороны центральной власти: несмотря на тяжелую ситуацию на западе страны, «Восточная Пруссия не будет забыта»⁵⁰⁰. О содержании этой речи глава русского департамента МИД А. фон Мальцан телеграфировал послу Германии в РСФСР⁵⁰¹.

При этом в прессе консервативной направленности, южногерманских и западногерманских газетах можно найти довольно сдержанную реакцию на учреждение Остмессе и последующие ежегодные визиты высоких гостей.

⁴⁹⁷ Евдокимова Т.В. Правящая политическая элита Веймарской Германии: Вильгельм Куно // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2005. №3 (15). С. 92.

⁴⁹⁸ ВArch. R 43-I/1851. Bl. 25. Eine Kanzlerrede in Königsberg. 25. Juni. 1923.

⁴⁹⁹ Евдокимова Т.В. Правящая политическая элита... С. 90.

⁵⁰⁰ Der Reichskanzler in Königsberg // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1923. 25. Juni (Abendausgabe). S. 1.

⁵⁰¹ Телеграмма министра-директора МИД Германии А. Мальцана послу Германии в РСФСР У. Брокдорф-Ранцау, Берлин, 25 июня 1923 г. // Советско-германские отношения 1922–1925 гг.: документы и материалы. Ч. 1. 1922–1924 гг. М., 1977. С. 178–179.

В частности, в 1920 г. один из авторов, реагируя на речь Ф. Эберта на открытии Остмессе, отметил, что ярмарка «не сможет рассеять сгустившиеся над провинцией темные тучи», разрешить главную экономическую проблему провинции — противоречие между интересами сельскохозяйственных производителей и широких слоев населения⁵⁰².

Скептически о реализации идеи Остмессе отзывался и автор статьи в «Кёльнише Цайтунг». Он отмечал, что ожидания, связанные с быстрым превращением ярмарки в центр восточноевропейской торговли, являются слишком оптимистичными. В работе Остмессе преобладают разовые сделки, которые, однако, не ведут к установлению долговременных экономических связей с восточноевропейскими странами. Автор подчеркивал, что ярмарка в значительной степени обеспечивает внутренние потребности Кёнигсберга и Восточной Пруссии, сохраняет изолированный характер⁵⁰³.

Еще большей критикой на Остмессе отреагировала южногерманская пресса. Один из авторов «Зюддойче Цайтунг» писал в 1920 г., что «некомпетентное красное прусское правительство» утратило всякую привлекательность и теперь готово поддерживать любые самостоятельные провинциальные проекты. Особо показателен, по мнению автора, «провальный проект Остмессе»: ожидалось, что ярмарка оживит торговлю с соседями в Восточной Европе, возродит роль Кёнигсберга как транзитного узла, вместо этого ярмарка лишь продемонстрировала глубину экономического кризиса. Автор статьи увидел в проекте Остмессе не столько реальный инструмент восстановления региональной торговли («значение кёнигсбергского порта исчерпано»), сколько симптом ослабления централизованного управления: провинции, по его мнению, были вынуждены самостоятельно искать решение экономических проблем, а Берлин

⁵⁰² Ostpreußens Wirtschaftsleben // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1920. 13. Oktober (Abendausgabe). S. 3.

⁵⁰³ Die Deutsche Ostmesse in Königsberg // Kölnische Zeitung. 1921. 18. August (Abendausgabe). S. 10.

превратился в своеобразную «расчетную палату», координирующую обмен ресурсами, но уже не определяющую экономическую политику⁵⁰⁴.

Выводы современников соотносятся и с позицией немецких историков, которые хотя и несколько гиперболизируют значение первой Остмессе, но все же признают, что, несмотря на амбициозные задачи и заявленную международную направленность, первая Остмессе действительно имела провинциальный характер⁵⁰⁵. Большинство экспонентов и покупателей происходили из Восточной Пруссии, главные внешнеторговые сделки были заключены с представителями Литвы, Данцига и Мемельского края. Всего было оформлено контрактов на 633 450 марок⁵⁰⁶: руководство ярмарки подчеркивало, что это не полная статистика и что часть договоров была заключена уже после ее закрытия и не вошла в официальные отчеты. Общий объем внешнеторговых операций и в последующие годы оставался сравнительно скромным. Влияли и неблагоприятные макроэкономические и политические условия начала 1920-х гг.: нестабильность валютного курса, колебания доллара и марки, французская оккупация Рурской области, литовская оккупация Мемельской области. Это отмечали и современники в главном печатном органе Остмессе — немецко-русском журнале «Восточно-Европейский Рынок» („Ost-Europa Markt“). Один из авторов писал, что постоянный рост цен и колебания на валютном рынке постоянно затрудняли заключение сделок⁵⁰⁷. В совокупности все это привело к тому, что Остмессе не соответствовала первоначально заявленным международным амбициям.

Пытаясь преодолеть это несоответствие, руководство ярмарки стремилось привлечь к участию РСФСР и другие советские республики. До 1922 г. основными иностранными партнерами ярмарки оставались балтийские государства — Литва и Латвия. Однако стратегической целью было

⁵⁰⁴ Ostpreußische Sonderwünsche // Süddeutsche Zeitung. 1920. 10. Oktober. S. 3.

⁵⁰⁵ Borm A. Op. cit. S. 108.

⁵⁰⁶ Ibid. S. 108.

⁵⁰⁷ Шестая Восточно-Германская Ярмарка в Кёнигсберге // Восточно-Европейский Рынок. Журнал по всем экономическим вопросам Германии и Восточной Европы. 1923. Март. С. 27.

привлечение советских представителей. Попытки установить контакты предпринимались уже в 1920 г., когда руководство ярмарки пригласило в Кёнигсберг советского представителя в Германии Виктора Коппа, однако об официальном приглашении речи не шло⁵⁰⁸, т. к. продолжалась Советско-польская война, в которой Германия публично последовательно отстаивала свой нейтралитет. После заключения в 1921 г. германо-советского торгового соглашения на ярмарку был приглашен генеральный секретарь советского торгового представительства в Берлине Я. Пипер. Примечательно, что ведомства рейха играли в этом процессе довольно пассивную роль, главная инициатива исходила из Кёнигсберга. Косвенно, однако, активизации торговых связей способствовала большая политика — 16 апреля 1922 г. был заключен Рапалльский договор. Это должно было создать благоприятные условия для германо-советского экономического сотрудничества.

В результате этих политических и организационных усилий в пятой Восточнонемецкой ярмарке в августе 1922 г. приняла участие РСФСР. В том же году в Кёнигсберге был создан Экономический институт для сношений с Россией и восточноевропейскими государствами, занимавшийся исследовательской и издательской деятельностью, направленной на развитие контактов с СССР. Помимо этого, представительство Остмессе было открыто в Москве. Советским участникам предоставлялись значительные льготы. Эти меры быстро дали результат: уже в 1923 г. советская экспозиция, подготовленная Народным комиссариатом внешней торговли, заняла целый павильон на Остмессе⁵⁰⁹.

Тем не менее для советского руководства кёнигсбергская ярмарка оставалась скорее региональной торговой площадкой, чем ключевым каналом взаимодействия с Германией. Экономическая политика СССР в первой половине 1920-х гг. была ориентирована прежде всего на получение

⁵⁰⁸ *Shindo R.* Op. cit. S. 544.

⁵⁰⁹ *Костяшов Ю.В.* Русские на Восточной ярмарке в Кёнигсберге // Слово.ру: балтийский акцент. 2011. Т. 2. № 3–4. С. 174–175.

промышленной продукции — машин и оборудования, а также товаров химической промышленности. Все это производилось не в Восточной Пруссии, а в индустриальных районах западной и центральной Германии. Периферийная восточная провинция с аграрной экономикой и ограниченной промышленной базой играла для советской стороны второстепенную роль. Более того, как подчеркивал в 1924 г. народный комиссар внешней торговли Леонид Красин, торговые отношения с Германией в целом не рассматривались Москвой как безальтернативные: советский экспорт мог быть переориентирован на другие европейские рынки, а необходимую промышленную продукцию предполагалось закупать и в других странах⁵¹⁰.

Несмотря на это, центральные ведомства на протяжении первых лет существования Остмессе продолжали выделять деньги и поддерживать проект. Примечательно, что поддержка осуществлялась не в рамках программ, а в виде единовременных выплат. Так, поддержка ярмарки не была предусмотрена в рамках «Восточнопрусской программы»⁵¹¹. В ноябре 1920 г. при обсуждении бюджета в рейхстаге было решено выделить дополнительные средства. В ходе дебатов по бюджету министерства экономики развернулась дискуссия о самой модели выставочной политики: следует ли концентрировать ресурсы на одной, самой крупной, ярмарке или поддерживать несколько специализированных ярмарок. Высказывалась точка зрения, что целесообразно существование лишь одной ярмарки, однако многие депутаты аргументированно высказались против этого. Подчеркивалось, что Кёнигсберг, Кёльн, Франкфурт-на-Майне выполняют различные экономические функции и ориентированы на разные внешние рынки. В итоге было одобрено выделение средств для Остмессе, а также был одобрен единовременный взнос в размере 7,5 млн марок при условии соразмерного участия прусского правительства⁵¹².

⁵¹⁰ Выступление народного комиссара внешней торговли СССР Л.Б. Красина на XIII съезде РКП(б), 26 мая 1924 г. // Советско-германские отношения... С. 297–298.

⁵¹¹ BArch. R 43-I/1851 Bl. 100. Das Ostpreußenprogramm. Zusammenstellung der von den Reichsressorts zugunsten als Ostpreußenprogramms in Angriff genommenen Aufgaben, Anlage zum Schreiben des Reichsministers des Innern von 4.12.1923.

⁵¹² Verhandlungen des Reichstages. I. Wahlperiode 1920. Bd. 368. Anlagen zu den

Поддержка продолжилась и в последующие годы, чего нельзя сказать о других ярмарочных проектах, например, о ярмарке во Франкфурте-на-Майне⁵¹³. Вскоре после проведения первой Остмессе было принято решение о создании постоянной инфраструктуры: на Кайзер-Вильгельм-Дамм под руководством архитектора Ганса Хоппа был построен целый ярмарочный квартал с выставочными павильонами. Значительная часть средств на его строительство, хотя и не без проволок, была выделена центральными ведомствами рейха и Пруссии, что свидетельствовало о сохранявшейся государственной поддержке проекта⁵¹⁴.

Когда в начале 1922 г. над финансированием нависла угроза, член рейхсрата В. фон Гайль в ходе обсуждений дотаций ярмаркам ходатайствовал о продлении дотаций Остмессе. Он заявил, что поддержка кёнигсбергской ярмарки в предыдущие годы была с благодарностью воспринята всеми заинтересованными кругами⁵¹⁵, а «важные задачи, которые ярмарка призвана выполнять на благо рейха и самой провинции», требуют чрезвычайных расходов, которые руководство ярмарки не в состоянии нести в одиночку⁵¹⁶.

Таким образом, если исходить из прагматических экономических показателей, Остмессе в 1920–1923 гг. оставалась в значительной степени провинциальным проектом. Масштабы заключаемых сделок и география участников не соответствовали первоначально заявленным международным амбициям. На этом фоне кажется чрезмерным то внимание, которое власти уделяли Остмессе. Это объясняется тем, что для представителей центральных ведомств значение Остмессе выходило далеко за рамки собственно коммерческого оборота и расширения торговых связей. В условиях постоянных жалоб на экономическую ситуацию в провинции, провала

Stenographischen Berichten. Nr. 2254 bis 2628. Berlin, 1924. S. 1331.

⁵¹³ Франкфуртской ярмарке правительство в поддержке отказало, см.: BArch. R 43-I/1359. Bl. 415f. Protokoll über die Sitzung des Reichsministeriums vom 28. September 1920 nachm. 3 ½ Uhr im Reichskanzlerhause.

⁵¹⁴ Borm A. Op. cit. S. 111–112.

⁵¹⁵ Nichtamtliches. Deutsches Reich // Deutscher Reichsanzeiger und Preußischer Staatsanzeiger. 1922. 13. Januar. S. 1.

⁵¹⁶ Ibid.

«Восточнопрусской программы» и наличия в провинции непокорных консервативных элит ярмарка, не требовавшая согласования на разных уровнях берлинской бюрократии и чрезмерных дотаций, должна была стать наглядной демонстрацией того, что рейх не оставляет Восточную Пруссию на произвол судьбы. Поддержка мероприятия на государственном уровне и участие высших должностных лиц придавали ярмарке важное символическое и политическое значение. Это, однако, не решало тех структурных экономических проблем, с которыми столкнулась провинция после Первой мировой войны, и не могло компенсировать последствия ее географической изолированности и разрыва прежних хозяйственных связей.

Глава 3. Восточнопрусский фактор во внешней политике Германии

3.1. Восточнопрусский транзит через «польский коридор»: между большой дипломатией и региональными интересами

В результате разделов Речи Посполитой в XVIII в. в составе Пруссии оказалась территория Поморья⁵¹⁷, соединившая разделенные ранее части прусского государства. Наряду с немцами здесь проживали поляки и кашубы, что в дальнейшем стало источником споров в польско-германских отношениях⁵¹⁸. Роман Дмовский, представлявший Польшу на Парижской мирной конференции, писал, что если бы Восточная Пруссия не была отделена от основной германской территории, то «Польша, лишенная доступа к морю, окруженная на севере и западе германскими владениями, была бы в экономическом и военном отношении полностью зависима от Германии и не имела бы возможности сопротивляться германской политике»⁵¹⁹.

В территориальном споре важное значение имела позиция представителей держав Антанты. Хотя все были согласны, что Польша так или иначе должна получить выход к Балтийскому морю, позиции стран-победительниц не во всем совпадали. Так, французский премьер-министр Жорж Клемансо выступал за максимальное ослабление Германии, а глава британского правительства Дэвид Ллойд Джордж видел в Германии важный

⁵¹⁷ Поморье (Померания) — историческая территория на южном побережье Балтийского моря, простирающаяся от р. Одер на западе до р. Вислы на востоке. В результате разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795 гг.) эта территория была включена в состав Прусского королевства (в рамках провинций Померания и Западная Пруссия).

⁵¹⁸ См. подробнее: *Donald R. The Polish Corridor and the Consequences*. London, 1929. P. 22–24.

⁵¹⁹ *Dmowski R. Polityka Polska i odbudowanie państwa*. Cyfrowa Biblioteka Myśli Narodowej. S. 205. URL: <https://cbmn.pl/uploads/ebooks/Roman%20Dmowski%20-%20Polityka%20polska%20i%20odbudowanie%20pa%C5%84stwa.pdf> (дата обращения: 03.01.2026); см. также: *Gerson L. Woodrow Wilson and the Rebirth of Poland 1914–1920*. London, 1953. P. 98.

противовес Франции и, соответственно, был против чрезмерного усиления Польши⁵²⁰. Американская делегация на Парижской мирной конференции занимала более гибкую и в некоторой степени противоречивую позицию. С одной стороны, В. Вильсон последовательно поддерживал идею предоставления Польше «свободного и надежного доступа к морю» (в соответствии с «14 пунктами»⁵²¹), однако конкретное содержание этого принципа первоначально трактовалось весьма ограничительно. На раннем этапе переговоров предполагалось, что речь может идти не о передаче Польше прибрежных территорий, а о создании нейтральной зоны в нижнем течении Вислы и предоставлении Польше возможности торговли через Данциг. Лишь в ходе дальнейших дискуссий и под напором польской дипломатии американская позиция эволюционировала в сторону признания необходимости полноценного выхода Польши к Балтийскому морю⁵²².

Естественно, что возможная утрата части Померании сильно беспокоила германские политические круги. Это означало не только значительные территориальные потери, но угрожало и коммуникации с Восточной Пруссией. Однако, по мысли парижских «миротворцев», беспрепятственное сообщение восточной провинции с основной территорией рейха должно было быть обеспечено посредством свободного транзита, механизм которого еще предстояло разработать.

Таким образом, проблема восточнопрусского транзита имела сразу два уровня — международный и внутрисполитический. Динамика событий на каждом из них оказывала непосредственное влияние на другой. В результате вопрос об организации транзита превратился в один из ключевых элементов

⁵²⁰ Колмагоров К.Н. Великобритания и вопрос о северо-западных границах Польши на Парижской мирной конференции // Балтийский регион в международных отношениях в Новое и Новейшее время. Калининград, 2004. С. 125; Позднякова И.И. Проблема Польского коридора на Парижской мирной конференции // Славянский мир: общность и многообразие. М., 2020. С. 123.

⁵²¹ Wilson W. Fourteen Points (1918). URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/president-woodrow-wilsons-14-points> (дата обращения: 20.03.2026).

⁵²² Зубачевский В.А. Борьба между Германией и Польшей за Поморье в ноябре 1918 — январе 1920 гг. // Советское славяноведение. 1986. № 3. С. 7–9.

не только германской внешней политики, но и взаимодействия между центральными берлинскими ведомствами и восточнопрусскими элитами.

В конце марта 1919 г. министерство внутренних дел инициировало совещание экспертов по вопросам германского востока⁵²³. Восточнопрусскую делегацию возглавил экономист Альберт Гессе, по итогам совещания он составил конфиденциальный меморандум, направленный в правительство Пруссии⁵²⁴. В документе были обозначены пожелания представителей Восточной Пруссии относительно послевоенного устройства. В начале меморандума содержатся политические заявления, согласно которым эксперты единодушно отвергают любые территориальные притязания Польши и Литвы в Позене, Западной и Восточной Пруссии⁵²⁵. По мнению экспертов, если правительство рейха подпишет мирный договор, предполагающий территориальные уступки, то Восточная Пруссия станет «ареной ужасающей гражданской войны», а большевикам откроются «врата в западноевропейский культурный мир»⁵²⁶. После данной риторики, типичной для подобных документов этого периода, шли скрупулезные замечания на тот случай, если в регионе все-таки произойдут территориальные изменения. В частности, был прописан предполагаемый механизм транзита через польский коридор.

Эксперты придерживались мнения, что Германии необходимо сохранить в собственности железные дороги на утраченных территориях. Предполагалось, что Польша может вступить в Пруско-Гессенское железнодорожное сообщество⁵²⁷, а германская сторона «проявит

⁵²³ PAAA. RZ 201/21638. Bl. 54. Die Preußische Staatsregierung an sämtliche preußische Ministerien, den Staatskommissar für Volksernährung, Herrn Grafen Bernstorff, Grenzschutz Ost, 24.3.1919.

⁵²⁴ BArch. N 1031/10. Bl. 6–20. Zusammenstellung der Wünsche und Entschliessungen der Sachverständigen von Ostpreussen bei den Vorverhandlungen in Berlin vom 31. März bis 2. April 1919.

⁵²⁵ Ibid. Bl. 6.

⁵²⁶ Ibid.

⁵²⁷ Пруско-Гессенское железнодорожное сообщество (Preußisch-Hessische Eisenbahngemeinschaft) — объединение государственных железных дорог Пруссии и Великого герцогства Гессен на основе государственного договора от 23 июня 1896 г. Прекратило существование 1 апреля 1920 г., когда железные дороги германских земель были национализированы и переданы в ведение рейха.

уступчивость» при распределении прибыли, другой вариант — создание отдельного тарифного сообщества⁵²⁸. Далее в меморандуме были прописаны главные требования относительно организации транзита: пассажирское сообщение должно быть освобождено от паспортного контроля и досмотров, цены на билеты и транзитные тарифы не должны превышать общегерманские и так далее⁵²⁹.

Сама логика — заменить территориальные уступки экономическими гарантиями — воспроизводилась и в позиции германской мирной делегации в контексте Данцига и Мемеля⁵³⁰. Угроза разрыва традиционных экономических связей и изоляции Восточной Пруссии осознавалась как ключевой аргумент против отделения провинции от основной территории страны⁵³¹. Так, в составленных 21 апреля 1919 г. правительством рейха директивах для германских представителей на Парижской мирной конференции возможность создания «польского коридора» вовсе отвергалась. Вместо передачи Польше территорий в нижнем течении Вислы было предложено обеспечить польские интересы посредством экономических инструментов: создания зон свободной торговли в одном или нескольких портах на Балтийском море, предоставления льгот при транзитном сообщении, заключения соглашений о судоходстве по рекам⁵³². Министр Георг Готхайн предлагал удовлетворить польское стремление получить выход к морю за счет литовской территории, однако эта идея была отвергнута Р. Надольны на том же заседании («это не только не успокоило бы стремление поляков получить Данциг, но, напротив, еще больше разожгло бы их»⁵³³).

⁵²⁸ BArch. N 1031/10. Bl. 7–8. Zusammenstellung der Wünsche und Entschliessungen der Sachverständigen von Ostpreussen bei den Vorverhandlungen in Berlin vom 31. März bis 2. April 1919.

⁵²⁹ Ibid.

⁵³⁰ BArch. R 2/2551. Bl. 130–131. Telegramm der deutschen Friedensdelegation an das Auswärtige Amt zur Übermittlung an das Reichskabinett, Spa, 18.5.1919.

⁵³¹ *Hertz-Eichenrode D.* Op. cit. S. 16.

⁵³² BArch. R 43-I/1348. Bl. 548–549. Richtlinien für die deutschen Friedensunterhändler. 21.4.1919.

⁵³³ Kabinettsitzung vom 24. April 1919. 11 Uhr. [Lage im Osten] / Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik — Das Kabinett Scheidemann. URL:

За ходом переговоров пристально следили в Восточной Пруссии. В феврале 1919 г. в прессе появились слухи о возможном отделении провинции от основной территории страны⁵³⁴, со временем становившиеся все более настойчивыми. Естественно, что реакция представителей восточнопрусских элит была сугубо отрицательной. Обер-президент А. фон Батоцки писал, что территориальные уступки не только подорвут жизнеспособность провинции, но и ударят по всей Германии, так как страна потеряет «ценнейшую житницу»⁵³⁵. Эти опасения разделяли и представители социал-демократического и национал-либерального политического лагеря. Можно констатировать, что вопрос о недопустимости создания «польского коридора» между рейхом и провинцией был чуть ли не единственным, в котором все легальные партии были едины.

Недовольство в Берлине или Кёнигсберге, однако, не влияло на контуры послевоенного мироустройства. Согласно подписанному в июне 1919 г. Версальскому договору, от Германии были отделены часть Западной Пруссии (польск. Восточное Поморье) и провинция Позен, Данциг получил статус вольного города и перешел под управление Лиги Наций⁵³⁶. Эти территориальные изменения обеспечили Польше выход к Балтийскому морю и привели к формированию между двумя частями Германии «польского коридора»⁵³⁷. Польша была обязана обеспечивать свободу транзита для лиц, товаров и различных средств транспорта, следовавших между Восточной Пруссией и остальной территорией Германии (ст. 89 Версальского мирного

https://apps.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0000/sch/sch1p/kap1_2/kap2_97/para3_4.html?highlight=true&search=Korridor&stemming=true&pnd=&start=&end=&field=all#highlightedTerm (дата обращения: 18.03.2026).

⁵³⁴ *Listowsky P.* Danzig polnisch? // *Königsberger Hartungsche Zeitung*. 1919. 13. März. S. 1.

⁵³⁵ *Batocki A., von.* Ostpreußen // *Königsberger Hartungsche Zeitung*. 1919. 8. Februar (Abendausgabe). S. 1.

⁵³⁶ При этом Данциг был связан с Польшей таможенным союзом, также Польша представляла Данциг на международной арене.

⁵³⁷ В историографии и источниках встречаются различные названия данной территории: «польский коридор», «данцигский коридор». В польской историографии подобные обозначения отвергаются, вместо этого данная территория обозначается как часть Поморского воеводства.

договора)⁵³⁸. При этом германские транзитные перевозки должны были пользоваться теми же условиями, что и внутренние польские, а транзитные товары освобождались от пошлин (ст. 89)⁵³⁹.

В соответствии с 98-й статьей мирного договора, для окончательного урегулирования всех деталей железнодорожного сообщения предусматривалось заключение специальных двусторонних конвенций. Возникал временной промежуток между формальным актом создания «коридора» и внедрением всех правил и норм осуществления немецкого транзита на практике.

Еще до того, как польские войска заняли территорию Западной Пруссии, германские власти предприняли несколько попыток обеспечить непрерывное сообщение с Восточной Пруссией. В частности, в соответствии с германо-польским соглашением от 22 октября 1919 г., Польша обязывалась не допускать даже временного прекращения транзитного сообщения⁵⁴⁰. Чувствительный вопрос военного транзита обсуждался отдельно: 9 января 1920 г. в Париже было заключено соглашение о введении временного военного железнодорожного транзита, был предусмотрен пропуск через польскую территорию не менее одного военного поезда в неделю без таможенных и паспортных формальностей⁵⁴¹. Однако данные договоренности не создали устойчивой основы для восточнопруссского транзита, Польша вскоре объявила соглашение от 22 октября недействительным, что еще более обострило проблему сообщения между двумя частями Германии.

Представители восточнопруссского обер-президиума и экономических элит в этот период постоянно направляли в правительства рейха и Пруссии жалобы на притеснения со стороны Польши. В частности, в феврале 1920 г.

⁵³⁸ Versailler Vertrag. URL: <http://www.documentarchiv.de/wr/vv03.html#VIII> (дата обращения: 20.03.2026).

⁵³⁹ Ibid.

⁵⁴⁰ BArch. R 43-I/375. Bl. 111. Denkschrift [zum Entwurf eines Gesetzes, betreffend das Abkommen zwischen Deutschland, Polen und der Freien Stadt Danzig über den freien Durchgangsverkehr zwischen Ostpreußen und dem übrigen Deutschland]. Kommt auf die Tagesordnung einer Kabinettsitzung 7.6.1921.

⁵⁴¹ *Deuticke W.* Ostpreußen und der polnische Korridor. Jena, 1921. S. 93.

Торговая палата Кёнигсберга в телеграмме рейхсканцлеру указывала на крайне тяжелые условия сообщения через «коридор»⁵⁴². Отмечалось, что связь между Восточной Пруссией и рейхом фактически зависит от произвольных решений польских властей. В телеграмме подчеркивалось, что подобная ситуация вызывает недовольство среди экономической элиты провинции. Представители палаты требовали от правительств рейха и Пруссии не деклараций, а конкретных мер по восстановлению полноценного транзитного сообщения⁵⁴³.

Действительно, в конце февраля — начале марта 1920 г. движение по основной восточногерманской железнодорожной магистрали Берлин — Кониц — Диршау — Кёнигсберг было почти прервано. Общее количество поездов существенно сократилось. Так, летом 1914 г. между рейхом и Восточной Пруссией курсировал 31 поезд D-класса и один пассажирский поезд⁵⁴⁴, в конце 1919 г., несмотря на острый дефицит подвижного состава, на линии сохранялось 20 пассажирских поездов, а в начале 1920 г. осталось лишь 6 пар поездов D-класса и пассажирских составов. Еще более значительным оказалось сокращение грузоперевозок в сутки: с 30 грузовых поездов в 1914 году и 20 поездов в конце 1919 г. до 13 поездов в начале 1920 г.⁵⁴⁵

Важную роль в привлечении внимания центра к проблеме осуществления транзита играли депутаты Национального собрания от восточных провинций. Двадцатого февраля 1920 г. депутат Макс Бэрике (НННП), лично столкнувшийся с проблемами при пересечении «коридора», направил в адрес правительства рейха запрос, в котором обратил внимание на фактически начавшуюся транспортную блокаду провинции. Из запроса можно

⁵⁴² BArch. R 43-I/1847. Bl. 115. Telegramm der Handelskammer Königsberg an den Reichskanzler, Königsberg, 14.2.1920.

⁵⁴³ Ibid.

⁵⁴⁴ BArch. R 43-I/1848. Bl. 95. Denkschrift „Die polnische Maßnahmen zur Abschnürung Ostpreußens vom übrigen Deutschland“, eingegangen bei der Reichskanzlei am 22.5.1920.

⁵⁴⁵ BArch. R 43-I/375. Bl. 111. Denkschrift [zum Entwurf eines Gesetzes, betreffend das Abkommen zwischen Deutschland, Polen und der Freien Stadt Danzig über den freien Durchgangsverkehr zwischen Ostpreußen und dem übrigen Deutschland]. Kommt auf die Tagesordnung einer Kabinettsitzung 7.6.1921.

узнать о тех трудностях, с которыми сталкивались пассажиры. М. Бэрике писал, что польские власти ввели обязательные визы для транзитных поездок, получить визу можно было только в польском комиссариате в Данциге или в генеральном консульстве в Берлине, причем прием осуществлялся только в утренние часы и был связан со множеством бюрократических трудностей⁵⁴⁶.

Меньше чем через неделю схожий запрос направили депутаты от НДП Эрнст Зир и Франц Бартшат. Они указали на противоправные действия польских пограничников, которые при проверке одного из поездов приказали пассажирам, не имевшим в паспорте визу, покинуть состав. При этом, как указывают депутаты, польские пограничники допускали возможность неофициального «урегулирования» вопроса за денежное вознаграждение. В результате значительное число пассажиров, «в том числе женщины и дети», были вынуждены покинуть поезд⁵⁴⁷. Схожие запросы поступили и от других депутатов⁵⁴⁸.

У правительства рейха, однако, в этом вопросе были связаны руки, так как урегулирование восточнопрусского транзита было частью большой восточной политики рейха. Наиболее ярко это проявилось в ходе германо-польских переговоров в Варшаве в феврале — марте 1920 г.

Переговоры должны были начаться 23 февраля, и изначально на уровне центральных ведомств не было намерений приглашать в состав делегации представителей Восточной Пруссии. Узнав о подготовке к переговорам, магистрат Кёнигсберга 13 февраля направил телеграмму на имя рейхсканцлера с просьбой разъяснить ситуацию. Из рейхсканцелярии телеграмма на следующий день была перенаправлена в МИД. Из внешнеполитического ведомства через несколько дней в Кёнигсберг пришла просьба предоставить информацию о том, кто будет представлять город на переговорах. Городские власти выбрали секретаря Торговой палаты Фрица Симона, о чем 20 февраля

⁵⁴⁶ Verhandlungen der verfassunggebenden Deutschen Nationalversammlung. Band 341. Anlagen zu den Stenographischen Berichten. Nr. 1859 bis 2467. Berlin, 1920. S. 2311.

⁵⁴⁷ Ibid. S. 2399.

⁵⁴⁸ Ibid. S. 2442.

сообщили МИД, поставив также вопрос о расширении восточнопрусского представительства в составе делегации.

Вскоре в прессе появились сведения о полном составе переговорной группы. Ее возглавил советник прусского министерства общественных работ Шольц⁵⁴⁹, туда вошли чиновники и из других берлинских ведомств (рейхсминистерство почты, рейхсминистерство транспорта, правительство Пруссии) и один представитель от Данцига⁵⁵⁰. Далее, однако, по неизвестным причинам кёнигсбергский представитель так и не получил официального приглашения на переговоры и телеграфировал в МИД, что «ввиду такого отношения к делу вынужден отказаться от участия в составе делегации»⁵⁵¹. Кёнигсбергский обер-бургомистр направил рейхсканцлеру возмущенное письмо в связи с действиями министерства иностранных дел, в ответ МИД заверил, что интересы провинции будут представлены чиновниками из министерства труда Пруссии⁵⁵².

Переговоры в Варшаве, однако, не привели к решению проблемы. Польские дипломаты, по оценке германской стороны, затягивали переговоры с помощью «софизмов», утверждая, что соглашение о транзите заключить невозможно, так как у Польши в пределах «коридора» нет прямой границы с Восточной Пруссией. По их мнению, Польша имела прямую границу с Данцигом и с плебисцитарными территориями, вышедшими из-под германского суверенитета⁵⁵³. Германские делегаты предложили выделить для железнодорожного сообщения линию Берлин — Диршау — Кёнигсберг. Польская сторона отвергла это предложение на том основании, что это

⁵⁴⁹ Министерство общественных работ Пруссии отвечало в том числе за железные дороги. В 1921 г. в ходе реорганизации государственного аппарата министерство было распущено, его функции были переданы другим ведомствам.

⁵⁵⁰ Die Verhandlungen mit den Polen // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1920. 22. Februar. S. 2.

⁵⁵¹ BArch. R 43-I/1847. Bl. 129. Magistrat Königsberg an den Reichskanzler, Königsberg, 27.2.1920.

⁵⁵² Ibid. Bl. 129–134.

⁵⁵³ Ibid. Bl. 144. Handelskammer zu Königsberg an den Reichskanzler, Königsberg, 1.3.1920.

приведет к перегрузке железнодорожного узла в Диршау⁵⁵⁴. Германские делегаты предложили две альтернативные линии, однако и тут получили отказ.

Подобная переговорная тактика польской стороны была связана с тем, что они использовали контроль над транзитным сообщением, чтобы добиться от Германии выполнения обязательств по передаче подвижного состава (в соответствии со ст. 371 Версальского мирного договора). Как отмечали британские наблюдатели, присутствовавшие на конференции, в польских правительственных кругах преобладало мнение, что урегулирование вопроса о подвижном составе должно предшествовать нормализации железнодорожного транзита. По сведениям депутата М. Бэрике, польские чиновники заявляли, что они не имели возможности осуществлять транзит из-за нехватки подвижного состава⁵⁵⁵. Германский МИД пытался воздействовать на польскую сторону через посредничество британцев⁵⁵⁶, однако это ни к чему не привело, как и нота протеста, отправленная 10 марта конференции послов⁵⁵⁷.

В эти же дни в Берлине проходила первая «Восточнопрусская конференция». На возмущения восточнопрусской стороны по поводу транзита по территории Польши министр внутренних дел Э. Кох-Везер ответил лишь «общими словами», что правительство рейха солидарно с жителями провинции в оценке «польского коридора»⁵⁵⁸. Он также подчеркнул, что обеспечение свободного железнодорожного сообщения является неизменным требованием Германии и вытекает из положений мирного договора. Министр выразил надежду, что правительство Польши удастся убедить в правомерности

⁵⁵⁴ Представители Польши, по сообщениям германских парламентариев, заявляли, что этот железнодорожный узел им крайне необходим для ведения войны против Советской России. См. подробнее: *Verhandlungen der verfassunggebenden Deutschen Nationalversammlung*. Band 333. *Stenographische Berichte*. Von der 159. Sitzung am 12. April 1920 bis zur 180. (Schluß-)Sitzung. Am 21. Mai 1920. Berlin, 1920. S. 5281.

⁵⁵⁵ *Ibid.* S. 5278.

⁵⁵⁶ Das Auswärtige Amt an den Geschäftsträger in London Sthamer. 1. März. 1920 // *Akten zur deutschen auswärtigen Politik*. Serie A: 1918–1945. Bd. III. Göttingen, 1985. S. 98–99.

⁵⁵⁷ *Deuticke W.* Op. cit. S. 82.

⁵⁵⁸ BArch. R 43-I/1847. Bl. 237. Niederschrift über die Verhandlung der Ostpreußenkonferenz vom 11. März 1920 im Ministerium des Innern.

германской позиции, в противном случае германская сторона намерена использовать все имеющиеся у него средства для «спасения провинции»⁵⁵⁹.

12 марта переговоры в Варшаве зашли в тупик. В источниках можно найти различную информацию о причинах их окончательной остановки. В немецкой прессе фигурировали сообщения о том, что для проработки всех механизмов движения через «коридор» требовалось наличие в Познани германского консула, однако назначение не могло быть осуществлено, так как польская сторона до сих пор не выдала агреман для назначения германского посла⁵⁶⁰. Германские делегаты сообщали, что продолжение переговоров было невозможно, так как делегация лишилась линии связи с Берлином⁵⁶¹. В историографии высказывается мнение, что к окончательному срыву переговоров привел Капповский путч, так как польская сторона не признала полномочия делегатов⁵⁶². Британские представители сообщали, что делегаты прервали переговоры в связи с распространяющимися в Польше новостями о «готовящейся контрреволюции в Берлине»⁵⁶³. Скорее всего, на срыв переговоров повлияла совокупность перечисленных факторов.

После того как германская делегация вернулась в столицу ни с чем, представители Торговой палаты Кёнигсберга выступили с заявлением о том, что германские дипломаты в Варшаве недостаточно защищали интересы провинции: «мы [жители Восточной Пруссии] все еще имеем лишь обещания, но не реальные дела»⁵⁶⁴.

Некоторые надежды на изменение ситуации дала смена правительственного кабинета. Об этом заявил восточнопрусский депутат

⁵⁵⁹ Ibid.

⁵⁶⁰ Die Warschauer Verhandlungen // Deutsche Allgemeine Zeitung. 1920. 9. März (Abendausgabe). S. 1.

⁵⁶¹ Der Durchgangsverkehr nach dem Osten. Ergebnislose Verhandlungen in Warschau // Berliner Tageblatt. 1920. 27. März. S. 3.

⁵⁶² Deuticke W. Op. cit. S. 81–82.

⁵⁶³ Sir H. Rumbold (Warsaw) to Earl Curzon (Received March 20, 4.5 p.m.) // Documents on British Foreign Policy 1919–1939. First Series. Vol. X. London, 1960. P. 733.

⁵⁶⁴ BArch. R 43-I /1847. Bl. 145. Handelskammer zu Königsberg an den Reichskanzler, Königsberg, 1.3.1920.

Национального собрания М. Бэрике, подчеркнув, что ожидает от нового министра иностранных дел отказа от «робости, боязливости и нерешительности» — качеств, которые, по его мнению, укоренились во внешнеполитическом ведомстве⁵⁶⁵.

Германская сторона попыталась возобновить переговоры в апреле, однако Польша предложение отклонила⁵⁶⁶. Примечательно, что здесь наметилось противоречие между МИД и министерством общественных работ. Последнее выступало против переговоров и за воздействие на Польшу через страны Антанты⁵⁶⁷. Между тем в середине апреля появились сообщения о полной остановке железнодорожного сообщения через «польский коридор» из-за штемпелевания банкнот с польской стороны⁵⁶⁸. Однако, судя по всему, немецкая сторона специально обостряла ситуацию и отдельные поезда все-таки ходили⁵⁶⁹. Так, по данным британского посла, сообщения о полном прекращении железнодорожного сообщения не соответствовали действительности: пассажирские перевозки, хоть и в ограниченном объеме, но продолжали осуществляться, не было перебоев в передаче служебной корреспонденции⁵⁷⁰. В ноте от 17 мая представители Германии просили конференцию послов стран Антанты исполнить посреднические функции на

⁵⁶⁵ Verhandlungen der verfassungsgebenden Deutschen Nationalversammlung. Band 333. Stenographische Berichte. Von der 159. Sitzung am 12. April 1920 bis zur 180. (Schluß-)Sitzung. Am 21. Mai 1920. Berlin, 1920. S. 5281.

⁵⁶⁶ Deuticke W. Op. cit. S. 82.

⁵⁶⁷ BArch. R 43-I/1848. Bl. 35–37. Der Preußische Minister der öffentlichen Arbeiten an den Reichskanzler und sämtliche Reichs- und preußischen Staatsminister, Berlin, 27.4.1920.

⁵⁶⁸ BArch. R 43-I/375. Bl. 111. Denkschrift [zum Gesetzentwurf über das deutsch-polnisch-danziger Durchgangsabkommen]. Kommt auf die Tagesordnung einer Kabinettsitzung 7.6.1921. В апреле 1920 г. польские власти провели штемпелевание (то есть проставление особой отметки) немецких марок, находившихся в обращении на польской территории. Все немаркированные немецкие банкноты выводились из обращения. Прямая связь с транзитным движением неясна, но можно предположить, что пограничные кассы отказывались принимать немецкие марки и транзит просто было нечем оплачивать до установления нового порядка платежей.

⁵⁶⁹ Tagesschnellzug Allenstein–Berlin // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 20. April (Abendausgabe). S. 5.

⁵⁷⁰ Sir H. Rumbold (Warsaw) to Earl Curzon (Received April 19, 6 p.m.) // Documents on British Foreign Policy 1919–1939. First Series. Vol. X: German Affairs and Plebiscite Problems 1920. London, 1960. P. 752.

переговорах с Польшей. Решение конференции последовало лишь в августе: представители Антанты заключили, что для подготовки соглашения о транзите должен быть образован специальный комитет⁵⁷¹.

Таким образом, в первые месяцы после вступления в силу Версальского мирного договора германские власти так и не смогли согласовать с польской стороной удовлетворяющие их правила транзита, что вызывало все большее недовольство у жителей Восточной Пруссии. Затягивание переговорного процесса было обусловлено несколькими факторами. Во-первых, Варшава не была заинтересована в окончательном урегулировании транзитного режима до проведения плебисцита в Вармии и Мазурах, сохранение транспортных ограничений усиливало экономическое давление на регион и потенциально могло повлиять на исход голосования в пользу Польши⁵⁷². Можно добавить, что до урегулирования территориальных споров невозможно было прописать все технические детали транзита.

Примечательно, что в конце весны — летом 1920 г. из переписки между центральными и восточнопрусскими ведомствами практически исчезли жалобы на проблемы при передвижении через «коридор». Можно предположить, что это связано с Советско-польской войной, приблизившейся к германской границе. Данный конфликт оказывал явное влияние на дипломатические отношения в регионе, он оттягивал внимание польского правительства и давал германской стороне некоторые надежды на возможную ревизию находящейся в процессе становления Версальской системы. В конце мая министерство иностранных дел предложило министру рейхсвера принять меры для усиления германского военного присутствия в плебисцитной зоне в

⁵⁷¹ Deuticke W. Op. cit. S. 82.

⁵⁷² О беспокойстве Польши по этому вопросу министр иностранных дел Джордж Керзон сообщал британскому послу в Париже. См. подробнее: Earl Curzon to the Earl of Derby (Paris). March 11, 1920 // Documents on British Foreign Policy 1919-1939. First Series. Vol. X: German Affairs and Plebiscite Problems 1920. London, 1960. P. 729. Следует учитывать, что германские власти планировали использовать во время голосования уроженцев плебисцитарных округов, проживавших в других частях Германии, «польский коридор» мог стать препятствием на их пути.

Восточной и Западной Пруссии и продумать порядок действий в случае польской агрессии⁵⁷³. В июле Советско-польская война дошла до границ Восточной Пруссии, командующий рейхсвером генерал Г. Сект в письме министру иностранных дел В. Симонсу требовал добиваться распространения плебисцита на «область коридора»⁵⁷⁴. Помимо этого, дипломат А. фон Мальцан вел переговоры с уполномоченным НКВД РСФСР в Германии В.Л. Коппом относительно территориального устройства в регионе в случае победы Советской России. После установления советской власти в Варшаве предполагалось возвращение Германии территорий с преобладающим немецким населением⁵⁷⁵. Приближение Красной армии к границам Восточной Пруссии летом 1920 г. вызывало серьезную тревогу и в Париже: председатель Совета министров А. Мильеран опасался, что советские войска могут вступить в провинцию, а Германия воспользуется этим для пересмотра военных статей Версальского договора⁵⁷⁶.

С другой стороны, по дипломатическим каналам зондировался вопрос о вступлении Германии в войну на стороне Польши в обмен на пересмотр территориальных положений Версальского мирного договора (включая вопрос о «коридоре», статусе Данцига и Верхней Силезии)⁵⁷⁷. В германском руководстве, однако, преобладала осторожная позиция насчет подобных авантур. Из-за недоверия к Польше и странам Антанты и общественного мнения (ненависть к Польше, имевшиеся среди части населения симпатии к

⁵⁷³ *Красновская Е.И.* Трансформация германской дипломатии в отношении Польши в контексте итогов Первой мировой войны // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн. 7. С. 244; см. оригинал: BArch. R 43-I/379. Bl. 159–162. Das Auswärtige Amt an den Unterstaatssekretär in der Reichskanzlei, Berlin, 31.5.1920.

⁵⁷⁴ *Красновская Е.И.* Трансформация германской дипломатии... С. 244.

⁵⁷⁵ Aufzeichnung des Wirklichen Legationsrats Freiherr von Maltzan. 12. August 1920 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. III. Göttingen, 1985. S. 497.

⁵⁷⁶ *Магадеев И.Э.* Германская политика Парижа в 20-е годы XX века в свете уроков Первой мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №4 (37). С. 40.

⁵⁷⁷ Der Geschäftsträger in Warschau Graf von Oberndorff an das Auswärtige Amt. 5. August 1920 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. III. Göttingen, 1985. S. 480.

Советской России) Берлин стремился избегать прямого военного вмешательства в Советско-польскую войну.

Примечательно, что официальные лица в Восточной Пруссии с большим вниманием относились к подобным проектам, в пограничных районах местные власти и военные активно взаимодействовали с представителями Красной армии⁵⁷⁸. Десятого августа обер-президент Э. Зир направил в МИД меморандум, предлагая создать из бывшей Западной Пруссии и Данцига буферное государство под эгидой Великобритании. Статс-секретарь МИД Эдгар Ханиэль фон Хаймхаузен ответил, что «[р]асширение „Вольного города Данцига“ не соответствует германским интересам»⁵⁷⁹.

В конце августа после поражения Красной армии стало ясно, что Советско-польская война не приведет к существенным территориальным изменениям в регионе. Германские власти сделали ставку на принятие Версальской системы. Дополнительным фактором стабилизации стал завершившийся триумфом Германии плебисцит в Вармии и Мазурах. Однако весь этот эпизод, отражавший лавирование между разными внешнеполитическими стратегиями, с одной стороны, объясняет относительно слабую позицию Германии на переговорах в Варшаве, а с другой — показывает ограниченную активность восточнопруссских властей в оказании давления на центр с требованием скорейшего решения проблемы транзита.

В этих условиях складывалось впечатление, что основные препятствия для урегулирования проблемы восточнопруссского транзита устранены. В соответствии с позицией конференции послов, для выработки решения вопроса был создан специальный комитет под руководством французского представителя, эксперта по железным дорогам Гастона Леверва. Германскую делегацию возглавлял Вернер фон дер Шуленбург. Отдельно стоит отметить тот факт, что в этот раз МИД более тесно взаимодействовало с

⁵⁷⁸ См. телеграммы В. фон Гайля и прочую ведомственную переписку: РААА. RZ 208/30858. Вл. 32–48.

⁵⁷⁹ *Зубачевский В.А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе... С. 130–131.

восточнопрусскими властями и привлекло к переговорам двух представителей провинции⁵⁸⁰.

За три недели до начала парижских переговоров Торговая палата Кёнигсберга направила письмо в адрес правительств рейха и Пруссии, в котором обращала внимание на серьезные трудности, возникавшие при поездках через «коридор». Характер этих трудностей не изменился с весны того же года, польские таможенники продолжали требовать удостоверение личности с фотографией и польскую визу. Эти требования, по мнению руководства палаты, особенно тяжело воспринимались среди представителей средних и малообеспеченных слоев, для которых подобные расходы становились серьезным препятствием для поездок. В связи с этим Торговая палата, представители которой, несомненно, были осведомлены о скором начале переговоров, требовала предпринять меры по упрощению порядка движения через «коридор»⁵⁸¹.

Первое заседание комитета прошло 6 октября в Париже, стороны договорились о том, что комиссия сосредоточится на выработке общих принципов транзитного движения, конкретные детали будут прорабатываться на более позднем этапе. В первых раундах обсуждения выявились расхождения в позициях германской и польской делегаций. Все стороны планировали начать переговоры с максимально высокими ставками: германская делегация настаивала на полной свободе транзита, польская сторона, напротив, выступала за сохранение ограничений. Наиболее твердо польская делегация выступала против всякого военного транзита. Помимо этого, как и в феврале — марте, представители Варшавы пытались увязать переговоры о транзите с более широким комплексом германо-польских проблем⁵⁸²: вопросами оптации (см. ст. 97 Версальского мирного договора),

⁵⁸⁰ BArch. R 43-I/1849. Bl. 156. Besprechung über Ostpreußen am 25.10.1920: Wünsche und Ergebnisse.

⁵⁸¹ Ibid. Bl. 131f. Handelskammer Königsberg an die Deutsche Reichsregierung, die preußische Staatsregierung u. a., Königsberg, 13.9.1920.

⁵⁸² Die Deutsche Friedensdelegation an das Auswärtige Amt. 8. Oktober. 1920 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. IV. S. 9–11.

статуса германской собственности (см. ст. 256) и смены владельца государственного имущества на территориях, отошедших к Польше (см. ст. 297)⁵⁸³. Одновременно с этим поляки выдвигали обвинения в области национального вопроса, газеты Речи Посполитой сообщали о притеснениях соотечественников в Восточной Пруссии, польский консул в Кёнигсберге выражал по этому поводу протесты⁵⁸⁴.

В дни переговоров в Париже городские власти Кёнигсберга направили письмо в различные центральные ведомства, в котором поддержали обращение Торговой палаты, направленное еще в сентябре, и вновь указали на многочисленные трудности, с которыми сталкивались пассажиры во время поездок через «польский коридор»⁵⁸⁵. Отмечалось, что даже при наличии всех предписанных действующими правилами документов путешественники нередко подвергались многократным проверкам и вынужденным задержаниям, что вызывало «сильнейшее раздражение» среди населения. При этом признавалось, что развитие морского сообщения несколько смягчило ситуацию, однако оно не могло заменить железнодорожный транзит. В связи с этим городские власти настаивали на упрощении процедур пересечения «коридора» и снижении транспортных тарифов, предлагая компенсировать возникающие убытки за счет государственного бюджета⁵⁸⁶.

В Париже все же удалось договориться о принципиальных гарантиях транзита, и в ноябре переговоры были перенесены в Варшаву, где прорабатывались уже конкретные детали. В Восточной Пруссии с пристальным вниманием следили за ходом варшавских переговоров, опасаясь, видимо, что все снова сорвется. Однако вскоре начали поступать все более обнадеживающие новости о выделении новых железнодорожных линий для

⁵⁸³ Das Auswärtige Amt an die Botschaft beim Vatikan. 18. Oktober. 1920 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. IV. S. 28.

⁵⁸⁴ Polnische Beschwerden // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 18. Oktober (Abendausgabe). S. 2; Die angeblichen Polenausweisungen // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 19. Oktober. S. 1.

⁵⁸⁵ BArch. R 43-I/1849. Bl. 77. Der Staatssekretär in der Reichskanzlei an den Präsidenten des Staatsministeriums, Berlin, 8.10.1920.

⁵⁸⁶ Ibid.

транзита и об отмене визовых ограничений⁵⁸⁷. Тринадцатого ноября стало известно о заключении временного соглашения, предусматривавшего безвизовый пропуск двух пар скорых поездов в день по маршрутам Берлин — Кёнигсберг и по кратчайшему маршруту (через Кониц — Диршау)⁵⁸⁸, это временное соглашение вступило в силу 1 декабря⁵⁸⁹.

Хотя согласно Версальскому мирному договору уладить вопрос транзита следовало в течение года после вступления мирного договора в силу, лишь в апреле 1921 г. между Германией, Данцигом и Польшей было заключено соглашение о транзите⁵⁹⁰. Министр иностранных дел В. Симонс оценил подписание соглашения как удовлетворительное решение одного из важнейших вопросов германо-польских отношений⁵⁹¹. Депутат от Восточной Пруссии Пауль Фляйшер во время обсуждения данного соглашения в рейхстаге выступил за то, чтобы «вообще не проводить дебаты» и сразу передать законопроект в комитет по иностранным делам⁵⁹². Шестого августа 1921 г. соглашение было обнародовано⁵⁹³.

В документе фиксировались общие положения Версальского мирного договора, Польша признавала за Германией право на свободу транзитного сообщения между Восточной Пруссией и основной территорией страны (ст. 1). Этот принцип распространялся на все виды транспорта, а также почтовую, телеграфную и телефонную связь. Соглашение предусматривало

⁵⁸⁷ Verhandlungen mit Polen. Erleichterung des Korridorverkehrs // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 6. November. S. 3.

⁵⁸⁸ Erleichterung des Korridorverkehrs. Zwei Schnellzugpaare über Konitz – kein Visum // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1920. 17. November. S. 5.

⁵⁸⁹ BArch. R 43-I/1850. Bl. 52f. Niederschrift über die am 10.12.1920 im Reichsministerium des Innern abgehaltene Besprechung betreffend die Unterstützung der Provinz Ostpreußen.

⁵⁹⁰ BArch. R 43-I/375. Bl. 63f. Entwurf eines Gesetzes, betreffend das Abkommen zwischen Deutschland, Polen und der Freien Stadt Danzig über den freien Durchgangsverkehr zwischen Ostpreußen und dem übrigen Deutschland.

⁵⁹¹ Verhandlungen des Reichstages. I. Wahlperiode 1920. Bd. 349: Stenographische Berichte. Von der 90. Sitzung am 19. März 1921 bis zur 115. Sitzung am 16. Juni 1921. Berlin, 1921. S. 3478.

⁵⁹² Verhandlungen des Reichstages. I. Wahlperiode 1920. Bd. 350. Stenographische Berichte. Von der 116. Sitzung am 17. Juni 1921 bis zur 133. Sitzung am 7. Juli 1921. Berlin, 1921. S. 3957.

⁵⁹³ Gesetz, betreffend das Abkommen zwischen Deutschland, Polen und der Freien Stadt Danzig über den freien Durchgangsverkehr zwischen Ostpreußen und dem übrigen Deutschland. Vom 12. Juli 1921 // Reichs-Gesetzblatt. 1921. 6. August. S. 1069.

привилегированный (упрощенный) режим сообщения без паспортного (ст. 97) и таможенного контроля, при этом пассажиры не могли покидать вагоны. Дополнительно закреплялись обязательства сторон поддерживать транспортную инфраструктуру в надлежащем состоянии, учреждался механизм разрешения конфликтных ситуаций через специальный Третейский суд в Данциге (ст. 11–12)⁵⁹⁴.

Таким образом, в рассматриваемый период решение вопроса восточнопрусского транзита во многом зависело от международной конъюнктуры. Проблема транзита была встроена в широкий контекст послевоенной дипломатии, интересы провинции в этих условиях часто уходили на второй план. Сложно поверить, что решение проблемы транзита заняло так много времени из-за мелких германско-польских разногласий (споры об оптации, германской собственности на утраченных территориях, подвижном составе и так далее). Польские и германские власти не спешили формально фиксировать механизмы транзита до тех пор, пока обстановка в регионе, накаленная в связи с Советско-польской войной, не стабилизировалась.

Восточнопрусские элиты имели собственные представления об устройстве транспортного сообщения с остальной Германией. Вместе с тем они использовали проблему транзита для подчеркивания особого статуса региона, апеллируя к образам «немецкого острова» или «колонии», тем самым пытаясь обосновать необходимость дополнительных экономических льгот и поддержки со стороны правительства рейха. Экономические трудности в послевоенной Германии были типичны для всех регионов, однако лишь Восточная Пруссия оказалась в ситуации территориальной изоляции. Наличие «польского коридора» придавало положению провинции особый характер, сравнимый, возможно, только с Рейнской областью, которая подверглась оккупации.

⁵⁹⁴ *Тимирев И.А.* Данцигский Международный Третейский суд и вопрос о восточнопрусском транзите // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. Вып. 12. Гуманитарные науки. С. 51–55.

Несмотря на то, что к 1922 г. транзитное сообщение в целом было налажено и функционировало без серьезных сбоев, восточнопруссские элиты продолжали рассматривать существующий порядок как временный и неудовлетворительный, настаивая на его ревизии. Стоит отметить, что подобная риторика восточнопруссских элит привлекала внимание уже современников. Британский исследователь Иэн Морроу в обстоятельной монографии 1936 г. писал, что требования ликвидации «коридора» неразрывно переплетались с глубоким аграрным кризисом, разразившимся в провинции в конце 1920-х гг., проблемой задолженности крупных поместий и зависимостью региональных элит от государственных программ помощи⁵⁹⁵. Обер-президент провинции Э. Зир характеризовал ликвидацию «коридора» и восстановление территориальной связи с рейхом как «естественное право» жителей Восточной Пруссии, а влиятельный представитель ее экономической элиты Пауль Блунк подчеркивал, что улучшение положения провинции возможно лишь при возвращении территории «коридора» Германии⁵⁹⁶.

3.2. Плебисцит 1920 г. в Вармии и Мазурах как общегерманская проблема

По итогам Первой мировой войны в Германии было организовано три плебисцита — Шлезвигский (февраль — март 1920 г.), Варминьско-Мазурский (июль 1920 г.), Верхнесилезский (март 1921 г.)⁵⁹⁷. В рамках данных плебисцитов жители спорных пограничных районов должны были выразить свое мнение относительно государственной принадлежности той территории, на которой они проживали. Можно утверждать, что на границах Германии

⁵⁹⁵ *Morrow I. F. D. The Peace Settlement in the German Polish Borderlands: A Study of Conditions To-day in the Pre-war Prussian Provinces of East and West Prussia. Oxford, 1936. P. 320.*

⁵⁹⁶ *Hertz-Eichenrode D. Op. cit. S. 16 (Anmerkung 64).*

⁵⁹⁷ Формально голосование проходило и на бельгийско-германской границе в округе Эйпен-Мальмеди. Однако данный эпизод сложно связать с другими плебисцитами, так как принятая там процедура «опроса населения» (*Volksbefragung*) проходила без международного контроля и без тайного голосования.

наблюдалась своеобразная «мания плебисцитов»: обсуждалось проведение голосования в Немецкой Богемии (т. е. Судетской области в чешских землях)⁵⁹⁸, Эльзасе и Лотарингии⁵⁹⁹. Схожие процедуры были организованы и на других спорных территориях Европы⁶⁰⁰. Идея решить территориальные споры при помощи данного инструмента основывалась на «Четырнадцати пунктах» американского президента Вудро Вильсона. В данном документе он провозгласил «право народов на самоопределение»⁶⁰¹. Однако путь от идеи до реализации был довольно тернист: новый инструмент был непривычен как для проигравшей стороны, видевшей в нем лишь некую разновидность аннексии, так и для победителей, считавших, что нет необходимости организовывать голосование там, где действовало право сильнейшего.

Идея организовать плебисциты в германско-польском пограничье принадлежала британскому премьер-министру Д. Ллойд Джорджу. Он был не согласен с чрезмерным усилением Польши и безоговорочной передачей ей германских территорий⁶⁰². В итоге предполагалось компромиссное решение: значительная часть Западной Пруссии, большая часть Позена, а также отдельные районы Восточной Пруссии передавались Польше без проведения плебисцита. В то же время в ряде спорных районов на юге Восточной Пруссии и в Повислье, а также в Верхней Силезии предусматривалось проведение плебисцитов под контролем представителей Антанты⁶⁰³.

Широким слоям населения Германии об этом решении стало известно в начале мая 1919 г., когда германская сторона получила проект мирного

⁵⁹⁸ Der Generalkonsul in Prag Freiherr von Gebattel an das Auswärtige Amt (27. November 1918) // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. I. S. 69.

⁵⁹⁹ Ibid. S. 323.

⁶⁰⁰ Например, в Южной Каринтии в 1920 г. из-за спора между Австрией и Королевством СХС, в Шопроне в 1921 г. из-за спора между Австрией и Венгрией и на Аландских островах (спор между Швецией и Финляндией).

⁶⁰¹ *Wilson W.* Fourteen Points (1918). URL: <https://www.archives.gov/milestone-documents/president-woodrow-wilsons-14-points> (дата обращения: 20.03.2026).

⁶⁰² *Колмагоров К.Н.* Указ. соч. С. 125.

⁶⁰³ *Борисова А.А., Черных В.Д.* К вопросу о немецко-польской границе на Парижской мирной конференции в 1919 г. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. №1. С. 70.

договора. Первоначально в высших политических кругах страны не существовало единого мнения относительно того, чем были плебисциты для Германии — очередным проявлением давления со стороны Антанты или потенциальным шансом на сохранение спорных территорий. В результате в мае — июне шли параллельные процессы. С одной стороны, в центральной и региональной прессе публиковались заявления правительства о недопустимости ревизии границ, проходили демонстрации против польских притязаний на «исконно немецкие земли». Политик и уроженец Восточной Пруссии Отто Браун, выступая 21 мая 1919 г. в Лыке, охарактеризовал предложенные Антантой условия как «беспримерный обман» и заявил, что мирный договор направлен на то, чтобы «увести немецкий народ в вечное рабство», поэтому он совершенно неприемлем и не может быть подписан⁶⁰⁴. С другой стороны, в это же время представители центральных и региональных ведомств уже начинали подготавливать условия для проведения плебисцитов.

Так, рейхсминистр труда Густав Бауэр, желая действовать на опережение, предложил в кратчайшие сроки провести «спонтанные плебисциты» в спорных районах⁶⁰⁵. Предполагалось, что эти плебисциты продемонстрируют подлинную волю народа и будут организованы (по крайней мере внешне) с минимальным участием официальных властей. Еще ранее с этой же целью министерство внутренних дел дало конфиденциальное указание чиновникам из приграничных районов провинции организовать многочисленные письма и телеграммы в адрес министерства с протестами против территориальных притязаний Польши⁶⁰⁶.

На заседании кабинета министров первый секретарь министерства Фридрих Майстер и советник правительства Эрих Крамер-Мёлленберг⁶⁰⁷ представили доклады о «распределении немецкого и польского населения в

⁶⁰⁴ Kossert A. Op. cit. S. 217.

⁶⁰⁵ Schulze H. Oststaat-Plan... S. 142.

⁶⁰⁶ Klatt R. Op. cit. S. 226.

⁶⁰⁷ 1919 maj 21, Berlin. Notatka E. Krahmer-Möllenberga z Ministerstwa Spraw Wewnętrznych o stanowisku rządu niemieckiego wobec plebiscytów we wschodnich prowincjach Rzeszy // Plebiscyty na Warmii i Mazurach... S. 33.

восточных районах» и, опираясь на статистические данные об их этнической структуре, рекомендовали по возможности отказаться от проведения плебисцитов на востоке, указывая на высокий риск неблагоприятного для Германии исхода голосования⁶⁰⁸. С аналогичной скептической оценкой выступили прусский министр внутренних дел Вольфганг Гейне, министр иностранных дел Ульрих фон Брокдорф-Ранцау и депутаты Национального собрания от восточных провинций⁶⁰⁹.

Не поддержали идею и эксперты по вопросам германского востока из немецкой делегации на Парижской мирной конференции. Они отметили, что любое предложение о проведении плебисцитов в восточных районах в сложившихся условиях неизбежно приведет к неудачному для Германии исходу⁶¹⁰. Даже частичная реализация идеи плебисцитов создаст опасный прецедент, способный привести к распространению практики голосования на другие регионы. В качестве альтернативы они предложили категорически отказаться от территориальных изменений и удовлетворить польские претензии через экономические уступки⁶¹¹. Важно также, что эксперты посоветовали германским чиновникам не упоминать плебисциты в официальных заявлениях правительства, поскольку это означало бы принятие логики, ведущей к ослаблению германских позиций на востоке⁶¹².

В Восточной Пруссии реакция на решение провести плебисциты была преимущественно отрицательной. Для местных политиков положительный исход голосования был неочевиден, он был связан со множеством труднопредсказуемых факторов⁶¹³, что понятно в условиях давления со

⁶⁰⁸ BArch. R 43-I/1795. Bl. 234f. Vermerk des Regierungsrats Krahmer-Möllenberg über die Sitzung des Reichsministeriums vom 21.5.1919, Berlin, Mai 1919.

⁶⁰⁹ *Schulze H.* Oststaat-Plan... S. 142.

⁶¹⁰ 1919 maj 22, Wersal. – Telegram doradców delegacji niemieckiej na konferencję pokojową do ministra spraw wewnętrznych, W. Heinego, protestujący przeciwko ewentualnej zgodzie Rzeszy na przeprowadzenie plebiscytu w jej wschodnich prowincjach // Plebiscyty na Warmii i Mazurach... S. 34–35.

⁶¹¹ Ibid.

⁶¹² Ibid.

⁶¹³ *Schattkowski R.* Deutschland und Polen von 1918/19 bis 1925. Frankfurt am Main, 1994. S. 51.

стороны Антанты на находящуюся в проигрышной позиции Германию. Обер-президент Адольф фон Батоцки был готов согласиться на плебисцит лишь в том случае, если он будет проведен честно и под надзором нейтральных арбитров⁶¹⁴. Существовало также мнение, что, учитывая будущие экономические сложности, с которыми столкнется страна, не нужно бросать все силы на сохранение плебисцитарных районов в составе рейха⁶¹⁵.

Так или иначе, несмотря на протесты германской стороны, в конце июня 1919 г. мирный договор был подписан. В соответствии со статьями 87–98 предусматривалось проведение плебисцита в ряде спорных районов Западной (уезды Штум, Розенберг, часть уездов Мариенбург и Мариенвердер) и Восточной Пруссии (округ Алленштайн)⁶¹⁶. К участию в голосовании допускались лица, достигшие двадцатилетнего возраста, родившиеся в названных районах или постоянно проживавшие там, которым предстояло определить государственную принадлежность этих территорий. Местные власти начали активную подготовку к голосованию. В преддверии выработки всех деталей проведения плебисцита регирунгспрезидент Алленштайнского округа сформулировал ряд требований германской стороны. Он настаивал на том, что плебисцит следовало провести в кратчайшие сроки, чтобы у польской стороны не было времени на массированную агитационную кампанию. Необходимо было также сохранить имеющиеся местные органы власти и не допустить ввода в регион большого польского военного контингента⁶¹⁷.

Контроль за подготовкой к плебисцитам и самим ходом голосования должна была взять на себя Межсоюзническая комиссия, сформированная из представителей ведущих держав Антанты. Формально комиссия обладала широким набором полномочий: от контроля за избирательными списками и предвыборной агитацией до надзора за подсчетом голосов и пресечения

⁶¹⁴ Klatt R. Op. cit. S. 128.

⁶¹⁵ Wrzesiński W. Plebiscyty na Warmii i Mazurach oraz na Powiślu w roku 1920. Olsztyn, 1974. S. 119.

⁶¹⁶ Versailler Vertrag. URL: <http://www.documentarchiv.de/wr/vv03.html#VIII> (дата обращения: 20.03.2026).

⁶¹⁷ Klatt R. Op. cit. S. 232–233.

возможных беспорядков. Комиссия должна была гарантировать честное голосование и обеспечить реализацию права поляков и немцев на самоопределение. Срок прибытия представителей Межсоюзнической комиссии в районы проведения плебисцита определялся следующей формулой: не позднее чем через пятнадцать дней после вступления мирного договора в силу, т. е. после обмена ратификационными грамотами между Германией и основными союзными державами, что произошло лишь 10 января 1920 г.

Это обстоятельство оказало существенное влияние на изменение позиции германских правительственных кругов по отношению к плебисциту. Стало понятно, что германская сторона до прибытия представителей Антанты сможет подготовить население к предстоящему плебисциту в Восточной Пруссии, а затем использовать накопленный опыт в пропагандистской акции в Верхней Силезии.

Еще одним важным условием для организации «германского триумфа» на плебисците в Восточной Пруссии являлось согласование действий между органами власти на уровне рейха, представителями провинциальных элит и различными общественными организациями. Главная опасность заключалась в противоречивых интересах и потенциальных конфликтах между этими тремя структурами, тем более что подготовка проходила в сложной и постоянно меняющейся политической обстановке, обусловленной наложением ряда факторов. Среди них можно выделить общее недоверие между центральными ведомствами и провинциальной политической элитой, кадровые перестановки в руководстве провинции, рост разочарования восточнопрусского населения в эффективности действий руководства рейха и Пруссии, углубление экономического кризиса.

Прежде всего необходимо было найти средства для организации пропагандистской кампании в Вармии и Мазурах. Шаги в этом направлении германские власти начали делать еще до подписания мирного договора. Двадцать второго мая 1919 г. депутат Национального собрания Иоганн фон

Бернсторф указал на необходимость как можно скорее приступить к мероприятиям, направленным на формирование у населения представлений о собственных национальных, экономических и культурных интересах⁶¹⁸. В дальнейшем, в рамках пропагандистской кампании, германские власти с предельным вниманием относились к общественному мнению в районах проведения плебисцита. Такой подход можно связать как с предшествующим историческим опытом (поражение в Первой мировой войне нередко объяснялось провалом пропагандистской работы в тылу), так и с тем, что в этот период сформировались первые научные концепции «общественного мнения»⁶¹⁹. Оно стало трактоваться не как нечто статичное, а как гибкое и поддающееся целенаправленному воздействию явление.

После письма фон Бернсторфа с предложением выделить средства на пропаганду в восточных районах Пруссии выступил Рудольф Надольны⁶²⁰, однако кабинет министров счел целесообразным передать решение данного вопроса на рассмотрение в правительство Пруссии, оговорив возможность обращения за поддержкой в министерство финансов рейха⁶²¹. Процесс продолжился в июле, когда министр финансов рейха выразил готовность выделить на пропагандистскую работу в Западной и Восточной Пруссии 44 миллиона марок при условии софинансирования со стороны Пруссии⁶²².

Таким образом, в первые месяцы после подписания мирного договора в вопросе финансирования подготовительных мер наблюдалась типичная для того периода «бюрократическая волокита» между германскими и прусскими ведомствами. Затягивание процесса на уровне рейха, видимо, было связано с

⁶¹⁸ 1919 maj 22, Berlin. – Pismo posła do Reichstagu, J. Bernstorffa, w sprawie podjęcia przygotowań do plebiscytów we wschodnich prowincjach Rzeszy // Plebiscyty na Warmii i Mazurach... S. 35.

⁶¹⁹ Гурный М. Великая война профессоров. Гуманитарные науки 1912–1923. Санкт-Петербург, 2021. С. 64.

⁶²⁰ BArch. R 43-I/1349. Bl. 299. Protokoll über die Sitzung des Reichsministeriums vom Montag, den 26. Mai vormittags 11 Uhr im Reichskanzlerhause.

⁶²¹ Ibid.

⁶²² BArch. R 43-I/344. Bl. 43. Reichszentrale für Heimatdienst, Bericht über die Verhandlungen mit dem preußischen Finanzministerium, Berlin, 26.7.1919.

тем, что после первоначального шока от подписания Версальского мира у части берлинских чиновников сформировалась уверенность в успешном исходе плебисцита в Восточной и Западной Пруссии даже без значительных финансовых вложений. Тем более что гораздо большее внимание уделялось подготовке Верхнесилезского плебисцита, так как там решалась судьба очень важного с экономической точки зрения района⁶²³.

Уверенность в германском успехе на плебисците в Восточной и Западной Пруссии подкреплялась еще и тем, что обстановка в плебисцитарных (южных) районах была намного стабильнее, чем в центральных и северо-восточных районах провинции, через которые в это время на родину возвращались немецкие части, сражавшиеся до этого в Прибалтике. Там ситуация была крайне накаленной: от представителей разных городов в рейхсканцелярию поступали телеграммы с выражением обеспокоенности в связи с наплывом «большевистских банд», беженцев из Прибалтики и так далее⁶²⁴. Министр рейхсвера даже направил телеграмму А. Виннигу с просьбой «успокоить население провинции», так как все необходимые меры для защиты Восточной Пруссии уже приняты⁶²⁵.

Спокойное отношение властей к плебисциту подтверждается и словами прусского министр-президента П. Хирша. После визита в Алленштайнский округ он написал в отчете: «...у населения в целом хорошее настроение; никто не сомневается в том, что голосование пройдет в пользу Германии»⁶²⁶. О благоприятных для Германии настроениях в районах проведения плебисцита вспоминал и восточнопрусский политик Эрнст Зир⁶²⁷. По мнению

⁶²³ О роли Берлина в поддержке фрайкоров в Верхней Силезии см.: *Кретицин С.В.* Немецкие военизированные формирования в Познани и Верхней Силезии в 1918–1921 годах // Известия Смоленского государственного университета. 2014. Вып. 1 (25). С. 168–181.

⁶²⁴ BArch. R 43-I/1847. Bl. 53. Telegramm des Magistrats und der Stadtverordneten Tilsit an die Reichsregierung, Tilsit, 11.12.1919; Ibid. Bl. 57. Telegramm aus Ragnit (Mitglieder des Heimatdienstes) an die Reichsregierung, Ragnit, 16.12.1919; Ibid. Bl. 61. Reichswehrministerium an den Unterstaatssekretär in der Reichskanzlei, Berlin, 18.12.1919.

⁶²⁵ Ibid. Bl. 62.

⁶²⁶ BArch. R 43-I/378. Bl. 256. Bericht des Präsidenten des Staatsministeriums über die Reise in die ost- und westpreußischen Abstimmungsgebiete. Berlin, 23.12.1919.

⁶²⁷ *Siehr E.L.* Op. cit. Bl. 41.

министр-президента Хирша, единственное, что действительно угрожало стабильности — экономические трудности. Хирш докладывал об «абсолютно неудовлетворительном уровне поставок угля» и о крайне отрицательном отношении населения к по-прежнему действующим мерам военной экономики⁶²⁸.

В июле того же года министр внутренних дел Пруссии В. Гейне указал на то, что для победы на плебисцитах одной лишь агитации недостаточно, следует предусмотреть конкретные финансовые гарантии для населения, способные «перекрыть» обещания с польской стороны. По мнению Гейне, главное — сформировать у жителей уверенность в том, что их социально-экономическое положение только улучшится, если они отдадут голос за то, чтобы остаться в составе Германии⁶²⁹.

Представители восточнопрусского обер-президиума и прусского правительства явно использовали ситуацию плебисцита для того, чтобы избавиться от мер военной экономики и получить дополнительные дотации от центра для улучшения экономической ситуации в районах проведения плебисцитов. Еще в начале июня 1919 г. обер-президент А. фон Батоцки предупреждал центральные власти, что сельское население провинции, недовольное действующими нормативами военной экономики, «с завистью смотрит на Польшу, где чрезвычайные меры в хозяйственной жизни отсутствуют»⁶³⁰. Известно также, что позже, по согласованию с обер-президентом, в районах проведения плебисцита фактически были отменены меры «военной экономики», хотя это выходило за пределы компетенций провинциального правительства⁶³¹. Весной 1920 г. кабинет министров принял

⁶²⁸ BArch. R 43-I/378. Bl. 257–258. Bericht des Präsidenten des Staatsministeriums über die Reise in die ost- und westpreußischen Abstimmungsgebiete. Berlin, 23.12.1919.

⁶²⁹ Der Reichsminister des Auswärtigen Müller an das Reichsfinanzministerium (30. September 1919) // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. II. S. 326 (Anmerkung 1).

⁶³⁰ BArch. R 601/600. Bl. 106f. Niederschrift über die Besprechung vom 5. Und 6. Juni 1919 im preußischen Ministerium des Innern.

⁶³¹ BArch. R 43-I/378. Bl. 258. Bericht des Präsidenten des Staatsministeriums über die Reise in die ost- und westpreußischen Abstimmungsgebiete. Berlin, 23.12.1919.

решение заморозить цены на хлеб в районах проведения плебисцита, чтобы не повышать градус напряженности⁶³². Военные власти обращали внимание на то, что в названных районах следует обеспечить достаточное количество немецких сельскохозяйственных рабочих, фермерам рекомендовалось не нанимать сезонных польских рабочих из-за границы, хотя это и было принято делать на протяжении десятилетий⁶³³.

Осенью 1919 г. после контактов с прусскими властями министр иностранных дел Герман Мюллер в письме рейхсминистру финансов выступил с инициативой создания специального «фонда обороны» (Abwehrfonds) в размере 500 млн марок, предназначенного для финансирования мероприятий, направленных на обеспечение благоприятного исхода голосования во всех плебисцитарных округах⁶³⁴. На заседании правительства рейха данное предложение было одобрено с оговоркой о том, что финансирование должно распределяться между рейхом и Пруссией. Вместе с тем формулировки как в письме Мюллера, так и в правительственном решении остались достаточно неопределенными. Некоторую ясность вносит тот факт, что в итоговом заключении правительства подчеркивалось, что размер выделяемых средств не следует предавать огласке из-за возможных подозрений (со стороны Антанты) в том, что германские власти пытаются подкупить избирателей⁶³⁵.

Министерство иностранных дел играло важную роль и в формулировании ключевых пропагандистских установок в связи с предстоящим плебисцитом. В рамках данной стратегии особый акцент делался на противопоставлении Германии и Польши: последняя должна была представляться как милитаризованное государство, обреченное на вечные

⁶³² BArch. R 43-I/1356. Bl. 136. Protokoll über die Sitzung des Reichsministeriums vom 18. Mai 1920, 6 Uhr nachm. im Reichskanzlerhause.

⁶³³ *Wrzesiński W.* Plebiscyty na Warmii i Mazurach... S. 119.

⁶³⁴ Der Reichsminister des Auswärtigen Müller an das Reichsfinanzministerium (30. September 1919) // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. II. S. 326–327.

⁶³⁵ BArch. R 43-I/1351. Bl. 188–189. Protokoll über die Sitzung des Reichsministeriums vom Freitag, den 3. Oktober 1919 nachmittags 4 Uhr im Reichstagsgebäude.

войны, в то время как Германия должна была ассоциироваться с мирным развитием. Дополнительно подчеркивалась экономическая несостоятельность Польши — в рамках пропаганды следовало делать акцент на слабости польской валюты, высокий уровень задолженности, а также на тяжелые условия повседневной жизни, включая дороговизну и высокие темпы инфляции⁶³⁶.

Проводниками этих пропагандистских установок выступали не государственные структуры, а квазигосударственные организации: Восточногерманская отечественная служба и Германский союз по защите немцев за границей. Выдвижение именно этих организаций на первый план в плебисцитарной кампании объяснялось несколькими факторами.

Во-первых, они способствовали проведению надпартийной пропаганды. Население плебисцитарных районов отличалось значительной конфессиональной, этнической и политической неоднородностью⁶³⁷, правительственные чиновники признавали, что прямая партийная агитация неизбежно спровоцирует внутренние конфликты. Кроме того, такой подход обеспечивал большую гибкость и вариативность пропагандистских практик. Германская агитация была направлена не только на этнических немцев, но и на поляков и мазуров. Организаторы кампании исходили из прагматического расчета: для достижения желаемого исхода голосования требовалась поддержка всех этнических и конфессиональных групп⁶³⁸.

В ряде округов предпринимались усилия по привлечению на сторону Германии мазуров, скептически относившихся к немцам вследствие дискриминационной политики кайзеровского периода. В пропагандистских материалах допускалось признание прежних ошибок германских властей. Одновременно подчеркивалось, что в новой демократической Германии

⁶³⁶ *Wrzesiński W.* Plebiscyty na Warmii i Mazurach... S. 128.

⁶³⁷ BArch. R 43-I/1847. Bl. 150–163. Niederschrift der Reichszentrale für Heimatdienst über die notwendig erachtete Aufklärungstätigkeit in Ostpreußen, Berlin, 3.3.1920.

⁶³⁸ Особенно важно, что голоса подсчитывались отдельно в каждой общине, см. подробнее: *Wrzesiński W.* Plebiscyty na Warmii i Mazurach... S. 149.

населению будут гарантированы равные права и более широкое участие в политической жизни. В работе с польским сельским населением немцы использовали сведения о том, что в Польше жестоко подавляются сельскохозяйственные забастовки. Это должно было сформировать негативный образ Польши. При этом привлечение к агитации общественных организаций позволяло формально соблюдать ограничения, установленные Межсоюзнической комиссией, и не вызывать лишних подозрений.

Важное место во взаимодействии между различными акторами в ходе подготовки к плебисциту занимал вопрос контроля над силовыми ресурсами. Согласно Версальскому договору, из района проведения плебисцита предварительно должны были быть выведены все части германской армии (ст. 95)⁶³⁹. Изначально планировалось, что обеспечением безопасности будут заниматься военные формирования стран-участниц Межсоюзнической комиссии, однако уже в конце лета 1919 г. представители этих стран заняли уклончивую позицию в данном вопросе, не желая отправлять своих солдат и офицеров в конфликтный регион. В этих условиях в германских правительственных кругах обсуждалась необходимость срочной подготовки значительного (около 5000 человек) полицейского контингента для обеспечения порядка в период подготовки к плебисциту⁶⁴⁰. Срочность решения вопроса была обоснована тем, что у представителей МИД имелись серьезные опасения, что после выхода из региона германских войск польская армия займет его под предлогом обеспечения безопасности поляков. По мнению германских властей, следовало заранее лишить Польшу этого аргумента перед лицом Межсоюзнической комиссии.

Центральные и провинциальные ведомства были едины в том, что следует создать «полицию безопасности» (Sicherheitspolizei), однако на стадии обсуждения финансовых вопросов возникли разногласия между

⁶³⁹ Versailler Vertrag. URL: <http://www.documentarchiv.de/wr/vv03.html#VIII> (дата обращения: 20.03.2026).

⁶⁴⁰ BArch. R 43-I/2691. Bl. 55. Der Reichsminister des Innern an den Unterstaatssekretär in der Reichskanzlei, Berlin, 25.9.1919.

представителями рейха и Пруссии. Прусские власти последовательно уклонялись от участия в финансировании, аргументируя это тем, что речь идет о временной мере, необходимой для исполнения условий мирного договора, следовательно, выделение на эти цели средств — обязанность ведомств на уровне рейха⁶⁴¹. В результате продолжительной дискуссии был достигнут компромисс: $\frac{2}{3}$ расходов нес рейх, $\frac{1}{3}$ — Пруссия⁶⁴².

Созданная в результате достигнутого компромисса «полиция безопасности» стала первым подобным формированием на территории Восточной Пруссии. В восточных районах провинции аналогичные подразделения появились несколькими месяцами позже, хотя местные жители требовали создать их с лета 1919 г. Создание «полиции безопасности» в районах проведения плебисцита перед Межсоюзнической комиссией обосновывалось необходимостью противодействия большевистской угрозе, однако в реальности полиция выполняла более широкий спектр задач, выступая важным инструментом политического контроля в преддверии плебисцита. По многочисленным сообщениям польской стороны, деятельность полиции сопровождалась давлением на польские организации и активистов⁶⁴³. Это вызывало настороженность и у представителей комиссии: французские офицеры указывали на то, что полицейские — это фактически «переодетые военные», обладающие даже артиллерийскими орудиями⁶⁴⁴, британские наблюдатели фиксировали антипольский характер полиции и ее тесные связи с консервативно-монархическими кругами Восточной Пруссии⁶⁴⁵.

⁶⁴¹ Ibid. Bl. 55–56.

⁶⁴² BArch. R 43-I/1351. Bl. 188f. Protokoll über die Sitzung des Reichsministeriums vom Freitag, den 3. Oktober 1919 nachmittags 4 Uhr im Reichstagsgebäude.

⁶⁴³ 1920 marzec 14, Olsztyn. – Sprawozdanie konsula generalnego RP, Z. Lewandowskiego, do Ministerstwa Spraw Zagranicznych w Warszawie o sytuacji na terenie plebiscytowym // Plebiscyty na Warmii i Mazurach... S. 163.

⁶⁴⁴ 1920 marzec 12, Olsztyn. – Raport władz niemieckich do Ministerstwa Spraw Zagranicznych o sytuacji w olsztyńskim okręgu plebiscytowym // Ibid. S. 161.

⁶⁴⁵ Mr. Beaumont (Marienwerder) to Earl Curzon (Received March 31) // Documents on British Foreign Policy 1919–1939. First Series. Vol. X: German Affairs and Plebiscite Problems 1920. London, 1960. P. 736–737.

Другим важным пунктом взаимодействия центральных ведомств, провинциальных органов власти и общественных организаций стала мобилизация уроженцев плебисцитарных округов, проживавших в других частях Германии. В июле 1919 г. общее число таких лиц оценивалось в 50 тыс. человек, а предполагаемые затраты на их транспортировку для участия в голосовании — в 1,5 млн марок⁶⁴⁶. Уже в октябре того же года Восточногерманская служба заявила о намерении привлечь к голосованию до 100 тыс. выходцев из плебисцитарных округов⁶⁴⁷. Даже предвидя, что голосование и без уроженцев пройдет успешно, германские власти, тем не менее, организовали доставку выходцев из Восточной Пруссии для участия в плебисците, чтобы максимизировать процент голосов, создав неопровержимый аргумент к заседанию Парижской конференции послов, для которой результаты плебисцита служили лишь рекомендацией для принятия окончательного решения.

Реальные масштабы привлечения уроженцев оказались скромнее первоначальных планов: согласно официальным польским данным, в плебисците в общей сложности приняли участие около 123 тыс. таких лиц, то есть около четверти от числа проголосовавших⁶⁴⁸. При этом искомый результат достигался Германией и без масштабной мобилизации уроженцев плебисцитарных округов, вложенные средства и организационные усилия были, по существу, избыточными. Главное значение акции состояло, скорее, в политико-психологическом эффекте — формировании как внутри страны, так и у Совета послов Антанты картины массового голосования в пользу Германии.

⁶⁴⁶ 1919 lipiec 2, Berlin. – Pismo Wschodnioniemieckich Związków Ojczyźnianych do prezydenta pruskiej Rady Ministrów, P. Hirscha, w sprawie udzielania na okres plebiscytu urlopu osobom udającym się na tereny plebiscytowe dla agitacji i głosowania // *Plebiscyty na Warmii i Mazurach...* S. 54–55.

⁶⁴⁷ Ibid.

⁶⁴⁸ *Жиров А.А.* День голосования: к вопросу об интерпретации результатов плебисцита в Восточной Пруссии 11 июля 1920 года // *Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей.* Калининград, 2015. Вып. 9. С. 89.

Регламент самого голосования был утвержден Советом послов Антанты по предложению Межсоюзнической комиссии 14 апреля 1920 г., позже был назначен и день голосования — 11 июля 1920 г. Голосование проводилось по бюллетеням-карточкам: каждому избирателю выдавался запечатанный конверт с двумя прямоугольными карточками с двуязычными надписями: «Ostpreussen—Prusy Wschodnie» и «Polska—Polen», из которых одну он опускал в урну, а вторую оставлял у себя. Окружные и участковые избирательные комиссии формировались на паритетных началах: к четырем офицерам коалиционных войск и четырем наблюдателям от Межсоюзнической комиссии добавлялись по четыре наблюдателя от каждой из национальных общин — польской и немецкой. Подсчет голосов велся гласно в присутствии наблюдателей с обеих сторон. После подсчета голосов была возможность подать апелляцию в течение трех дней. В целом ни одна из сторон во время голосования не имела видимых рычагов для массовых фальсификаций.

Итог плебисцита оказался для германской стороны триумфальным: за принадлежность к Германии высказалось 96,6% участвовавших, за Польшу — лишь 3,4%. Польская сторона немедленно заявила о «неслыханном беззаконии», подтасовках и немецком терроре против поляков. Однако приводившиеся факты нарушений представляли собой единичные случаи, как правило, без указания конкретных деталей⁶⁴⁹. Парижская конференция послов оставила польские протесты без рассмотрения ввиду однозначности результата. Из плебисцитарного района за Польшей осталось лишь несколько деревень с польским большинством, вся же остальная территория возвращалась в состав Германии.

Подводя итог, можно сказать, что после подписания Версальского договора в германском истеблишменте появилась надежда на то, что плебисцит в Восточной и Западной Пруссии дает неплохой шанс на сохранение данных территорий в составе Германии. Однако в условиях

⁶⁴⁹ Там же. С. 92.

послевоенного кризиса существовал риск, что внутренние конфликты не позволят добиться убедительной победы на плебисците. Несмотря на первоначальные разногласия и бюрократические затруднения, между ведомствами рейха, Пруссии, а также провинциальными элитами были согласованы планы совместных действий и распределены роли. Центральные ведомства задавали стратегические ориентиры, обеспечивали финансирование и продумывали общие линии пропаганды. Прусские ведомства и провинциальные чиновники использовали проблему плебисцита для улучшения экономической ситуации в провинции. На местах главную роль играли квазигосударственные организации. Им удалось проводить разноплановую пропаганду и обойти ограничения, связанные с международным контролем. Окончательно положительный для Германии исход плебисцита решился вследствие Советско-польской войны: наступление Красной армии на Варшаву поставило под вопрос будущее Польши, и многие избиратели предпочли в этих условиях проголосовать за Германию.

3.3. Мемельский вопрос в контексте внутренней и внешней политики Веймарской республики

Мемельская область — это территория Балтийского побережья между рекой Неман и бывшей границей между Германской и Российской империями. До 1919 г. она входила в состав германской провинции Восточная Пруссия и была частью исторической области, известной как Малая Литва⁶⁵⁰. Среди населения выделялись две основные группы: германизированные литовцы, жившие в сельской местности, и немцы, проживавшие преимущественно в самом крупном городе — Мемеле.

⁶⁵⁰ В немецкой научной и административной традиции с XVII в. употреблялось понятие Прусская Литва („Preußisch Litauen“). Термин Малая Литва („Kleinitauen“) представляет собой кальку с литовского „Mažoji Lietuva“ — понятия, продвигавшегося в литовской национальной публицистике со второй половины XIX в. В немецкоязычных источниках это понятие практически не употреблялось.

В ходе Парижской мирной конференции представители держав-победительниц установили, что Мемельская область будет отделена от Германии, однако точная государственная принадлежность территории оставалась предметом дискуссий. Рассматривались различные варианты решения мемельского вопроса: передача территории Литве, присоединение к Польше или создание независимого государства под международным контролем (по аналогии с обсуждавшимся тогда же проектом Вольного города Данцига). Литовская сторона выступала за первый вариант, ссылаясь, с одной стороны, на право проживающих в области литовцев на самоопределение, а с другой — на необходимость получить порт на Балтийском море. Позиции Литвы, однако, были довольно слабы, достаточно сказать, что весной 1919 г. возрожденная Литва не признавалась де-юре со стороны Великобритании, Франции и США. Польские представители, напротив, пользовались поддержкой со стороны французской дипломатии и также желали получить мемельский порт, это было особенно важно в условиях неясного статуса Данцига и спора о Вильно. Польское руководство рассматривало различные варианты действий: от простой аннексии Литвы вместе с Мемелем до обмена Мемеля на Вильно⁶⁵¹. В то же время среди мемельских элит была популярна идея автономии под эгидой одной из держав Антанты⁶⁵².

Для понимания общего контекста важно учитывать, что литовская государственность возникала при прямом и весьма существенном участии Германии. Уже в конце октября 1918 г. представитель Тарибы⁶⁵³ обращался к рейхсканцлеру Макс Баденскому с просьбой освободить около 30 тыс. литовцев — бывших военнопленных российской императорской армии, находившихся в германском плену, указывая, что без быстрого формирования

⁶⁵¹ Der Geschäftsträger in Kowno Schönberg an das Auswärtige Amt (6. April 1922) // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. VI. Göttingen, 1988. S. 87–88.

⁶⁵² *Kalijarvi T.* The Memel Statute, its origin, legal nature, and observation to the present day. London, 1937. P. 35.

⁶⁵³ Литовская Тариба (лит. Lietuvos Taryba, рус. Совет Литвы) — избранный на Вильнюсской конференции в сентябре 1917 г. представительный орган литовского национального движения, провозгласивший 16 февраля 1918 г. независимость Литвы. 11 июля 1918 г. был преобразован в Государственный совет Литвы.

литовского ополчения и полицейских частей новое государство останется беззащитным сразу после вывода германских войск⁶⁵⁴. В декабре — январе обсуждались поставки вооружений в Литву⁶⁵⁵. Тем самым к моменту, когда мемельский вопрос вышел на дипломатический уровень, между Берлином и Ковно уже сложились отношения асимметричной зависимости, что придавало литовским притязаниям на восточнопрусские земли особую остроту в глазах германских политиков.

В германских правительственных кругах мемельский вопрос долгое время терялся в длинном списке послевоенных территориальных споров. Германская позиция по данному вопросу формировалась не изолированно, а в рамках более широкой политики в отношении Литвы, направленной на сохранение германского влияния в регионе и защиту восточных рубежей от большевистской угрозы. Требование отказаться от притязаний на восточнопрусские земли было выдвинуто рано и с самого начала увязывалось с военной и финансовой помощью молодому литовскому государству. Тревога по поводу литовских притязаний обозначилась в Берлине в начале февраля 1919 г., военное ведомство запрашивало у министерства иностранных дел, целесообразно ли и далее поддерживать литовцев в связи с «сообщенными намерениями» литовского Национального совета⁶⁵⁶. Публикатор документа Л.В. Ланник связывает эту оговорку с потенциальными претензиями правительства в Ковно на Малую Литву⁶⁵⁷. Уже на следующий день министерство иностранных дел выдвинуло на переговорах с литовскими представителями условие: если Литва рассчитывает на военную поддержку,

⁶⁵⁴ Записка эмиссара Тарибы в Берлине рейхсканцлеру от 31 октября 1918 г. // *Ланник Л.В. Борьба за независимость Ваймы: документы о создании литовской армии зимой 1918–1919 гг.* // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2023. №1 (32). С. 216.

⁶⁵⁵ *Ланник Л.В. Борьба за независимость Ваймы: документы о создании литовской армии зимой 1918–1919 гг.* // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2023. №1 (32). С. 233–241.

⁶⁵⁶ ПВМ запрашивает телеграммой, действительно ли необходимо и дальше поддерживать Литву оружием против большевиков // Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2023. №1 (32). С. 250.

⁶⁵⁷ Там же. Сноска 2.

она должна прекратить агитацию за присоединение прусских территорий, в частности земель, входящих в Гумбинненский и Кёнигсбергский правительственные округа⁶⁵⁸.

Развернутое обоснование германской позиции содержалось в меморандуме «О Литве к мирной конференции», составленном в конце марта⁶⁵⁹. В восьмом пункте меморандума германской стороне на мирных переговорах рекомендовалось апеллировать к праву народов на самоопределение, чтобы отклонить притязания на германские территории, в особенности на Мемель⁶⁶⁰. Тем самым обе стороны строили аргументацию на одном и том же принципе: право народов на самоопределение служило Ковно основанием для притязаний на Мемель, а Берлину — основанием для их отклонения. При этом в пункте было прописано, что, если Литва обосновывает свои территориальные притязания «хозяйственной необходимостью иметь свободный выход к морю», такое требование может быть удовлетворено предоставлением права свободного судоходства по Неману и созданием в Мемеле свободного порта⁶⁶¹.

Когда весной 1919 г. масштаб литовских притязаний стал очевиден, министерство иностранных дел попыталось превратить финансовую нужду Литвы в инструмент давления: на переговорах о займе ведомство добивалось от литовской стороны декларации об отказе от территориальных претензий⁶⁶². Предложение, однако, было отклонено: литовская дипломатия сделала ставку на присоединение Мемеля, переговоры о займе были приостановлены.

В мае, столкнувшись с проектом мирного договора, германская делегация поначалу вообще игнорировала отделение Мемеля. Двадцать второго мая на переговорах в министерстве иностранных дел Ромберг и

⁶⁵⁸ *Grupp P.* Deutsche Außenpolitik im Schatten von Versailles 1918–1920. Paderborn, 1988. S. 272.

⁶⁵⁹ Undatierte Aufzeichnung ohne Unterschrift. Denkschrift über Litauen zur Friedenskonferenz // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. I. Göttingen, 1982. S. 346–351.

⁶⁶⁰ *Grupp P.* Op. cit. S. 276.

⁶⁶¹ Undatierte Aufzeichnung ohne Unterschrift. Denkschrift über Litauen zur Friedenskonferenz // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. I. Göttingen, 1982. S. 346.

⁶⁶² Ibid. S. 350.

Цительман категорически потребовали от литовского министра финансов Й. Вилейшиса «немедленно и безусловно отказаться от всяких притязаний и от деятельности, направленной на отторжение восточнопрусских территорий»⁶⁶³. Ультиматум не подействовал, переговоры были прерваны. Исход был заранее очевиден: еще 21 мая референт МИД Э. фон Дирксен констатировал, что Литва «безоговорочно перешла в лагерь Антанты»⁶⁶⁴. Двадцать девятого мая У. фон Брокдорф-Ранцау, последовательно выступавший против принятия «диктата Версаля»⁶⁶⁵, в замечаниях германской делегации к проекту мирного договора заявил, что жители Мемельской области не желают отделения от Германии⁶⁶⁶. Дипломат также привел конкретные цифры, призванные доказать, что в области проживает преимущественно немецкоязычное население, а столицей области является «чисто немецкий» город Мемель⁶⁶⁷.

Показательно, что и после срыва переговоров с Вилейшисом германская сторона не отказалась от попыток вывести мемельский вопрос за рамки версальского урегулирования. Через неофициальные каналы обсуждался, в частности, проект секретного германско-литовского договора, согласно которому Литва отказалась бы от переданных ей в Версале территорий, обе стороны совместно организовали бы плебисцит, а Германия предоставила бы Литве свободный порт в Мемеле. Дальше предварительных набросков эти планы не пошли⁶⁶⁸.

В восточнопрусских кругах отделению Мемельской области также уделялось довольно мало внимания, особенно по сравнению с тем, какое количество газетных статей было посвящено польским территориальным

⁶⁶³ *Grupp P. Op. cit. S. 279.*

⁶⁶⁴ *Ibid.*

⁶⁶⁵ См. подробнее: *Евдокимова Т.В.* О специфике рекрутирования элит... С. 112.

⁶⁶⁶ The President of the German Delegation (Brockdorff-Rantzau) to the President of the Peace Conference (Clemenceau). May 29, 1919. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919Parisv06/d89> (дата обращения: 15.04.2026).

⁶⁶⁷ *Ibid.*

⁶⁶⁸ *Grupp P. Op. cit. S. 280.*

притязаниям. Статус Мемеля вызывал беспокойство у провинциальных экономических элит, так как существовали опасения, что мемельский порт будет конкурировать с кёнигсбергским⁶⁶⁹.

Однако, несмотря на майские протесты, решение об отделении области от Германии уже было принято. Согласно Версальскому договору, Германия должна была отказаться от прав на Мемельскую область и признать постановления, которые представители союзных держав примут относительно этой территории (ст. 99)⁶⁷⁰. Подобная формулировка все еще сохраняла неопределенность в мемельском вопросе.

В определении позиции Германии по этой спорной территории наиболее активно действовали следующие игроки. Во-первых, министерство иностранных дел, видевшее в Мемеле важный узел восточной политики. Во-вторых, особое положение занимал рейхскомиссар по Мемельской области, призванный координировать политику различных ведомств. В-третьих, региональные власти и элиты Восточной Пруссии, непосредственно сталкивавшиеся с последствиями отделения Мемельской области. Перед этими акторами встала нетривиальная задача: решение мемельского вопроса в условиях утраты формального суверенитета над регионом и отсутствия полноценных инструментов воздействия на процесс принятия решений на международной арене.

Обер-президент Восточной Пруссии Август Винниг был глубоко погружен в перипетии прибалтийской политики и видел в Мемельской области важный транспортный узел в условиях вывода германской армии из Прибалтики. Он предполагал следующие варианты развития мемельского вопроса: либо в Мемеле будет создано независимое государство, либо область будет присоединена к Литве⁶⁷¹. По мнению Виннига, следовало как можно

⁶⁶⁹ Listowsky P. Freihafen Königsberg // Königsberger Hartungsche Zeitung. 1919. 5. Juni. S. 1.

⁶⁷⁰ Versailler Vertrag. URL: <http://www.documentarchiv.de/wr/vv03.html> (дата обращения: 15.04.2026). Границы Мемельской области были описаны в ст. 28.

⁶⁷¹ Der Oberpräsident der Provinz Ostpreußen an das Auswärtige Amt. 19. Juli 1919 // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. II. Göttingen, 1984. S. 184.

скорее назначить специального чиновника — рейхскомиссара по Мемельской области⁶⁷². Рейхскомиссар должен был заниматься сохранением влияния Германии в области, стать связующим звеном между местным населением и германскими властями и вести переговоры от имени правительства рейха с представителями Литвы и Антанты. Обер-президент считал, что самый подходящий кандидат — это регирунгспрезидент Георг фон Ламбсдорф⁶⁷³. Чиновник обладал многолетним опытом работы на востоке провинции⁶⁷⁴, но при этом не был частью мемельской элиты и, следовательно, пользовался доверием со стороны правительства.

Несмотря на просьбу Виннига форсировать процесс, Ламбсдорф был назначен на должность лишь 27 августа⁶⁷⁵. Вступив в должность, в сентябре рейхскомиссар доложил прусским властям, что за лето ситуация в Мемельской области ухудшилась, так как ведомства на уровне рейха и Пруссии заранее считали, что территория потеряна для Германии. Это привело к тому, что прекратились государственные субсидии, а часть движимого и недвижимого государственного имущества была распродана или вывезена за пределы области, многие чиновники были переведены на службу в другие регионы⁶⁷⁶. За ними последовали предприниматели⁶⁷⁷. В совокупности все это отрицательно сказалось на настроениях местных жителей. В связи с этим министр-президент П. Хирш просил представителей ведомств Пруссии и рейха до особого распоряжения воздержаться от любых мер, способных вызвать волнения в Мемельской области, а те меры, которые, по мнению представителей министерств, являлись неотложными, следовало принимать

⁶⁷² Ibid. S. 184–185.

⁶⁷³ Ibid. S. 185.

⁶⁷⁴ В 1895–1905 гг. Ламбсдорф служил ландратом в округе Рагнит, а в 1910–1919 гг. занимал должность регирунгспрезидента в Гумбинненском правительственном округе.

⁶⁷⁵ [Ministerium des Innern] // Deutscher Reichsanzeiger und Preußischer Staatsanzeiger. 1919. 27. August. S. 2.

⁶⁷⁶ BArch. R 43-I/381. Bl. 14. Der Präsident des Staatsministeriums an sämtliche Reichs- und Staatsminister, Berlin, 20.9.1919.

⁶⁷⁷ Richter K. Displacement without Moving: Secession, Border Changes and Practices of Population Politics in Lithuania, 1916–1923 / Population Displacement in Lithuania in the Twentieth Century Experiences, Identities and Legacies. Boston: Brill, 2016. P. 76.

исключительно по согласованию с рейхскомиссаром по Мемельской области⁶⁷⁸.

Ламбсдорф еще 10 июля, то есть за полтора месяца до назначения, первым сформулировал план действий в рамках мемельского вопроса. Он считал, что в условиях геополитической неопределенности и неясности формулировок мирного договора следует придерживаться той точки зрения, что Мемельская область может вернуться в состав Германии, поэтому, по мнению чиновника, следовало сохранять, даже под контролем Антанты, германские позиции в области и, прежде всего, проводников влияния — прежний немецкий чиновничий аппарат⁶⁷⁹.

Прусское правительство в октябре 1919 г. согласилось с данной стратегией и постановило, исходя из неопределенного международно-правового статуса, продолжать финансирование текущих расходов Мемельской области без учета положений мирного договора⁶⁸⁰. Вопросы долгосрочного инвестирования, включая инфраструктурные проекты и переселенческую политику, следовало всесторонне рассматривать на уровне министерств с установкой на то, чтобы не проводить отличий между областью и другими территориями рейха. Все кадровые изменения следовало согласовывать с рейхскомиссаром и немедленно заменять перемещенных или уволенных чиновников⁶⁸¹. Существовали опасения, что в противном случае места немецких чиновников займут литовцы, что существенно осложнит жизнь немецкого населения и приведет к уменьшению германского влияния⁶⁸².

Такой подход призван был обеспечить сохранение германских позиций на случай возможного пересмотра статуса края, в том числе через плебисцит.

⁶⁷⁸ BArch. R 43-I/381. Bl. 14–15. Der Präsident des Staatsministeriums an sämtliche Reichs- und Staatsminister, Berlin, 20.9.1919.

⁶⁷⁹ BArch. R 43-I/381. Bl. 5. Der Regierungspräsident in Gumbinnen an den Oberpräsidenten und das Reichsministerium des Innern, Gumbinnen, 10.7.1919.

⁶⁸⁰ Ibid. Bl. 18. Beschluss des preußischen Staatsministeriums vom 29.9.1919 über die gleichmäßige Behandlung des Memelgebiets, Berlin, 29.9.1919.

⁶⁸¹ Ibid. Bl. 18f.

⁶⁸² BArch. R 43-I/1353. Bl. 213–214. Protokoll über die Sitzung des Reichsministeriums vom 20. Februar 1920 im Reichskanzlerhause.

В этом отношении Ламбсдорф, вероятно, ориентировался на опыт плебисцитарных районов на юго-западе Восточной Пруссии, где в тот же период велась масштабная пропагандистская кампания по подготовке населения к референдуму о государственной принадлежности спорных территорий. Однако в Мемельской области воспроизведение подобного сценария было затруднено, так как отсутствовало сопоставимое по масштабу и степени консолидации движение в пользу сохранения региона в составе Германии. В этих условиях именно чиновничий аппарат оставался единственным относительно надежным инструментом поддержания германского влияния.

При этом, хотя идея плебисцита в отношении Мемельской области периодически обсуждалась, речи о его организации не шло. Это, видимо, понимали на уровне большей части ведомств рейха и Пруссии. Эти ведомства не согласовывали свои действия со стратегией Ламбсдорфа. Они принимали решения так, как будто Мемельская область уже перестала быть частью Германии. Представители Мемеля жаловались на то, что рейхскомиссар по жилищному вопросу отклонил дальнейшее выделение дотаций для области⁶⁸³, а расположенные там предприятия (мельницы и табачные фабрики) перестали получать заказы⁶⁸⁴. Помимо этого, не соблюдалось предписание прусского правительства о недопустимости изменения кадрового состава мемельских чиновников: в начале ноября 1919 г. стало известно, что почтовые и таможенные служащие, а также лесники получили предписания о переводе⁶⁸⁵. Прусский министр-президент объяснял ситуацию тем, что произошла «путаница с директивами», и просил, «насколько это возможно», отменить данные предписания, однако, судя по ведомственной переписке, решения не были отменены.

⁶⁸³ BArch. R 43-I/381. Bl. 30–31. Niederschrift über die kommissarische Besprechung im preußischen Staatsministerium über die Verhältnisse im Memelgebiet, Berlin, 1.11.1919.

⁶⁸⁴ Ibid. Bl. 32.

⁶⁸⁵ Ibid. Bl. 28. Der Präsident des Staatsministeriums an sämtliche Reichs- und Staatsminister, Berlin, 4.11.1919.

Таким образом, хотя стратегия Ламбсдорфа и была одобрена на уровне прусского правительства, на практике она не реализовывалась. Ведомства рейха даже пытались вывезти из края числившееся на их балансе имущество. Так, представитель Мемеля докладывал, что на городском вокзале были демонтированы рельсы, установленные в годы войны. По сообщениям местных чиновников, после демонтажа их подготовили к отправке в Германию⁶⁸⁶. Помимо этого, министерство сельского хозяйства отказывалось выделять средства на увеличение поголовья лошадей в области, открыто говоря о напрасных тратах в этой сфере⁶⁸⁷. Примечательно, что так же воспринимали Мемельскую область и в Кёнигсберге: Ламбсдорф докладывал, что кёнигсбергская университетская библиотека теперь отправляла книги жителям Мемельской области только в том случае, если они вносили залог в размере полной цены книги⁶⁸⁸. Для понимания сложившейся конфигурации важно и то, что прусский министр-президент неоднократно рассылал по ведомствам циркуляр с одной и той же просьбой: при принятии любых решений, касающихся Мемельской области, проводить предварительные консультации с рейхскомиссаром Ламбсдорфом⁶⁸⁹. Подобная рассылка косвенно свидетельствует о том, что берлинские ведомства, чувствительные к любым изменениям в традиционной бюрократической структуре, попросту игнорировали Ламбсдорфа.

В совокупности эти факты указывают на слабость институционального положения рейхскомиссара, который практически не мог повлиять на складывающуюся ситуацию. Хотя Ламбсдорф обладал опытом работы в Мемельской области, мог информировать правительства и проявлял

⁶⁸⁶ Ibid. Bl. 31f. Niederschrift über die kommissarische Besprechung im preußischen Staatsministerium über die Verhältnisse im Memelgebiet, Berlin, 1.11.1919.

⁶⁸⁷ Ibid. Bl. 32.

⁶⁸⁸ Ibid. Bl. 32.

⁶⁸⁹ См. подробнее: BArch. R 43-I/381. Bl. 14. Der Präsident des Staatsministeriums an sämtliche Reichs- und Staatsminister, Berlin, 20.9.1919; Ibid, Bl. 28. Der Präsident des Staatsministeriums an sämtliche Reichs- und Staatsminister, Berlin, 4.11.1919; Ibid. Bl. 30. Niederschrift über die kommissarische Besprechung im preußischen Staatsministerium über die Verhältnisse im Memelgebiet, Berlin, 1.11.1919.

постоянную административную активность, он не располагал ни политическими, ни силовыми, ни финансовыми ресурсами и не был интегрирован в местную политическую жизнь. В этом смысле показательно, что рейхскомиссар проживал не в Мемеле, а в Гумбиннене и, по собственному признанию, был вынужден «вести жизнь путешественника»⁶⁹⁰.

Министерство иностранных дел в августе — декабре 1919 г. в целом также исходило из того, что Мемельская область уже утрачена, и не оказывало активной поддержки усилиям Ламбсдорфа по сохранению германского влияния в регионе. Тем временем судьба области обсуждалась на международном уровне. В ноябре министериальдиректор МИД Эдуард фон Симсон, находившийся в Париже, докладывал о беседе с политического департамента французского внешнеполитического ведомства Анри Бертло, в котором тот заявил, что Мемель предполагается отнести к литовскому государству в качестве его порта⁶⁹¹.

Однако представители Антанты так и не решились на этот шаг. Девятого января 1920 г., то есть за день до вступления в силу Версальского мирного договора, между Францией и Германией было подписано соглашение, согласно которому Мемельская область передавалась под контроль союзных и ассоциированных держав. Ожидалось, что контроль над Мемельской областью установит Великобритания, однако 5 февраля было объявлено, что Мемель будет занят французскими войсками под руководством генерала Одри⁶⁹². Это решение было отрицательно воспринято как в Германии, так и в Литве из-за опасений по поводу увеличения влияния главного союзника Франции — Польши. Далее к 12 февраля Мемельскую область покинули последние германские военные, и через три дня рейхскомиссар Ламбсдорф передал

⁶⁹⁰ Der Reichs- und Staatskommissar für das Memelgebiet Graf von Lambsdorff an das Auswärtige Amt (8. Februar 1922) // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. V. Göttingen, 1987. S. 569–570.

⁶⁹¹ Aufzeichnung des Ministerialdirektors von Simson (z. Z. Paris) (21. November 1919) // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. II. S. 425.

⁶⁹² Kalijarvi T. Op. cit. P. 52.

командование французскому верховному комиссару генералу Доминику-Жозефу Одри.

В Мемельской области сформировалась следующая структура управления, которая действовала до января 1923 г. Верховная власть принадлежала Д. Одри и гражданскому комиссару Габриэлю Жану Петисне, при них действовали местные совещательные органы — директория и государственный совет⁶⁹³. Для осуществления коммуникации между германскими властями и французской администрацией во время переходного периода продолжил работать и Ламбсдорф⁶⁹⁴. Французские власти согласились сохранить большую часть немецких чиновников, чтобы их места не достались литовцам. Примечательно, что сами чиновники, судя по отчетам Ламбсдорфа, не хотели оставаться в области, сложно было и заменить уходящих в отставку чиновников, поэтому рейхскомиссар несколько раз просил правительство ввести надбавку для служащих в Мемельской области, однако представители ведомств были единогласны в том, что подобное требование не может быть удовлетворено. В частности, представитель министерства финансов прямо указывал на недопустимость таких выплат с учетом возможных последствий для других территорий⁶⁹⁵.

Назначение и прибытие французской администрации заставили Ламбсдорфа пересмотреть стратегию в отношении мемельского вопроса. В письме от 4 марта в МИД Ламбсдорф указал на то, что с германской точки зрения наиболее предпочтительным вариантом развития событий является присоединение Мемельской области к Литве, а не установление длительного контроля со стороны какой-либо западной державы⁶⁹⁶. При этом

⁶⁹³ Ibid. P. 53.

⁶⁹⁴ BArch. R 43-I/381. Bl. 46. Der Reichs- und Staatskommissar für das Memelgebiet an das Wehrkreiskommando I Königsberg und die Provinzialbehörden.

⁶⁹⁵ Ibid. Bl. 61f. Der Präsident des Staatsministeriums an das Auswärtige Amt, sämtliche Staatsminister, den Reichsminister des Innern, den Reichspostminister, den Reichsfinanzminister und den Unterstaatssekretär in der Reichskanzlei, Berlin, 12.4.1920.

⁶⁹⁶ Der Reichs- und Staatskommissar für das Memelgebiet Graf von Lambsdorff an Geheimes Legationsrat Graf von und zu Lerchenfeld auf Köfering und Schönberg (4. März 1920) // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. III. Göttingen, 1985. S. 103–104.

рейхскомиссар выражал сомнения в устойчивости как Литвы, так и Польши в долгосрочной перспективе, учитывая давление на эти страны с востока в свете Советско-польской войны. Однако, по его мнению, не было и речи о долгосрочных прогнозах. В условиях, когда Германия фактически не может вернуть регион, его включение в состав ослабленной Литвы позволит хотя бы сохранить там германское влияние⁶⁹⁷.

Данная установка в целом совпадала с позицией министерства иностранных дел, ориентировавшегося на выстраивание прагматичных и мирных отношений с Литвой. Предложения Ламбсдорфа оценивались в ведомстве как «вполне обоснованные», при этом подчеркивалось, что следует выстроить отношения с Каунасом таким образом, чтобы «из необходимости уступки извлечь преимущество в виде дружественных отношений»⁶⁹⁸. Если посмотреть на ситуацию в более широком контексте, у МИД были опасения, что длительный французский протекторат превратит Мемель во «французский Гибралтар»⁶⁹⁹ — опорный пункт, который позволит французам контролировать германские экономические связи с востоком. На этом фоне присоединение к Литве воспринималось как «меньшее из зол»: предполагалось, что экономическая зависимость Литвы от Германии, а также экономическое влияние самих жителей Мемельской области позволят Берлину сохранять рычаги давления и влияние в регионе⁷⁰⁰.

В июне того же года эта установка была одобрена на уровне правительства Пруссии. Ламбсдорф предложил конкретный план по сохранению влияния Германии в регионе⁷⁰¹. По его мнению, для этого следовало не только сохранить немецкий чиновничий аппарат, но и выстроить комплексную систему германского присутствия в регионе. Ключевую роль он

⁶⁹⁷ Ibid. S. 104.

⁶⁹⁸ Ibid. S. 105 (Anmerkung 7).

⁶⁹⁹ Undatierte Aufzeichnung ohne Unterschrift. Aufzeichnung über den gegenwärtigen Stand der Memelfrage // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. V. S. 397.

⁷⁰⁰ Ibid.

⁷⁰¹ Der Reichs- und Staatskommissar für das Memelgebiet Graf von Lambsdorff an das Auswärtige Amt // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. III. S. 527–529.

отводил активизации пропагандистской работы через прессу. Предполагалось наладить систематическое воздействие на литовскоязычную аудиторию для того, чтобы бороться с односторонними статьями в пролитовской прессе. Кроме того, требовалось обеспечить регулярное освещение положения Мемельской области в германской прессе; Ламбсдорф констатировал, что на данный момент общегерманские и провинциальные газеты практически не освещают ситуацию. Наряду с этим, Ламбсдорф подчеркивал необходимость укрепления «немецкости» через церкви, школы, общественные организации, театры и библиотеки. Таким образом, речь шла о комплексной стратегии удержания региона в орбите германского влияния.

Для координирования данного вопроса Ламбсдорф пытался повысить свой статус и подал прошение в МИД о назначении его на должность германского поверенного в Мемельской области (при сохранении должности рейхскомиссара)⁷⁰². Назначения, однако, так и не последовало, как и не были осуществлены те меры, которые предлагал рейхскомиссар. Немецкие чиновники покидали Мемельскую область, периодически происходили конфликты между чиновниками и представителями французской администрации. Те же сложности касались и усилий по организации пропагандистской работы: в Мемельской области отсутствовали политические силы, могущие стать проводниками прогерманской пропаганды.

В Восточной Пруссии мемельский вопрос мало волновал политическое руководство провинции. Однако линия, выработанная МИД и Ламбсдорфом, не получила одобрения со стороны экономических кругов и воспринималась скорее как противоречащая региональным интересам. Для понимания реакции восточнопруссских элит важно отметить, что отделение Мемельской области в 1920 г. привело к возникновению таможенной границы с Восточной Пруссией, что заметно ослабило существовавшие ранее экономические связи. От этого

⁷⁰² Der Reichs- und Staatskommissar für das Memelgebiet Graf von Lambsdorff an Geheimen Legationsrat Graf von und zu Lerchenfeld auf Köfering und Schönberg (4. März 1920) // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. III. S. 105.

страдали и восточнопрусские города. Летом 1921 г. министр экономики Германии писал об экономическом спаде в Тильзите, поскольку новая граница отрезала город от его сельскохозяйственной периферии на правом берегу Немана⁷⁰³.

Между тем восточнопрусским экономическим кругам, видимо, было намного предпочтительнее оставить Мемельскую область независимой от Литвы, поскольку в этом случае сохранялась возможность выстраивания более выгодных (для провинции) экономических отношений. Вызывали опасения попытки Литвы установить таможенный союз с Мемельской областью, поскольку это означало бы перераспределение потоков в пользу Ковно и отсечение кёнигсбергского порта от торговли с восточными государствами. В этом контексте экономические круги Восточной Пруссии добивались скорейшего заключения германо-мемельского торгового соглашения, проект которого был подготовлен уже в июне 1920 г., однако его реализация оказалась заблокирована французской администрацией, предпочитавшей вести переговоры с Литвой.

Несмотря на настойчивые требования со стороны Кёнигсберга, министерство иностранных дел не спешило инициировать экономические переговоры с литовской стороной, что усиливало противоречия между региональными и центральными акторами. Лишь в рамках обсуждений на Восточнопрусской конференции в октябре 1920 г. удалось добиться частичного сдвига. Министр экономики рейха согласился рассмотреть возможность заключения торгового договора с Литвой и привлечь к подготовке переговоров представителей восточнопрусских экономических кругов⁷⁰⁴, что все еще не означало выработки целостной и согласованной линии в данной сфере. Однако затем переговоры стала затягивать Литва, опасавшаяся, что сближение с Германией осложнит отношения со странами Антанты. Германский МИД в ответ на это также вернулся к первоначальной тактике затягивания

⁷⁰³ *Richter K.* Op. cit. P. 77.

⁷⁰⁴ *Shindo R.* Op. cit. S. 260–261.

переговоров с Литвой, что вызвало протест со стороны Торговой палаты Кёнигсберга⁷⁰⁵.

В мае 1922 г. на должность рейхскомиссара был назначен Отто Розенкранц, по совместительству он занимал должность гумбинненского регирунгспрезидента⁷⁰⁶. При этом его полномочия были изменены. В отличие от Ламбсдорфа, Розенкранц был лишен дипломатических функций, которые должны были перейти к специальному представителю из МИД⁷⁰⁷. Компетенции рейхскомиссара были сведены к управлению германскими чиновниками, остававшимися в Мемельской области, урегулированию имущественных вопросов⁷⁰⁸. Подобная реорганизация отражала стремление МИД централизовать дипломатическую работу, предотвратив вмешательство рейхскомиссара в выработку внешнеполитической линии.

Тем временем МИД стремился сохранить видимость неопределенности в решении мемельского вопроса, чтобы не провоцировать местные элиты. Хотя к осени 1922 г. ориентиры германской политики уже в значительной степени сложились — область должна была так или иначе отойти к Литве — на межведомственном совещании с участием представителей Мемельской области 25 октября 1922 г. А. фон Мальцан, курировавший мемельское направление в МИД, категорически отрицал наличие в ведомстве намерения поддержать присоединение Мемеля к Литве⁷⁰⁹. Среди мемельских элит при этом все еще была популярна идея независимого государства под французским протекторатом. В этих условиях представитель МИД, действуя через консульские каналы, целенаправленно дезорганизовал единый фронт мемельских делегатов: в дискуссию вновь была внесена идея возвращения к Германии и проведения плебисцита, что подорвало достигнутый ранее

⁷⁰⁵ Ibid. S. 261–262.

⁷⁰⁶ BArch. R 43-I/382. Bl. 36. Vollmacht für Otto Rosencrantz als Reichs- und Staatskommissar für die Überleitung im Memelgebiet, Berlin, 16.5.1922.

⁷⁰⁷ Ibid. Bl. 37.

⁷⁰⁸ Ibid. Bl. 36–37.

⁷⁰⁹ Aufzeichnung des Generalkonsuls Zoepffel-Quellenstein (26. Oktober 1922) // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. VI. S. 462–463.

консенсус⁷¹⁰. В результате мемельская делегация отправилась в Париж без согласованной позиции, что облегчило Берлину реализацию более приемлемого варианта решения мемельского вопроса.

В январе 1923 г. в Мемеле произошел путч, организованный литовскими националистами при прямой поддержке правительства Литвы, приведший к свержению французской военной администрации⁷¹¹. Восстание было заранее подготовленной акцией, но формально было представлено как стихийное движение местных «прусских литовцев», однако их роль носила в значительной степени вспомогательный и легитимирующий характер, тогда как основную силу составляли переброшенные из Литвы вооруженные формирования. Эти события разворачивались параллельно с начавшейся 11 января 1923 г. оккупацией Рурской области французскими и бельгийскими войсками. Внимание Франции было сосредоточено на Руре, а внутри Антанты усиливались разногласия⁷¹².

Показательна реакция на это событие германского внешнеполитического ведомства. В Берлине склонялись к тому, что литовский «захват» Мемеля не противоречит интересам Германии, поскольку препятствует реализации менее желательного сценария — превращения области во франко-польское «свободное государство». В связи с этим посол в Каунасе Франц Ольсхаузен рекомендовал избегать слишком резкой реакции и публичной конфронтации с Литвой, подчеркивая необходимость выстраивания по возможности дружественных отношений⁷¹³.

⁷¹⁰ Der Legationssekretär von Pannwitz (Memel) an das Auswärtige Amt (2. November 1922) // Ibid. S. 485.

⁷¹¹ См. подробнее: *Safronovas V.* Der Anschluss des Memelgebietes an Litauen. Die Tilsiter Akte und der „Aufstand“ als Symbole des Legitimationsmythos // *Annaberger Annalen / Jahrbuch über Litauen und deutsch-litauische Beziehungen*. 2009. №7. S. 29–37.

⁷¹² О влиянии Рурского кризиса на становление Версальской системы см. подробнее: *Магадеев И.Э.* Рурский кризис 1923 г. и трансформация международных отношений в Европе после окончания Первой мировой войны // *Genesis: исторические исследования*. 2024. № 3. С. 57–75; о сильной заинтересованности Франции в отделении Рейнской области от Германии см.: *Магадеев И.Э.* Германская политика Парижа в 20е годы XX века... С. 35.

⁷¹³ Der Gesandte in Kowno Olshausen an das Auswärtige Amt // *Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. VII. Göttingen, 1989. S. 78–79.*

Антанта выдвинула Литве ультиматум с требованием вернуть Мемельскую область под контроль Франции, но из-за угрозы эскалации и советского давления на польской границе в итоге от решительных мер против Литвы было решено отказаться. Шестнадцатого февраля по решению конференции послов де-факто было признано присоединение области к Литве⁷¹⁴.

В конечном счете линия, проводимая германским МИД, во многом была реализована. Согласно принятому Конференцией послов стран Антанты в 1924 г. Мемельскому статуту, формальное признание суверенитета Литвы над Мемельской областью сочеталось с предоставлением области широкой автономии. Мемельская область получила собственный парламент и органы самоуправления, сохраняла значительную самостоятельность в вопросах внутренней политики, экономики, налоговой системы.

Таким образом, мемельский вопрос в германской политике 1919–1923 гг. развивался в условиях отсутствия согласованной стратегии между различными уровнями власти. Рейхсканцелярия фактически устранилась от активного участия. По оценке Ламбсдорфа, это было связано с тем, что внимание германской политики было сосредоточено на польском направлении, мемельский вопрос отошел на второй план⁷¹⁵. Ведомства рейха исходили из предположения о неизбежной утрате региона. Наиболее активное участие в решении мемельского вопроса принимал рейхскомиссар Ламбсдорф, стремившийся сохранить административное и экономическое присутствие Германии в области. Его попытки выработать линию поведения, направленную на удержание региона в орбите германского влияния, не получили необходимой институциональной поддержки.

Восточнопрусское руководство не включало мемельский вопрос в обширный перечень первоочередных проблем, возникших в провинции после

⁷¹⁴ *Safronovas V.* Op. cit. S. 31.

⁷¹⁵ Der Reichs- und Staatskommissar für das Memelgebiet Graf von Lambsdorff an das Auswärtige Amt (8. Februar.1922) // Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Bd. V. Göttingen, 1987. S. 569–570.

Первой мировой войны. Некоторые опасения относительно возможной конкуренции с мемельским портом были у представителей кёнигсбергских экономических кругов. Однако в целом Мемельская область, видимо, воспринималась как экономически слабый регион, с которым (в случае его сохранения в составе Германии) пришлось бы делиться ограниченными ресурсами, что обусловило дистанцированную позицию провинциальных властей. Определяющую роль в мемельском вопросе имели не провинциальные интересы, а большая восточная политика — в германском внешнеполитическом ведомстве была сделана ставка на передачу области Литве. И хотя в восточнопрусской прессе после литовского захвата Мемеля и появились возмущенные и обеспокоенные статьи в связи с «утратой немецкой земли», вскоре возмущение сошло на нет. С принятием Мемельского статута в 1924 г. статус области был определен, по крайней мере на ближайшие годы.

Заключение

В рамках проведенного исследования были рассмотрены различные аспекты взаимоотношений Восточной Пруссии и центральных властей в период становления Веймарской республики: внутривластный, социально-экономический и внешнеполитический. Подобное рассмотрение позволило понять как специфику восточнопрусского случая региональной политики, так и более широкие закономерности функционирования Веймарской республики.

Прежде всего исследование показало, что взаимодействие между Кёнигсбергом и Берлином нельзя свести к двусторонней схеме. На стороне центра в рамках восточнопрусской проблемы участвовали различные акторы: действовали правительства рейха и Пруссии и ведомства на этих же уровнях; иногда во взаимоотношениях вмешивался рейхспрезидент или представители его аппарата. На стороне провинции действовали обер-президент, рейхскомиссары, Торгово-промышленная и Сельскохозяйственная палаты, общественно-политические объединения, командование 1-го корпусного округа.

В исследуемый период этим политическим игрокам не удалось выработать устойчивые механизмы кризисного взаимодействия. Каждый последующий обер-президент подходил к этой задаче с менее амбициозной программой. А. фон Батоцки в конце 1918 г. рассчитывал на масштабное переустройство всей административно-территориальной системы Германии и предлагал ликвидировать Пруссию. А. Винниг в 1919–1920 гг. сосредоточился на расширении полномочий обер-президента в рамках существующей системы. Э. Зир после Капповского путча 1920 г. ограничился созданием Восточнопрусского представительства в Берлине — компромиссной конструкции, встроенной в существующую бюрократическую иерархию.

Причины этой неудачи носили системный характер. С одной стороны, восточнопрусский истеблишмент был внутренне разобщен: демократы и

консерваторы, Кёнигсберг и аграрные районы провинции, Торгово-промышленная и Сельскохозяйственная палата — все конкурировали за ресурсы и за право представлять провинциальные интересы в Берлине. В итоге к концу исследуемого периода восточнопруссские интересы в столице представляли два чиновника: представитель обер-президента и представитель в рейхсрате. С другой стороны, в берлинских ведомствах сохранялось недоверие к восточнопруссским элитам. Это недоверие было подкреплено как сепаратистскими проектами, так и поведением провинциальной бюрократии во время Капповского путча. Помимо этого, инициативы по созданию специальных и эксклюзивных механизмов взаимодействия для Восточной Пруссии наталкивались на сопротивление ведомств рейха и Пруссии, защищавших традиционную административную вертикаль и не желавших создавать прецедент «особого статуса». В этих условиях интересы провинции в Берлине представлялись не системно, а ситуативно — при отсутствии надежного и работающего канала коммуникации берлинские ведомства были засыпаны телеграммами из Восточной Пруссии с жалобами и угрозами, что привело к появлению в языке чиновников такого понятия, как *Ostpreußenmüdigkeit* — «усталость от Восточной Пруссии».

При рассмотрении социально-экономического измерения взаимодействия были обнаружены расхождения в оценке ситуации между провинциальными элитами и центральными властями. Провинциальные деятели последовательно настаивали на том, что провинция переживает кризис, требующий системного государственного вмешательства, и обосновывали это как экономическими аргументами (последствия эксклавноности, разрыв торговых связей с Россией), так и политико-идеологическими (провинция как «форпост на Востоке»). Центральные ведомства, напротив, в исследуемый период исходили из представления о том, что провинция самодостаточна, особенно в аграрной сфере. В основе этой позиции лежал не только прагматический расчет в условиях общего экономического кризиса, но и более глубокий сдвиг региональной политики:

республиканские власти, в отличие от кайзеровского правительства, готового на постоянное субсидирование аграрных восточных районов, стремились выстраивать отношения с регионами на прагматических экономических основаниях. Это расхождение предопределило рассогласованность экономической политики центра и ожиданий провинции.

Анализ ключевых внешнеполитических сюжетов — урегулирования транзита через «польский коридор», подготовки Варминьско-Мазурского плебисцита 1920 г. и мемельского вопроса — показал, что центральные власти Германии последовательно отдавали приоритет не провинциальным интересам, а логике большой дипломатии. Затягивание переговоров о транзите, ограниченная поддержка стратегии Г. фон Ламбсдорфа по сохранению германского присутствия в Мемельской области — эти и некоторые другие решения принимались исходя из нужд общей германской внешней политики. Провинциальные игроки, осознавая свое подчиненное положение, последовательно использовали внешнеполитические угрозы как повод для демонстрации особого статуса провинции и обоснования требования поддержки со стороны центра. Однако результативность стратегии оставалась ограниченной: внешнеполитический аргумент срабатывал тогда, когда провинциальные требования совпадали с собственными приоритетами центра.

Обобщая результаты исследования, можно охарактеризовать политику центральных властей в отношении Восточной Пруссии в 1918–1923 гг. как ситуативную и реактивную. Эксклавный статус Восточной Пруссии порождал специфические управленческие задачи в области транзита, экономической поддержки, внутренней безопасности и пограничной защиты, для которых не существовало готовых институциональных решений. В итоге политика центра сводилась преимущественно к точечному реагированию на возникающие кризисы и к компромиссным решениям, не складывавшимся в целостную модель управления эксклавной территорией.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

Архивные документы

1. Bundesarchiv (BArch)

Фонды центральных ведомств:

R 2: Reichsfinanzministerium.

R 43-I: Reichskanzlei.

R 601: Präsidialkanzlei.

R 1501: Reichsministerium des Innern.

RM 6: Marineleitung.

PH 2: Bekämpfung sozialdemokratischer Bestrebungen.

Личные фонды:

N 18. Heye, Wilhelm.

N 42. Schleicher, Kurt von.

N 46. Groener, Wilhelm.

N 62. Rabenau, Friedrich von.

N 247. Seeckt, Hans von.

N 1031. Gayl, Wilhelm Freiherr von.

N 1113. Goerdeler, Carl.

2. Politisches Archiv des Auswärtigen Amts, Berlin (PAAA)

Внутриведомственные фонды МИД:

RZ 201: Abteilung IA.

RZ 208: Länderabteilung IV.

Личные фонды:

NL 203: Nadolny, Rudolf.

3. Archiwum Państwowe w Olsztynie (APO)

Archiwum Państwowe w Olsztynie. 42/6/0/6/32/1. (Akten der Provinzial-

Verwaltung der Provinz Ostpreußen. 1919–1923).

4. Российский государственный военный архив, Москва (РГВА)

Ф. 1503к. Германский уполномоченный по проведению плебисцита в Западной Пруссии.

Опубликованные источники

Стенограммы заседаний законодательных органов власти

5. Verhandlungen der verfassunggebenden Deutschen Nationalversammlung. Band 333. Stenographische Berichte. Von der 159. Sitzung am 12. April 1920 bis zur 180. (Schluß-)Sitzung. Am 21. Mai 1920. Berlin, 1920.

6. Verhandlungen der verfassunggebenden Deutschen Nationalversammlung. Band 341. Anlagen zu den Stenographischen Berichten. Nr. 1859 bis 2467. Berlin, 1920.

7. Verhandlungen des Reichstages. I. Wahlperiode 1920. Band 349. Stenographische Berichte. Von der 90. Sitzung am 19. März 1921 bis zur 115. Sitzung am 16. Juni 1921. Berlin, 1921.

8. Verhandlungen des Reichstages. I. Wahlperiode 1920. Band 349. Stenographische Berichte. Von der 90. Sitzung am 19. März 1921 bis zur 115. Sitzung am 16. Juni 1921. Berlin, 1921.

9. Verhandlungen des Reichstages. I. Wahlperiode 1920. Band 352: Stenographische Berichte. Von der 151. Sitzung am 16. Dezember 1921 bis zur 172. Sitzung am 17. Februar 1922. Berlin, 1922.

10. Verhandlungen des Reichstages. I. Wahlperiode 1920. Bd. 368. Anlagen zu den Stenographischen Berichten. Nr. 2254 bis 2628. Berlin, 1924.

Нормативные акты

11. Die Verfassung des Deutschen Reiches („Weimarer Reichsverfassung“).

URL: <https://www.verfassungen.de/de19-33/verf19-i.htm> (дата обращения: 20.04.2026).

12. Gesetz, betreffend das Abkommen zwischen Deutschland, Polen und der Freien Stadt Danzig über den freien Durchgangsverkehr zwischen Ostpreußen und dem übrigen Deutschland. Vom 12. Juli 1921 // Reichs-Gesetzblatt. 1921. 6. August.

13. Reichssiedlungsgesetz. 11.08.1919. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/rsiedlg/BJNR014290919.html> (дата обращения: 11.12.2025).

14. Verfassung des Freistaats Preußen vom 30. November 1920. URL: <https://www.verfassungen.de/preussen/preussen20-index.htm> (дата обращения: 20.04.2026).

Сборники документов

15. Советско-германские отношения 1922–1925 гг.: документы и материалы. Ч. 1. 1922–1924 гг. М., 1977.

16. Akten der Reichskanzlei. Weimarer Republik. URL: <https://apps.bundesarchiv.de/aktenreichskanzlei/1919-1933/0000/index.html;jsessionid=59A8F7503A3D820F980AC3D1929046F6> (дата обращения: 11.12.2025).

17. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Band I: 9. November 1918 bis 5. Mai 1919. Göttingen, 1982.

18. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Band. II: 7. Mai bis 31. Dezember 1919. Göttingen, 1984.

19. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Band III: 1. Januar bis 30. September 1920. Göttingen, 1985.

20. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Band IV: 1. Oktober 1920 bis 30. April 1921. Göttingen, 1986.

21. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Band V: 1. Mai 1921 bis 28. Februar 1922. Göttingen, 1987.

22. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Band VI:

1. März bis 31. Dezember 1922. Göttingen, 1988.

23. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. Serie A: 1918–1945. Band VII:

1. Januar bis 31. Mai 1923. Göttingen, 1989.

24. Max Weber zur Neuordnung Deutschlands. Schriften und Reden 1918–1920. Tübingen, 1988.

25. Plebiscyty na Warmii i Mazurach i Powiślu w 1920 roku. Wybór źródeł. Olsztyn, 1986.

Статистические сборники и базы данных

26. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 35. 1914. Berlin, 1914.

27. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 36. 1915. Berlin, 1915.

28. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 37. 1916. Berlin, 1916.

29. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 38. 1917. Berlin, 1917.

30. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 40. 1919. Berlin, 1919.

31. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 41. 1920. Berlin, 1920.

32. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 42. 1921–1922. Berlin, 1922.

33. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 43. 1923. Berlin, 1923.

34. Statistisches Jahrbuch für das Deutsche Reich. Jahrgang 44. 1924–1925. Berlin, 1925.

35. Wahlen in Deutschland. Weimarer Republik. Reichstagswahlen. Provinz Ostpreußen. URL: <https://www.wahlen-in-deutschland.de/wuupostpreussen.htm>

(дата обращения: 20.08.2025).

36. Wahlen in Deutschland. Weimarer Republik. Landtagswahlen. Provinz Ostpreußen. URL: <https://www.wahlen-in-deutschland.de/wlupOstpreussen.htm>
(дата обращения: 20.08.2025).

Документы политических, общественных и хозяйственных организаций

37. Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom März 1906 bis Oktober 1908. Königsberg, 1908.

38. Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom 1. April 1918 bis 31. März 1919. Königsberg, 1919.

39. Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom 1. April 1919 bis 31. März 1920. Königsberg, 1920.

40. Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom 1. April 1920 bis 31. März 1921. Königsberg, 1921.

41. Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Geschäftsbericht 1921/1922. Königsberg, 1922.

42. Ostpreußische Landgesellschaft m. b. Haftung zu Königsberg i. Pr. Bericht für die Zeit vom 1. Januar bis 31. Dezember 1924. Königsberg, 1925.

43. Tätigkeitsbericht über die Zeit von der Gründung bis zum 1. Juli 1919, erstattet vom Ostdeutschen Heimatdienst, Landesverband Ostpreußen. Königsberg, 1919.

44. Tilžės akto originalas yra Vytauto Didžiojo karo muziejuje. URL: <http://www.pamarys.eu/tilzes-akto-originalas-yra-vytauto-didziojo-karo-muziejuje/>
(дата обращения: 05.08.2026).

45. Verhandlungen der Landwirtschaftskammer für die Provinz Ostpreussen. Fünfundzwanzigste Sitzungsperiode am 26. und 27. Februar 1920. Königsberg, 1920.

Периодическая печать

46. Восточно-Европейский Рынок. Журнал по всем экономическим вопросам Германии и Восточной Европы. 1923.
47. Archiv für innere Kolonisation. 1914.
48. Berliner Börsen-Zeitung. 1920.
49. Berliner Tageblatt. 1920.
50. Der Osten. 1920.
51. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1918–1923.
52. Deutsche Tageszeitung. 1915.
53. Gumbinner Kreisblatt. 1920.
54. Kölnische Zeitung. 1921.
55. Königsberger Hartungsche Zeitung. 1918–1923.
56. Königsberger Volkszeitung. 1915.
57. Mitteilungen der Deutschen Volksräte Posens und Westpreußens. 1919.
58. Neue Westfälische Volkszeitung. 1921.
59. Ostgalizische Feldzeitung. 1917.
60. Ostpreußische Zeitung. 1918–1922.
61. Paderborner Anzeiger. 1920.
62. Süddeutsche Zeitung. 1920.
63. Volkswacht. 1920.

Агитационные материалы (брошюры, листовки)

64. Antispartakus. Wie man über die von innen und außen drohenden Gefahren aufklärt. Königsberg, 1919.
65. Bürger, Arbeiter, Parteigenossen! Sozialdemokratisches Flugblatt zum Kapp-Lüttwitz-Putsch. URL:
<https://www.dhm.de/archiv/sammlungen/gifs/sammlungen/dokumente2/89204544.jpg> (дата обращения: 02.03.2025).

66. Haben die Polen und Litauer ein Recht auf Altpreußen? Beantwortet von einem Altpreußen durch Geburt und Abstammung. Königsberg, 1919.

67. *Kett A.* Die Wahrheit über die Bolschewiki. Ein Tatsachen-Bericht von intimen Kenner der russischen Verhältnisse. Königsberg, 1919.

68. Man darf nicht schweigen! Königsberg, 1919.

Источники личного происхождения

69. *Бишоф Й.* Последний фронт / Прибалтика между двумя революциями. Германские добровольцы в антибольшевистской борьбе. СПб., 2021. С. 93–300.

70. Прибалтийский излом 1918–1919. Август Винниг у колыбели эстонской и латышской государственности. М., 2019.

71. *Стучка П.* Пять месяцев Социалистической Советской Латвии. Часть 1. Псков, 1919.

72. *Cleinow G.* Der Verlust der Ostmark: die deutschen Volksräte des Bromberger Systems im Kampf um die Erhaltung der Ostmark beim Reich 1918/1919. Berlin, 1934.

73. *Gayl W., von.* Ostpreußen unter fremden Flaggen. Ein Erinnerungsbuch an die ostpreußische Volksabstimmung vom 11. Juli 1920. Königsberg, 1940.

74. *Groener W.* Lebenserinnerungen. Jugend. Generalstab. Weltkrieg. Osnabrück, 1972.

75. *Kessler H.* Das Tagebuch (Online-Ausgabe). 1880–1937. URL: <https://edview.dla-marbach.de/?project=KRH000TA&document=149152> (дата обращения: 03.08.2025).

76. *Lohmeyer H.* Rückblick auf meine Amtszeit // Jahrbuch der Albertus-Universität zu Königsberg/Pr. 1957. 7. S. 250–265.

77. *Nadolny R.* Mein Beitrag. Köln, 1985.

78. *Oldenburg E.* Erinnerungen. Leipzig, 1936.

79. *Siehr E.L.* Erinnerungen von Ernst Ludwig Siehr / Privatbesitz Dietrich Siehr.

80. *Thomaschki P.* Veränderungen in den Lebensumständen, Entwicklung der Preise. URL: <https://www.dhm.de/lemo/zeitzeugen/paul-thomaschki-auszuege-aus-dem-kriegstagebuch-1914-1918-lebensumstaende> (дата обращения: 03.10.2025).

81. *Winnig A.* 400 Tage Ostpreussen. Dresden, 1928.

82. *Winnig A.* Heimkehr. Hamburg, 1935.

ЛИТЕРАТУРА

83. *Баринов И.И., Горный А.С.* Эдмунд Зуземиль и белорусское национальное движение в межвоенный период: новые документы // Беларускі археографічны штогоднік. 2020. Вып. 21. С. 131–142.

84. *Борисова А.А., Черных В.Д.* К вопросу о немецко-польской границе на Парижской мирной конференции в 1919 г. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2018. №1. С. 68–71.

85. *Ватлин А.Ю.* Веймарская республика: история неудавшейся демократии // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 3 (27). С. 267–270.

86. *Ватлин А.Ю.* Германия в XX веке. М., 2002.

87. *Винклер Г.-А.* Веймар 1918–1933: история первой немецкой демократии. М., 2013.

88. *Виноградов М.В.* Восточнопрусский анклав в межвоенный период (1918–1939): дис. ... канд. ист. наук. СПб, 2003.

89. *Винокуров Е.Ю.* Теория анклавов. Калининград, 2007.

90. Восточная Пруссия с древнейших времен до конца Второй мировой войны. Калининград, 1996.

91. *Гурный М.* Великая война профессоров. Гуманитарные науки 1912–1923. СПб., 2021.

92. *Дементьев И.О.* «Исключения из общего правила»: смена вех в дискуссиях западных историков о характере русской оккупации Восточной Пруссии в годы Первой мировой войны // Калининградские архивы. Калининград, 2014. Вып. 11. С. 75–88.

93. *Драбкин Я.С.* Становление Веймарской республики. М., 1978.

94. *Евдокимова Т.В.* О специфике рекрутирования элит на пост рейхсминистра иностранных дел в период Веймарской республики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. Т. 2. № 3 (63). С. 110–114.

95. *Евдокимова Т.В.* Правящая политическая элита Веймарской Германии: Вильгельм Куно // Вестник Волгоградского государственного медицинского университета. 2005. №3 (15). С. 89–92.

96. *Евдокимова Т.В.* Трансформация правящей политической элиты Веймарской Германии (на примере рейхсканцлеров и состава их кабинетов): дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2012.

97. *Зубачевский В.А.* Борьба между Германией и Польшей за Поморье в ноябре 1918 — январе 1920 гг. // Советское славяноведение. 1986. № 3. С. 34–43.

98. *Зубачевский В.А.* Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. М., 2019.

99. *Жиров А.А.* День голосования: к вопросу об интерпретации результатов плебисцита в Восточной Пруссии 11 июля 1920 года // Ретроспектива: Всемирная история глазами молодых исследователей. Калининград, 2015. Вып. 9. С. 87–94.

100. *Клемешев А.П., Ворожеина Я.А.* Эксклавность Калининградской области: опыт экспликации // Балтийский регион. 2024. Т. 16, № 2. С. 4–17.

101. *Колмагоров К.Н.* Великобритания и вопрос о северо-западных границах Польши на Парижской мирной конференции // Балтийский регион в международных отношениях в Новое и Новейшее время. Калининград, 2004. С. 122–130.

102. *Костяшов Ю.В.* «Польский вопрос» в советско-германских отношениях во второй половине 1920-х годов (по материалам консульства СССР в Кёнигсберге) // Балтийский регион. 2013. №3 (17). С. 135–145.
103. *Костяшов Ю.В.* Восточная Пруссия в экономическом, общественном и культурном пространстве России во второй половине XIX — начале XX века // Acta Historica Universitatis Klaipedensis. 2012. Т. 24. С. 51–66.
104. *Костяшов Ю.В.* Геополитические последствия войн XVIII–XX веков для Восточной Пруссии // Русский сборник. Брянск, 2016. Вып. 8/2. С. 228–232.
105. *Костяшов Ю.В.* Российские рабочие в Восточной Пруссии в конце XIX — начале XX века // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2010. Вып. 6. С. 149–155.
106. *Костяшов Ю.В.* Русские на Восточной ярмарке в Кёнигсберге // Слово.ру: балтийский акцент. 2011. Т. 2. № 3–4. С. 171–186.
107. *Красновская Е.И.* Трансформация германской дипломатии в отношении Польши в контексте итогов Первой мировой войны // Ученые записки Казанского государственного университета. 2008. Т. 150. Кн. 7. С. 242–254.
108. *Кретинин С.В.* Немецкие военизированные формирования в Познани и Верхней Силезии в 1918–1921 годах // Известия Смоленского государственного университета. 2014. Вып. 1 (25). С. 168–181.
109. *Кретинин С.В.* Сопротивление политике демократизации Веймарской республики в Пруссии в 1918–1921 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 3 (27). С. 341–347.
110. *Ланник Л.В.* «Мятеж» фрайкоров в Прибалтике 23 августа 1919 г.: вспышка германской гражданской войны // Санкт-Петербургский исторический журнал. 2018. № 3 (19). С. 186–199.

111. *Ланник Л.В.* Брестская система международных отношений как пространство германской гегемонии в Восточной Европе в 1918 г.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2021.

112. *Ланник Л.В.* Судьба наследия Брестской системы между Компьеном и Версалем // Чичеринские чтения. «Революционный 1917 год»: поиск парадигм общественно-политического развития мира. Материалы международной научной конференции. Тамбов, 2018. С. 156–168.

113. *Ланник Л.В.* Победоносные проигравшие. Германская военная элита в 1914–1921 гг. СПб., 2016.

114. *Магадеев И.Э.* Германская политика Парижа в 20-е годы XX века в свете уроков Первой мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №4 (37). С. 35–44.

115. *Магадеев И.Э.* Рурский кризис 1923 г. и трансформация международных отношений в Европе после окончания Первой мировой войны // Genesis: исторические исследования. 2024. № 3. С. 57–75.

116. *Макарычев А.С.* Ноябрьская революция 1918 г. в Восточной Пруссии: демократия и реакция на периферии Германии): дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2022.

117. *Мёллер Х.* Веймарская республика. Опыт одной незавершенной демократии. М., 2010.

118. Очерки истории Восточной Пруссии / Г.В. Кретинин, В.Н. Брюшинкин, В.И. Гальцов и др. Калининград, 2002.

119. *Панкевич Ф.И.* Капповский путч в Германии. М., 1972.

120. *Позднякова И.И.* Проблема Польского коридора на Парижской мирной конференции // Славянский мир: общность и многообразие. М., 2020. С. 121–125.

121. *Попов И.Д.* Региональная политика Германии периода Веймарской республики (1918–1933) в советской и постсоветской историографии // Научный диалог. 2019. № 8. С. 308–344.

122. *Поттхоф Х., Миллер С.* Краткая история СДПГ. 1848–2002. М., 2003.
123. *Строганова Н.А.* Поляки в Восточной Пруссии в 1918–1939 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Калининград, 2004.
124. *Субботин О.Г.* К вопросу о государственно-территориальном устройстве Веймарской Германии // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2020. №20 (2). С. 214–221.
125. *Субботин О.Г.* Место и роль рейхсрата в системе высших органов государственной власти Германии (1919–1934 гг.) // Образование и наука в XXI веке. Ежегодный сборник научных трудов Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка. Минск, 2019. С. 161–165.
126. *Субботин О.Г.* Проекты «имперской реформы» в годы Веймарской республики // Весці БДПУ. 2014. № 4. Серыя 2. С. 58–62.
127. *Субботин О.Г.* Становление основ федерализма в Веймарской республике (1919–1923 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2000.
128. *Тимирев И.А.* Данцигский Международный Третейский суд и вопрос о восточнопрусском транзите // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2006. Вып. 12. Гуманитарные науки. С. 51–55.
129. *Фишер Ф.* Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. М., 2017.
130. *Херберт У.* История Германии в XX веке. Т. I. М., 2024.
131. *Шепель Я.Г.* Дневниковые записи кёнигсбергского священника Пауля Томашки за ноябрь 1918 года // Калининградские архивы. Калининград, 2022. Вып. 19. С. 5–39.
132. *Шепель Я.Г.* Ноябрьская революция в Кёнигсберге в воспоминаниях социалиста Ойгена Шейера // Калининградские архивы. Калининград, 2024. Вып. 21. С. 53–72.

133. *Шиндо Р.* Расширение компетенции обер-президента провинции Восточная Пруссия в период Веймарской республики // Калининградские архивы. Калининград, 2008. Вып. 8. С. 92–101.
134. *Элиты и общество в сравнительном измерении.* М., 2011.
135. *Arning E.* Das „Bielefelder Abkommen“ vom 24. März 1920 als Beitrag zur Beendigung des Ruhraufstandes // 63. Jahresbericht des Historischen Vereins für die Grafschaft Ravensberg. Bielefeld, 1964.
136. *Borm A.* Die Entwicklung Königsbergs i. Pr. zu einer modernen Stadt in der Weimarer Republik. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des akademischen Grades eines Doktors der Philosophie der Philosophischen Fakultät der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Greifswald, 2016.
137. *Catudal H.M.* The Exclave Problem of Western Europe. Tuscaloosa, 1979.
138. *Contag M., Simon F.* Königsbergs Großschifffahrtswege nach Litauen, der Ukraine und Polen. Königsberg, 1918.
139. *Deuticke W.* Ostpreußen und der polnische Korridor. Jena, 1921.
140. *Deutsche* und Polen zwischen den Kriegen. Minderheitenstatus und Volkstumskampf im Grenzgebiet. Amtliche Berichterstattung aus beiden Ländern 1920–1939. München, 1997.
141. *Dmowski R.* Polityka Polska i odbudowanie państwa. URL: <https://cbmn.pl/uploads/ebooks/Roman%20Dmowski%20-%20Polityka%20polska%20i%20odbudowanie%20pa%C5%84stwa.pdf> (дата обращения: 03.01.2026).
142. *Donald R.* The Polish Corridor and the Consequences. London, 1929.
143. *Eimers E.* Das Verhältnis von Preußen und Reich in den ersten Jahren der Weimarer Republik (1918–1923). Berlin, 1969.
144. *Erger J.* Der Kapp-Lüttwitz-Putsch. Ein Beitrag zur deutschen Innenpolitik 1919/1920. Düsseldorf, 1967.
145. *Ferrebeuf F.* Le district de Königsberg en Prusse-Orientale. Strasbourg, 2023.

146. *Gause F.* Die Geschichte der Stadt Königsberg in Preußen. Band III: Vom Ersten Weltkrieg bis zum Untergang Königsbergs. Köln, 1996.
147. *Gerson L.* Woodrow Wilson and the Rebirth of Poland 1914–1920: A Study in the Influence on American Policy of Minority Groups of Foreign Origin. London, 1953.
148. Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 5. Stuttgart, 1984.
149. *Groebe K., von der.* Verwaltung und Politik 1918–1933 am Beispiel Ostpreußens. Kiel, 1986.
150. *Groener-Geyer D.* General Groener: Soldat und Staatsmann. Frankfurt am Main, 1955.
151. *Grupp P.* Deutsche Außenpolitik im Schatten von Versailles 1918–1920. Paderborn, 1988.
152. *Hagelweide G.* Ostpreußische Presse von den Anfängen bis 1945. Band 1. Berlin, 2016.
153. *Hertz-Eichenrode D.* Politik und Landwirtschaft in Ostpreußen 1919–1930. Untersuchung eines Strukturproblems in der Weimarer Republik. Wiesbaden, 1969.
154. *Hürter J.* Die deutsche Kriegswirtschaft im Ersten Weltkrieg // Der Erste Weltkrieg. Deutschland und Russland im europäischen Kontext. Berlin, 2017. S. 68–75.
155. *Jendrzewski A.* Niemieckie organizacje cywilno-wojskowe w Prusach Wschodnich w latach dwudziestych XX wieku: w świetle dokumentów gdańskiej ekspozytury polskiego wywiadu wojskowego // Komunikaty Mazursko-Warmińskie. 2012. 2 (276). S. 269–287.
156. *Kalijarvi T.* The Memel Statute, its origin, legal nature, and observation to the present day. London, 1937.
157. *Klatt R.* Ostpreussen unter dem Reichskommissariat 1919/1920. Heidelberg, 1958.

158. *Kolb E.* Die Arbeiterräte in der deutschen Innenpolitik 1918–1919. Düsseldorf, 1962.
159. *Kossert A.* Ostpreußen: Geschichte und Mythos. München, 2005.
160. *Krekeler N.* Revisionsanspruch und geheime Ostpolitik der Weimarer Republik. Stuttgart, 1973.
161. *Kutschke C.* Königsberg als Hafenstadt. Königsberg, 1930.
162. *Matull W.* Ostpreussens Arbeiterbewegung. Geschichte und Leistung im Überblick. Würzburg, 1970.
163. *Morrow I. F. D.* The Peace Settlement in the German Polish Borderlands: A Study of Conditions To-day in the Pre-war Prussian Provinces of East and West Prussia. Oxford, 1936.
164. *Mühleisen H.* Annehmen oder Ablehnen? Das Kabinett Scheidemann, die Oberste Heeresleitung und der Vertrag von Versailles im Juni 1919. Fünf Dokumente aus dem Nachlaß des Hauptmanns Günther von Poseck // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1987. №35. S. 419–481.
165. *Nelson R.L.* Frontiers of Empire. Max Sering, Inner Colonization, and the German East, 1871–1945. Cambridge University Press, 2024.
166. *Nipperdey T.* Deutsche Geschichte 1866–1918. Band II: Machtstaat vor der Demokratie. München, 1992.
167. *Orlow D.* Preussen und der Kapp-Putsch // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 1978. Jahrgang 26. Heft 2. S. 191–236.
168. *Pölking H.* Ostpreußen: Biografie einer Provinz. be.bra, 2011.
169. *Radke H.* „Müller, Ernst Ferdinand“ in: Neue Deutsche Biographie 18 (1997), S. 365–366. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/pnd138092508.html#ndbcontent> (дата обращения: 01.10.2025).
170. *Richter F.* Aspekte der Industrieentwicklung in Ostpreussen zwischen den Weltkriegen // Zwischen den Weltkriegen. Teil I: Politik im Zeichen Parteien, Wirtschaft und Verwaltung im Preussenland der Jahre 1918–1939. Lüneburg, 1986.
171. *Richter K.* Displacement without Moving: Secession, Border Changes and Practices of Population Politics in Lithuania, 1916–1923 / Population

Displacement in Lithuania in the Twentieth Century Experiences, Identities and Legacies. Boston, 2016. P. 62–88.

172. *Ritter G.* Arbeiterbewegung, Parteien und Parlamentarismus. Göttingen, 1976.

173. *Robinson G. W. S.* Exclaves // *Annals of the Association of American Geographers*. 1959. Vol. 49. №3. P. 283–295.

174. *Safronovas V.* Der Anschluss des Memelgebietes an Litauen. Die Tilsiter Akte und der „Aufstand“ als Symbole des Legitimationsmythos // *Annaberger Annalen / Jahrbuch über Litauen und deutsch-litauische Beziehungen*. 2009. №7. S. 5–40.

175. *Schattkowski R.* Deutschland und Polen von 1918/19 bis 1925. Frankfurt am Main, 1994.

176. *Schulze H.* Der Oststaat-Plan 1919 // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 1970. H. 2. S. 123–163.

177. *Schulze H.* Freikorps und Republik 1918–1920. Boppard am Rhein, 1969.

178. *Schumacher R.* Die Preußischen Ostprovinzen und die Politik des Deutschen Reiches 1918–1919. Die Geschichte der östlichen Gebietsverluste Deutschlands im politischen Spannungsfeld zwischen Nationalstaatsprinzip und Machtanspruch. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophischen Fakultät der Universität zu Köln. Köln, 1985.

179. *Shindo R.* Ostpreußen, Litauen und die Sowjetunion in der Zeit der Weimarer Republik. Wirtschaft und Politik im deutschen Osten. Berlin, 2013.

180. *Thierfelder S.* Der Ostdeutsche Heimatdienst und Volksabstimmungszeit in Ostpreussen. Der Anfang vom Ende der friedlichen Koexistenz? // *Acta Historica Universitatis Klaipedensis*. 2015. Vol. XXX. S. 84–100.

181. *Tilitzki C.* Die Albertus-Universität Königsberg. Ihre Geschichte von der Reichsgründung bis zum Untergang der Provinz Ostpreußen (1871–1945). Band 1: 1871–1918. Berlin, 2012.

182. *Traba R.* Ostpreußen – die Konstruktion einer deutschen Provinz. Eine Studie zur regionalen und nationalen Identität 1914–1933. Osnabrück, 2010.

183. *Wrzesiński W.* Między II Rzeczpospolitą a Republiką Weimarską: (z badań nad dziejami Prus Wschodnich w latach 1919–1932) // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1966. №2. S. 249–298.

184. *Wrzesiński W.* Odrodzenie państwa polskiego w 1918 roku a problem Prus Wschodnich // *Komunikaty Mazursko-Warmińskie*. 1969. №3. S. 347–384.

185. *Wrzesiński W.* Plebiscyty na Warmii i Mazurach oraz na Powiślu w roku 1920. Olsztyn, 1974.

186. *Wrzesiński W.* Polski ruch narodowy w Niemczech w latach 1922–1939. Toruń, 2005.

187. *Zapf W.* Wandlungen der deutschen Elite: Ein Zirkulationsmodell deutscher Führungsgruppen 1919–1961. München, 1966

188. *Zimmermann J.* Tannenberg 1914. Der Erste Weltkrieg in Ostpreußen. Oldenbourg, 2021.

189. Związek Polaków w Prusach Wschodnich. Encyklopedia Warmii i Mazur. URL: https://encyklopedia.warmia.mazury.pl/index.php/Zwi%C4%85zek_Polak%C3%B3w_w_Prusach_Wschodnich (дата обращения: 25.10.2025).

Ключевые политические и военные деятели, упомянутые в диссертации⁷¹⁶

Бартшат, Франц (1872–1952) — восточнопрусский политик. До Ноябрьской революции состоял в Прогрессивной народной партии, в 1912 г. был избран в рейхстаг. В 1918 г. перешел в Немецкую демократическую партию, в 1919 г. был избран в Национальное собрание, где периодически выступал с речами, посвященными проблемам Восточной Пруссии.

Батоцки, Адольф фон (1868–1944) — германский государственный деятель. В 1900–1907 гг. занимал должность ландрата Кёнигсбергского округа. В 1907–1915 гг. возглавлял Сельскохозяйственную палату Восточной Пруссии. В октябре 1914 г. был назначен обер-президентом Восточной Пруссии. В 1916 г. возглавил продовольственное ведомство рейха, временно отошел от дел в Восточной Пруссии. С августа 1917 г. по январь 1918 г. был германским губернатором Удине во Фриули. В феврале 1918 г. вернулся на пост обер-президента Восточной Пруссии. В конце декабря 1918 г. – первой половине 1919 г. участвовал в попытке создания «Восточного государства». В июне 1919 г. подал в отставку из-за несогласия с решением правительства подписать Версальский мирный договор и в связи с провалом плана создания «Восточного государства». Впоследствии продолжал сохранять влияние на провинциальную политику, был почетным профессором в Институте восточногерманской экономики Кёнигсбергского университета.

Бауэр, Густав (1877–1944) — германский политик, член Социал-демократической партии Германии. С июня 1919 г. по март 1920 г. занимал должность рейхсканцлера. Несмотря на восточнопрусское происхождение, Г.

⁷¹⁶ Биографические справки в большинстве случаев касаются тех периодов биографии, которые связаны с Восточной Пруссией изучаемого периода. Биографические сведения восстановлены на основе широкого круга справочной литературы и исследований: Deutsche Biographie. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/?language=en> (дата обращения 20.05.2026); Shindo R. Op. cit.; Klatt R. Op. cit.; Hertz-Eichenrode D. Op. cit.; Borm A. Op. cit., etc.

Бауэр уделял родной провинции лишь эпизодическое внимание: провинциальные проблемы редко обсуждались на заседаниях правительственного кабинета. Из-за кризиса в отношениях между провинцией и центром при Бауэре в марте 1920 г. была созвана первая Восточнопрусская конференция.

Белов, Отто фон (1857–1944) — германский военный деятель, генерал пехоты. В конце 1918 – первой половине 1919 г. был командующим генералом 17-го корпусного округа, расположенного в Данциге.

Бернсторф, Иоганн фон (1862–1939) — германский дипломат. В мае 1919 г. в рамках дискуссии о плебисцитах выступал за то, чтобы как можно быстрее начать подготовительную пропагандистскую кампанию в Вармии и Мазурах, чтобы сохранить эти земли в составе Германии.

Боровски, Альберт (1876–1945) — кёнигсбергский социал-демократ (СДПГ). В 1914–1918 гг. входил в городское депутатское собрание, во время Ноябрьской революции стал временным обер-бургомистром. После Капповского путча был назначен на должность рейхскомиссара (преемник А. Виннига), в этот период занимался расследованием обстоятельств путча в провинции. Третьего июля 1920 г. попросил рейхспрезидента освободить его от этой должности.

Брандес, Эрнст (1862–1935) — восточнопрусский землевладелец, один из лидеров провинциальных консерваторов. В 1914 г. стал президентом провинциальной Сельскохозяйственной палаты.

Браун, Магнус фон (1878–1972) — восточнопрусский чиновник консервативных взглядов. В 1919 г. занял пост регирунгспрезидента Гумбинненского правительственного округа. В 1920 г. скомпрометировал себя во время Капповского путча, был вынужден оставить должность.

Браун, Отто (1872–1955) — германский политик, член Социал-демократической партии Германии. В 1919–1920 гг. занимал должность министра сельского хозяйства в правительстве Пруссии. После Капповского

путча занял должность министра-президента Пруссии. Выступал против идеи расширения полномочий обер-президента А. Виннига.

Брокдорф-Ранцау, Ульрих фон (1869–1928) — германский дипломат, первый министр иностранных дел Веймарской республики, глава делегации на Парижской мирной конференции. Отказался подписать Версальский договор и подал в отставку в июне 1919 г.

Винниг, Август (1876–1956) — германский политик. В конце Первой мировой войны был назначен германским уполномоченным по Прибалтике. В январе 1919 г. по предложению А. фон Батоцки стал рейхскомиссаром в Восточной и Западной Пруссии. В июле 1919 г. занял пост обер-президента Восточной Пруссии. Несмотря на формальное членство в СДПГ, во время нахождения в должности все более сближался с консервативными землевладельцами. Выступал за особые экономические условия для Восточной Пруссии, добивался расширения полномочий обер-президента, что привело к конфликту с правительством Пруссии. В марте 1920 г. скомпрометировал себя во время Капповского путча, был смещен с поста.

Гайль, Вильгельм фон (1879–1945) — восточнопруссский политик. Один из ключевых представителей консервативного лагеря провинции, член НННП. В Первую мировую войну возглавлял политический отдел Обер Оста, затем был главой германской военной администрации в Ковно. Был одним из сторонников плана «Восточного государства». В 1920 г. назначен рейхскомиссаром по плебисциту в Алленштайнском правительственном округе. В июне 1921 г. был избран уполномоченным провинции в рейхсрате.

Гёрделер, Карл (1884–1945) — заместитель обер-бургомистра Кёнигсберга в 1920–1930 гг. До Кёнигсберга имел опыт административной работы в Золингене и на территориях, оккупированных в ходе Первой мировой войны. В июне 1919 г. служил в Западной Пруссии под командованием Отто фон Белова, выступал против условий Версальского мирного договора и за вооруженную борьбу против Польши. Четырнадцатого января 1920 г. избран заместителем обер-бургомистра Кёнигсберга. Состоял в НННП, социал-

демократы обеих фракций выступали против его избрания. Курировал инфраструктурные и прочие строительные проекты, выступал за развитие воздушного сообщения между Кёнигсбергом, Берлином и Москвой, расширение торговли с СССР.

Грёнер, Вильгельм (1867–1939) — германский военный деятель, с октября 1918 г. первый генерал-квартирмейстер. В январе 1919 г. призывал обер-президента А. фон Батоцки отказаться от сепаратистских планов, связанных с «Восточным государством».

Дассель, Йоханнес фон (1863–1928) — прусский офицер, генерал рейхсвера. После Капповского путча ему было поручено командование I армейским округом с центром в Кёнигсберге, в октябре 1923 г. передал командование Вильгельму Хайе.

Доминикус, Александр (1873–1945) — германский политик и государственный деятель. В 1921 г. занимал должность прусского министра внутренних дел.

Земмиш, Фридрих (1869–1945) — германский государственный деятель, член Немецкой народной партии. До Первой мировой войны служил в Имперском казначействе и министерстве финансов рейха. В 1921 г. занимал должность прусского министра финансов, участвовал в обсуждении вопросов, связанных с Восточной Пруссией (представительство в Берлине, финансовые дотации).

Зир, Эрнст Людвиг (1869–1945) — восточнопрусский политик, обер-президент Восточной Пруссии в 1920–1932 гг. Уроженец Инстербурга, получил юридическое образование. Был членом Прогрессивной народной партии, в 1912–1918 гг. депутат рейхстага. После войны вступил в Немецкую демократическую партию, был избран в Национальное собрание. В апреле 1920 г., после подавления Капповского путча и в рамках демократизации бюрократического аппарата, назначен временным обер-президентом Восточной Пруссии, окончательно утвержден в должности в конце июля 1920 г. Находясь на этом посту, конфликтовал с представителями консервативной

элиты. Лоббировал особые экономические условия провинции, его меморандум от 18 апреля 1922 г. лег в основу первой Восточнопрусской программы, продвигал идею создания в Берлине специального Восточнопрусского представительства.

Кох-Везер, Эрих (1875–1944) — германский политик, член Немецкой демократической партии, в 1919–1921 гг. министр внутренних дел рейха. Поддерживал проект Восточной немецкой ярмарки в Кёнигсберге.

Куно, Вильгельм (1876–1933) — германский политик и предприниматель. С ноября 1922 г. по август 1923 г. рейхсканцлер. В 1923 г. выступал на открытии Восточной немецкой ярмарки.

Кутчке, Корнелиус (1877–1968) — городской строительный советник (Stadtbaurat) Кёнигсберга, руководил градостроительной политикой в городе, участвовал в разработке и реализации проекта глубоководного порта. Был последовательным сторонником создания в Кёнигсберге свободного порта по образцу Бремена, Гамбурга и Штеттина. В 1922 г. выдвинул проект водного пути от Кёнигсберга по Мемелю до Киева.

Ламбсдорф, Георг фон (1863–1935) — восточнопрусский чиновник. В 1915–1919 гг. был регирунгспрезидентом в Гумбинненском правительственном округе. В августе 1919 г. был назначен рейхскомиссаром по Мемельской области. Изначально отстаивал идею сохранения германского влияния в области, затем выступал за передачу Мемельской области в состав Литвы, чтобы не допустить усиления Франции и Польши в регионе. Весной 1922 г. покинул должность рейхскомиссара.

Ломайер, Ганс (1881–1968) — обер-бургомистр Кёнигсберга в 1919–1933 гг. Уроженец Торна, юрист по образованию, с 1916 г. городской советник в Шёнеберге (тогда – пригород Берлина). Летом 1919 г. был избран обер-бургомистром Кёнигсберга. Выступал за рационализацию городского управления и модернизацию инфраструктуры. Активно лоббировал проект Восточной немецкой ярмарки.

Люббринг, Йозеф (1876–1931) — восточнопрусский социал-демократический политик и профсоюзный деятель. Во время Ноябрьской революции входил в Кёнигсбергский совет рабочих. Был соратником Августа Виннига. В июле 1919 г. был назначен на должность полицай-президента Кёнигсберга. Подвергался критике как со стороны товарищей по СДПГ, так и со стороны представителей правых партий.

Мальцан, Адольф фон (1877–1927) — германский дипломат, в 1922–1924 гг. руководитель русского отдела МИД. В 1922–1923 гг. курировал мемельский вопрос.

Мирбах-Сорквиттен, Юлиус фон (1839–1921) — восточнопрусский крупный землевладелец, консервативный политик. Член правления Немецко-консервативной партии, неоднократно избирался в рейхстаг. Во время Первой мировой войны опубликовал ряд статей о бедственном экономическом положении Восточной Пруссии.

Мюллер, Герман (1876–1931) — политик, член СДПГ, как министр иностранных дел поставил подпись под Версальским договором. Дважды занимал пост рейхсканцлера (март – июнь 1920 г., 1928–1930 гг.). Осенью 1919 г. инициировал создание специального фонда для финансирования пропагандистских мероприятий в районах проведения плебисцитов, в том числе – в Вармии и Мазурах.

Надольны, Рудольф (1873–1953) — германский дипломат. В 1917–1919 гг. возглавлял отдел восточной политики МИД; в этом качестве участвовал в составе германской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске. В марте 1919 г. был назначен шефом бюро первого рейхспрезидента Ф. Эберта. На этом посту большое внимание уделял восточнопрусским проблемам, был одним из сторонников проекта «Восточного государства». В январе 1920 г. назначен послом в Стокгольме.

Носке, Густав (1868–1946) — германский государственный деятель, социал-демократ. Активно участвовал в событиях Ноябрьской революции. С

февраля 1919 г. был назначен министром рейхсвера, организовывал переустройство германской армии в условиях версальских ограничений.

Рихтер, Эрнст фон (1862–1935) — прусский государственный деятель и политик (ННП). В 1921 г. занял пост министра финансов Пруссии, на этом посту участвовал в обсуждении связанных с Восточной Пруссией вопросов.

Северинг, Карл (1875–1952) – германский государственный деятель, социал-демократ. В 1920–1926 гг. занимал пост министра внутренних дел Пруссии. Участвовал в обсуждении ряда вопросов, связанных с Восточной Пруссией.

Сект, Ганс фон (1866–1936) — германский военный и политический деятель, генерал-полковник. После Первой мировой войны возглавлял Войсковое управление, заменившее Генеральный штаб. В январе 1919 г. посещал Кёнигсберг, свои впечатления о политической и военной ситуации в провинции отразил в отчете Грёнеру. Сект выступал против проекта Восточного государства. С июня 1920 г. возглавлял управление сухопутными войсками, был одним из создателей рейхсвера.

Симон, Фриц (?–?) — синдикус кёнигсбергской Торгово-промышленной палаты, ведущий специалист по торговле с Россией, участвовал в разработке германо-русского торгового договора 1894 г. В конце Первой мировой войны совместно с Максом Контагом разработал проект соединения провинциальных водных путей с Варшавой, Ковно и Киевом. В январе 1919 г. палата предлагала направить Симона в составе мирной делегации на Парижскую конференцию, однако обер-президент Батоцки кандидатуру отклонил. В ноябре 1920 г. представлял германскую сторону на варшавских переговорах о восточнопрусском транзите.

Симонс, Вальтер (1861–1937) — германский государственный деятель. Входил в состав германской делегации на Парижской мирной конференции. В 1920–1921 гг. министр иностранных дел Германии. Участвовал в решении вопросов, связанных с Восточной Пруссией (плебисцит в Вармии и Мазурах, соглашение о транзите через «польский коридор»).

Скальвайт, Бруно (1867–1926) — германский агроном-экономист, профессор Кёнигсбергского университета. Автор исследований по восточнопрусскому сельскому хозяйству. В 1919–1921 гг. опубликовал ряд статей по проблемам восточнопрусской экономики.

Фишбек, Отто (1865–1939) — германский государственный деятель и либеральный политик (НДП). В 1918–1921 гг. занимал должность прусского министра торговли. На этом посту проявлял особый интерес к Немецкой восточной ярмарке, при этом противился восточнопрусским автономистским тенденциям.

Фляйшер, Пауль (1874–1960) — германский политик, член партии Центра. До Первой мировой войны избирался в рейхстаг, после войны был депутатом Национального собрания и Восточнопрусского провинциального собрания. Весной – летом 1919 г. возглавлял парламентский комитет действия «Север» – неформальное объединение депутатов от восточных провинций Пруссии.

Франкенбах, Фридрих Вильгельм (1884–1942) — прусский чиновник, с конца 1921 г. и до 1930 г. — руководитель Восточнопрусского представительства в Берлине.

Фройнд, Фридрих (1861–1924) — прусский чиновник. В 1918–1920 гг. служащий министерства внутренних дел Пруссии (1918–1920 — помощник статс-секретаря, 1920 — статс-секретарь). В июне 1919 г. в докладной записке выступил с критикой проекта «Восточного государства».

Ханиэль фон Хаймхаузен, Эдгар (1870–1935) — германский дипломат, статс-секретарь МИД.

Хербст, Кристиан (1879–1966) — восточнопрусский чиновник. Уроженец Баварии, с 1907 г. на коммунальной службе в Остероде, с 1912 г. возглавил там же городскую администрацию. В июне 1920 г. по настоянию обер-президента Э. Зира и вопреки сопротивлению МВД рейха и провинциальных консерваторов был назначен его представителем при ведомствах рейха и Пруссии. В конце 1920 г. участвовал в парижских

переговорах о транзите через «польский коридор». Летом 1921 г. был переведен в Кёнигсберг на пост советника обер-президента. На этом посту занимался хозяйственным восстановлением провинции (электрификация, водные пути, переселенческая политика), в 1922 г. участвовал в подготовке Восточнопрусской программы.

Хирш, Пауль (1868–1940) — политик, член СДПГ, первый министр-президент Свободного государства Пруссия (ноябрь 1918 г. – март 1920 г.), ушел в отставку после Капповского путча.

Шейдеман, Филипп (1868–1940) — политик, влиятельный член СДПГ. В ноябре 1918 г. в Берлине провозгласил республику. В феврале – июне 1919 г. возглавлял первое правительство Веймарской республики, ушел в отставку, не желая подписывать Версальский мирный договор.

Шольц, Эрнст (1874–1932) — германский политик, член Немецкой народной партии, в 1920–1921 гг. министр экономики рейха. Участвовал в выделении средств на создание Восточной немецкой ярмарки.

Эберт, Фридрих (1871–1925) — германский политик, влиятельный член СДПГ. После Ноябрьской революции – председатель Совета народных уполномоченных, затем – первый президент Веймарской республики.

Эшторф, Людвиг фон (1859–1943) — германский генерал. До Первой мировой войны служил в Юго-Западной Африке. В феврале 1919 г. назначен губернатором крепости Кёнигсберг, затем — командующим 1-м корпусным округом. Во время Капповского путча поддержал путчистов, за что позже был смещен с должности.